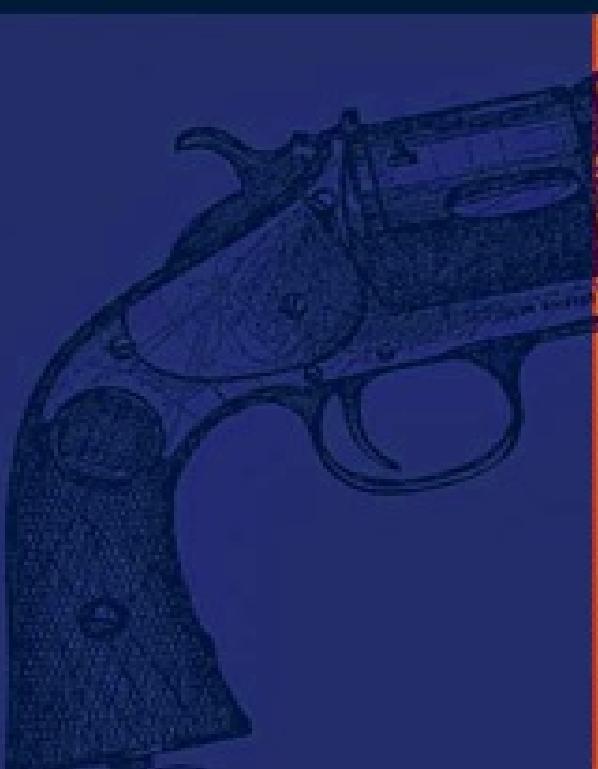

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

ПУЛЯ С КАВКАЗА

Происшествия из службы
сыщика Алексея Лыкова
и его друзей

Annotation

Действие книги происходит в 1885 году в Дагестане. Русское военное командование разыскивает банду абреков, которыми руководит резидент турецкой разведки. Выясняется, что он бывший русский офицер, который ещё 40 лет назад перебежал к Шамилю и с тех пор неустанно вредит России. В горы уходит отряд во главе с подполковником Таубе. Лыков прикомандирован к отряду от министерства внутренних дел. Предстоит проникнуть в труднодоступный район, в окрестности загадочной вершины Аддала-Шухгельмеэр, где находится лагерь абреков. Лыкову и Таубе известно, что один из офицеров, включённых в состав отряда – предатель. С самого начала экспедиции с ней начинают происходить странные вещи...

- [Николай Свечин](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)

- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)

- [115](#)
  - [116](#)
  - [117](#)
  - [118](#)
  - [119](#)
  - [120](#)
  - [121](#)
  - [122](#)
  - [123](#)
  - [124](#)
  - [125](#)
  - [126](#)
  - [127](#)
  - [128](#)
  - [129](#)
  - [130](#)
  - [131](#)
  - [132](#)
  - [133](#)
  - [134](#)
  - [135](#)
  - [136](#)
  - [137](#)
  - [138](#)
  - [139](#)
  - [140](#)
  - [141](#)
-

Николай Свечин

Пуля с Кавказа

Глава 1

Командировка

14 мая 1885 года коллежский асессор Лыков пришёл на службу в Департамент полиции, но до своего места добраться не успел. Курьер из канцелярии передал ему приказание вице-директора Благово – немедленно явиться к нему. Пожав молодецкими плечами – и без того ежедневно в десять часов утра он пивал у начальника и учителя чай – Алексей отправился на второй этаж. Что ещё за срочность такая?

Вице-директор встретил его притворно сердито:

– Ишь, выучился службой манкировать! Десять минут тебя уже жду.

– И напрасно гневаться изволите, – ответил Лыков, фамильярно усаживаясь на стул. – Опоздал я всего на четыре минуты, и по уважительной причине. Разве от них оторвёшься? Вцепились все трое, и непускают. Насилу выбрался.

Полтора года назад Алексей женился, наконец, на своей давней любви, Вареньке Нефедьевой. Спустя положенный срок у счастливых молодожёнов родились близнецы, два мальчика. Именным указом императора им была присвоена фамилия Лыковы-Нефедьевы. Заповедное имение, являющееся до сей поры выморочным^[1], было передано им в совместную собственность, а Лыков назначен опекуном. Сенат три месяца размышлял над таким необыкновенным случаем: как делить майоратное имение, ежели наследники его – близнецы. В порядке исключения установили равные права для обоих – авось, не подерутся. Теперь по утрам плечистого папашу провожали на службу красавица-жена и пара крепких карапузов. От таких, действительно, быстро не оторвёшься…

– Чай уже пил?

– На ваш рассчитывал. А вы вон ногами топаете, придираетесь к маленькому человеку.

– В гостях изопьешь. Ежели дадут. Едем в Военное министерство, прямо сейчас.

– А барона Витьку там увидим?

– Увидим. И вообще: чего это ты расселся перед камергером? Ох, распустил я кадр…

Через полчаса на Адмиралтейской набережной, 12 состоялось секретное совещание. Открыл его генерал-адъютант Обручев, начальник

Главного штаба и председатель Военно-Учёного комитета^[2]. Присутствовали: директор канцелярии ВУК генерал-майор Енгалычев, подполковник Таубе, действительный статский советник Благово и коллежский асессор Лыков.

— Итак, господа, — начал сиплым голосом Обручев, — мы собрали сегодня два министерства: военное и внутренних дел. Это потому, что задача у нас такая, она находится на стыке полномочий. Надо прикрыть шайку абрека Малдая. Местная власть не может справиться с ней вот уже три года; им требуется помощь. Сия операция — для Департамента полиции (короткий кивок в сторону гостей). Однако в окружении Малдая состоит эмиссар турецкой разведки. Источники называют его «старик в жёлтой чалме»; имя нам неизвестно. Старик заправляет всем в шайке и является её негласным вожаком; абрек фактически подставное лицо. И это знаменитый Малдай из Бахикли! Что же за старик такой? Абречество для него, видимо, лишь прикрытие, а занимается он шпионством. А это уже относится к ведению нашего министерства, точнее, Военно-Учёного комитета.

Обручев перевёл дух, оглядел своих собеседников, долее всех задержал взгляд на Лыкове.

— Алексей Николаевич, вы ведь уже бывали на Кавказе ранее?

— Так точно, ваше высокопревосходительство. Сначала воевал с турками, а после излечения от ранения ловил абреков в Андии^[3] и Ичкерии. Кроме того, дважды с Летучим отрядом Департамента полиции вычищал Пятигорск.

— Ну вот, значит, места эти вам знакомы. А напомните, когда вы с бароном фон Таубе последний раз взаимодействовали?

— Хм... В феврале 1881 года в Нижнем Новгороде. Предотвратили покушение на покойного государя.

— Готовы отправиться с ним в Дагестан в составе нашего отряда?

— С бароном Таубе — хоть к чёрту в пасть, ваше высокопревосходительство.

Генерал-адъютант удовлетворённо кивнул:

— Тогда договорились. Как вы знаете, Дагестанская область выведена из гражданского управления и подчинена Военному министерству. Поэтому начальником отряда назначается подполковник барон фон Таубе. Коллежский асессор Лыков утверждён его помощником. Секретный приказ о вашей командировке, Алексей Николаевич, уже согласован с министром внутренних дел, и вчера подписан военным министром. Вот, ознакомьтесь.

Благово вместо Лыкова принял приказ из рук генерала и принялся

внимательно его изучать.

– Какая вооружённая сила будет включена в отряд? – спросил Алексей.

– Взвод казаков с урядником, плюсом два горца в качестве проводников, – ответил Енгалычев. – Представитель от начальника Дагестанской области. И офицер разведочного отделения штаба Кавказского военного округа. Он абадзех, сирота, усыновлённый русским семейством. Зовут Даур-Гирей. Он по службе хорошо осведомлён о положении дел в Дагестане, и станет вам незаменимым сотрудником.

– Абадзех? Годится, – откомментировал Лыков. – Самая достойная на Кавказе народность.

– Старик в жёлтой чалме – что о нём известно? – вступил в разговор Благово. Военные, точно по команде, все разом скривились.

– Толком ничего, – буркнул Таубе. – Одни лишь слухи.

– Давайте слухи.

– Судя по всему, старик долго жил в Турции и занимал там серьёзные должности. Абреки называют его «сартип».

– Полковник – пояснил Лыков Павлу Афанасьевичу.

– Появился дедушка в горах неведомо откуда, примерно в то же время, что и Малдай.

– Мы, навроде, эту птицу уже ловили? – опять вмешался Лыков. – Я самолично за ним гонялся, правда, поймали его другие.

– Так точно. Малдай из Бахикли – это такое село в Андии – впервые выступил против нас ещё в 1860 году, во время восстания в Северном Дагестане. Генерал Евдокимов бунт подавил, аул сжёг, а нашего приятеля сослал в Вологодскую губернию. В 1877 году, при начале турецкой войны, Чечня и Дагестан опять взбунтовались. Горцы, подстрекаемые турецкими эмиссарами, желали ударить в спину русской армии, которая резалась под Карсом и Кобулетом. Малдай к тому времени уже отбыл ссылку, вернулся и снова возглавил одну из шаек. Нам было тогда не до повстанцев, и они успели поэтому достичь значительных успехов. Но, покончив с турками, армия обернулась к бунтовщикам и быстро всех передушила. Как раз тогда, Алексей, ты и гонялся за Малдаем Бахиклиским. А поймал его знаменитый теперь Комаров, тогда ещё полковник. Злодей поехал на этот раз в Тобольскую губернию. При коронации 1883 года государь даровал амнистию всем ссыльным повстанцам, и вот результат: Малдай снова в горах... Теперь он абрек, верховодит шайкой из тридцати головорезов, и состоит на довольствии у турецкой разведки.

Раздосадованный подполковник замолчал. Поскольку его слова прозвучали, как косвенная критика действий государя, в разговоре

возникла неловкая пауза. Через минуту Таубе продолжил:

– Но дело не в этом неуёмном чеченце, а в старике, что стоит за ним. Абрека, в конце концов, можно просто застрелить. А вот сартип в жёлтой чалме... Вы помните, кому полагалась такая при Шамиле?

– Ну, ты спросил, – развёл руками Лыков. – Шамиля взяли в плен, когда мне стукнуло два годика.

– В Имамате^[4] жёлтые чалмы полагались наибам, – неожиданно пояснил Благово.

– Наибам? Это, кажется, горские губернаторы?

– Да, начальники отдельных областей, подчинявшиеся непосредственно Шамилю. Скорее, они похожи на наших генерал-губернаторов, чем на губернаторов, поскольку у себя в наибстве они ведали также и военной силой. В разные времена число их доходило до пятидесяти. Самые доверенные у имама были люди! Неужто наш дедушка из них? И по возрасту подходит.

– Я повторюсь, Павел Афанасьевич, – продолжил Таубе, – что точных сведений об этом человеке у нас нет. Мы можем только строить догадки. Самая неприятная из этих догадок вот какая: наш источник однажды слышал, как стариk говорил по-русски. Очень чисто, без малейшего акцента.

За столом опять повисла пауза. Сыщики переглянулись, военные скрипнули зубами.

– Ну, что ж, – сказал Благово. – Неприятно, но не удивительно. У Шамиля наших много было. Газеты не любили об этом писать... И далеко не все из них приняли ислам, многие так и остались в Христовой вере.

– В какой ещё вере, ежели они своих убивали! – рявкнул Енгалычев. – Ты, Паша, такими словами-то не бросайся. Христова вера... Изменники Бога не имеют!

– Ну, основная часть, конечно, были чёрту племянники, – согласился действительный статский советник. – Ни Аллаху, ни Христу не кланялись. Но факт тот, что в горах русских было много. Так?

– Так, – подтвердил Обручев. – Это входило в политику Шамиля. Он приказал дружески принимать всех дезертиров и беглых. Им давали хлеб, кров, семена, даже землю, что в горах самое ценное. Для этих целей Шамиль выкупал наделы у сельских обществ. Русских женили на туземках. Если беглый принимал магометанство, это особенно приветствовалось; но никого не заставляли менять веру насилино. В захваченных крепостях Шамиля мы везде находили православные храмы, моленные дома старообрядцев. И ещё костёлы. Поляки перебегали к имаму особенно

охотно, целыми взводами и ротами, вместе с офицерами. У Шамиля воевал польский легион численностью в четыре сотни человек! Но речь не о них. Старик в жёлтой чалме на ясновельможного пана не похож. И на горца тоже.

– И на горца не смахивает? – заинтересовался Благово. – Как же можно говорить об этом с уверенностью? Пожилые люди, как облысеют, все на одну колодку!

– Отличить не трудно, – усмехнулся Таубе. – Пятьдесят пять лет тому назад некий поручик Новицкий проделал, по поручению князя Паскевича, крайне опасную командировку: он пересёк горы Западного Кавказа с севера на юг и вышел к Анапе. Для этого поручик обрил голову, отпустил бороду, весь перепачкался в грязи. Путешествовал во вражеских горах он под видом глухонемого нукера, поскольку языков не знал. Туземцы разоблачили его по мозолям на ногах.

– Как по мозолям? – удивился Благово.

– Горцы носят мягкую обувь, и мозолей у них не бывает, – пояснил Лыков.

– Новицкий спасся чудом, – продолжил барон. – Имеется ещё один очень верный признак, лучше любых мозолей, чтобы отличить мытых от немытых. Скажи, Алексей, чем пахнут горцы?

– Пахнут? Верно... Павел Афанасьевич, подтверждаю: все природные кавказские туземцы имеют один общий запах. Ни с чем не спутаешь. Они насквозь пропахли черемшой, или диким чесноком.

– Чесноком?

– Да. Туземцы истребляют его в огромных количествах ежедневно, особенно летом. Конечно, амбрэ у горца более сложное: тут и бараний жир, и конский пот, и порох; но наиболее всего черемша. И европейца, пусть даже обряженного в горский костюм, легко отличить именно по запаху.

– Значит, старик в жёлтой чалме чесноком не пахнет, – констатировал Благово.

– А на поляка не похож потому, что принял ислам, – пояснил барон. – Сами знаете – паны этим не грешат. Значит, русский дезертир.

– Вопрос с русским на службе у Шамиля старый и болезненный, – продолжил разговор Енгалычев. – С той поры уж столько лет прошло; почти все участники повымерли. Но старые кавказцы их помнят и люто ненавидят. Именно беглые русские обучили войско имама, создали ему артиллерию, строили со знанием сапёрного дела крепости и завалы. Рассказывают, что даже без поляков, чисто русских дезертиров в горах было более тысячи человек. И многие из них показали себя, как настоящие

звери... Добивали раненых, пытали пленных. Бежали-то самые отбросы! Среди русских мюридов^[5] находились даже офицеры! В 1843 году прапорщик Залётов из Тифлисского пехотного полка сдал горцам аул Ахальчи с нашим гарнизоном. Перебил ночью караул и открыл ворота... Две роты попали в плен со своими командирами; кто пытался сопротивляться – был зарублен. А бывший сотник Лабинского полка Атарщиков любил, надев мундир, разъезжать по нашим тылам на Кавказской линии и брать «языков». В 1844 году он захватил и увёз в горы поручика Глебова, адъютанта самого генерала Нейгарда, командующего Кавказского корпуса. Вообще же история с дезертирами (туземцы называли их «наши русские») тёмная. Точных сведений очень мало. Мы знаем, например, что картографами Шамиля были три офицера Генерального штаба: два поляка и один русский. Но имена неизвестны. В строю состоял и воевал с нами целый русский батальон. Батальон! Начальник его, а также ротные и взводные командиры все были офицеры! Немыслимо! Артиллеристы тоже были наши дезертиры. Когда в 1859 году Шамиля наконец добили, в его павших крепостях насчитали 52 орудия! Половина самодельные, а половина забрана у нас. Рядовой канонир не сможет отлить орудие, и даже не сумеет метко из него стрелять; требуется знать математику, физику, баллистику. А они умели... В 1845 году светлейший князь Воронцов захватил и сжёг столицу Имамата – аул Дарго. В нём обнаружили так называемую Солдатскую слободу, застроенную русскими избами. В слободе были костёл, православный храм и моленный дом для старообрядцев. А ещё ткацкая фабрика, пушечный двор, мастерская для отливки ядер... У горцев оказались даже конгриевые ракеты!^[6]

– Ты рассказываешь о делах давно ушедших, – умерил пафос генерала Благово. – Сорок лет прошло; пора позабыть. Сам Шамиль уже истлел в земле.

– Вы считаете, что стариk в жёлтой чалме – из тех? – спросил Енгалычева Лыков. – Не умер и не унялся? Офицер?

– Очень похоже, – кивнул генерал. – Беглый крестьянин не выслужился бы у турок в полковники. Солдат-дезертир? Сбежал с Кавказа после падения Шамиля от греха подальше. А тут всю жизнь вредить России! Почти полвека положить на борьбу. Нет, тут враг, враг идейный, и он не уйдёт на пенсион.

– Как же он спасся, когда пал Гуниб?^[7] Дезертиров разве не судили?

– За это мы должны сказать спасибо князю Барятинскому. Когда его войска пошли на штурм последнего оплота Шамиля, у того оставалось не

более 400 верных мюридов. Больше половины из них были русские перебежчики, причём такие, которым сдаваться нельзя – руки по локоть в крови. Имама тогда предали все. Самые верные наибы перекинулись к нам. Обоз с золотой казнью разграбили свои же аварцы. Князю следовало бы перебить тех, кто отказался сложить оружие, и выжечь скверну дотла. Сил было предостаточно. Но он решил сделать подарок императору ко дню рождения, и каждый час был важен; могли опоздать на день-другой. И князь затеял переговоры об условиях капитуляции, вместо того, чтобы отдать приказ «в штыки!». Вот хитрый старик и выпросил у Барятинского прощение всем, кто оставался с ним в Гунибе. Так шестьдесят изменников, дезертиров, беглых каторжников ушли от возмездия. Многие потом попались на других преступлениях – они же ничего более делать не умели; но главные улизнули. Мы, военная разведка, знаем кое-кого поимённо. Их тайно ищут все сорок лет, и будут искать, пока все предатели не перемрут. Бывшие офицеры самые идейные и самые опасные из них. Ведь не туркам же служит старик-сартип; за турками стоят англичане. Всегда и везде, где идут козни против России, проглядывает британский след. Вот, недавно поймали Алпатова...

– Кто такой?

– Дезертир из моздокских казаков. Редкая сволочь. Как и Атарщиков, любил лихачить в наших тылах в полной форме. Нападал на тех, кто ехал без конвоя, грабил и уводил в рабство. Прославился тем, что похитил жену полковника Попова в 1842 году. Пришлось её, бедную, потом задорого выкупать. Сидел с Шамилём в Гунибе, был отпущен князем Барятинским и сбежал в земли адыгов. В 1864 году Западный Кавказ был очищен от горцев, и Алпатов надолго пропал. Появился в 1877 году под Баязетом, где убивал наших раненых и пленных. Вместе с сыном Шамиля Кази-Магомой... После перемирия опять исчез. Год назад мы получили интересное сообщение. С пассажирских пароходов, направляющихся из Турции в крымские порты, отпускают в море почтовых голубей. Те летят над Чёрным морем в британское посольство в Константинополе, заучивают маршрут. Понятно, для чего?

– На случай войны?

– Именно! Англичане готовят пути для пересылки шпионских сведений от своей агентуры. Мы начали следить за голубятниками, и арестовали в Феодосии их резидента. Это и оказался давно разыскиваемый Алпатов. Так что, господа, всё очень серьёзно.

– Ладно, – подытожил Обручев. – Задача вам понятна. На сборы Таубе и Лыкову даю 48 часов. Письменные инструкции получите завтра у

генерала Енгалычева. Подъёмные, господин коллежский асессор, возьмёте в своём департаменте. Вы временно, на три месяца, прикомандированы к Военному министерству с сохранением жалования по ЭмВэДэ. Уж извините – у нас режим экономии... Чёрт бы его побрал! Указания вашего министра графа Толстого вы обязаны выполнять только в той части, в которой они не противоречат полученным инструкциям. Всё ясно?

– Здорово, ваше высокопревосходительство, – съязвил Благово. – Деньги наши, а указания ваши. Награды, поди, тоже себе заберёте?

Но Обручев только набычился и просипел:

– Награды сперва надо заслужить.

Глава 2

Сборы

Два дня после совещания в Главном штабе ушли у Алексея в непрерывных сборах. Департамент полиции не собирался отпускать своего чиновника в командировку запросто так. В сыскное отделение Темир-Хан-Шуры^[8] следовало передать целый тюк корреспонденции. Главный документ – «Особый секретный алфавитный список разыскиваемых преступников» – дополнялся опознавательным альбомом с фотографическими портретами злодеев. Плюсом – семнадцать циркулярных писем, регламент о дознании политических преступлений, анкета к годовому отчёту городского полицейского управления, сметная ведомость и даже бланки служебных формуляров... Как будто коллежский асессор едет на Камчатку, а не на обжитый и обустроенный Кавказ!

Более всего Алексея поразило следующее письмо из родного департамента:

«В. нужное.

Экстренно.

Секретно.

Г-ну Полицмейстеру г. Темир-Хан-Шура.

Прошу принять меры к розыску и задержанию бразильского подданного Товия-Альфонса-Касадо Лима, бывшего казначея Манаосской таможни штата Амазонка. Указанный Лима присвоил себе 939 511 мильрейсов 476 рейсов (примерно один миллион рублей) и бежал в Европу. По некоторым сведениям, он мог приехать в Южные города России. Приметы...» и так далее.

Лыков с трудом представил себе беглого бразильского подданного, скрывающегося где-нибудь в Дербенте с мешком загадочных мильрейсов. Куда он с ними, бедолага? В трактире не примут, в гостинице тоже...

Плохие воспоминания пробудило другое письмо департамента:

«Арестантское.

Г-ну Полицмейстеру, всем Исполнительным Чиновникам.

Объявляется циркулярный розыск в отношении крна^[9] Владимирской губернии Покровского уезда Митинской волости деревни Зиновской Финиеста Иванова Раковникова. Указанный Раковников в 1884 году в Петербурге во главе шайки душителей убил 8 и ранил 1 человека. В числе

жертв фабрикант ваксы и чернил Гонтмахер. При задержании Раковников убил околоточного надзирателя. Приговорённый к бессрочной каторге, бежал с этапа, тяжело ранив ефрейтора конвойной команды и часового. По агентурным сведениям, может скрываться в Кавказских городах. Приметы: рост 2 аршина 5 и 5/8 вершка, рот обыкновенный, зубы все, нос продолговатый, лицо чистое. Возраст 30 лет. Волосы тёмно-русые, борода и усы рыжеватые. Телосложение плотное. У внутреннего края правой лопатки родимое пятно чёрного цвета. На груди на 4 пальца ниже левого соска пятно красного цвета; ниже его по той же линии рубец от бывшего небольшого нарыва. На правой ноге второй палец, рядом с большим, немного короче остальных. При задержании чинам полиции соблюдать особенную осторожность».

Лыков знал Финиеста Раковникова лично. В октябре у коллежского асессора родились близнецы. Одного сразу назвали Павлом – в честь Благово, а второму имя подбирали несколько дней. Алексей предложил Вареньке назвать малыша в память её покойного отца Александром. Однако та кротко, но твёрдо воспротивилась... Александр Нефедьев совершил страшный грех – покончил с собой в 1881 году, оказавшись замешанным в убийство. Неожиданно объявился побочный сын и предъявил доказательства законности своего рождения... Очень любивший свою Вареньку, оказавшуюся вдруг, вследствие подлой интриги, бесприданницей и незаконнорожденной, Нефедьев с отчаяния заказал убийство своего нежданного отпрыска. Когда всё совершилось, и оказалось притом бесполезным, он ужаснулся собственному поступку и застрелился. Дочь хоть и простила сразу же отца, но боялась перевести его имя на своего сына. Из понятного опасения – как бы вместе с именем не передалось ему тернистое прошлое деда. Когда Лыков понял причины, он согласился, чтобы второго малыша назвали в честь его отца Николаем; здесь молодые родители и помирились. И то сказать – это была их первая размолвка почти за год семейной жизни...

Близнецы росли крепкими и весёлыми. Внешнее их сходство не было особо сильным. Павлука оказался ниже ростом, и разрезом глаз пошёл в мать, а Николка более походил на отца. Счастливый папаша стал раньше возвращаться со службы, мог часами возиться с потомством в ущерб прочим делам. Его жизнь разом изменилась, сделалась наполненной и интересной, как вдруг случай показал коллежскому асессору оборотную сторону этого счастья...

Летучий отряд департамента получил приказ: помочь столичному градоначальству в поимке банды Раковникова. Тот уже совсем распоясался,

убив за два дня в Петербурге и окрестностях четырёх человек. Агентура донесла, что преступники скрываются в складе воздушных звонков на Большой Гребецкой улице. Семеро мужчин в статском, все атлетического сложения, оцепили склад, но внутрь не заходили, замешкались у входа. Обычно это всегда и безбоязненно делал помощник начальника отряда Лыков. Но сейчас он вдруг вспомнил, как Павлука давеча расцарапал ему маленькими ноготками нос – и не смог переступить порога... Это было неожиданно, непривычно, очень постыдно, но ничего поделать с собой Алексей не мог. Прошло тягостных две минуты. Наконец сыскной городовой Загулин крякнул и, шагнув вперёд, взялся за ручку двери. Тут Лыков опомнился, оттёр его плечом и с взведённым револьвером вскочил в склад; остальные ворвались следом. Но лишь услышали удаляющиеся шаги в дальнем конце огромного помещения. Алексей побежал на звук, остальные агенты с трудом поспевали за ним. Вторые ворота склада выходили на Малую Разночинную. Вылетев из них, коллежский асессор споткнулся о рас простёртое тело околоточного надзирателя Кузнецова, поставленного здесь в засаду. В груди полицейского, напротив сердца, алела крупная ножевая рана...

В тот вечер Лыков не вернулся со службы домой, а принялся слоняться по холодному мокрому городу. Потоптался у парадной подъезда дома на Театральной улице, где жил Благово. Не вошёл... Не хотелось никого видеть. Сунулся в три портерных, выпил водки без закуски, но это не помогало. В глазах стояли его товарищи по Летучему отряду, надёжные, проверенные в опасных делах люди – и как они смотрели на Лыкова там, у склада, и отводили торопливо глаза. Начальник, надворный советник Мукосеев, хлопнул своего помощника по плечу и сказал задушевным голосом:

– Не кисни, Алексей Николаич, эдак с каждым бывает. Как поймешь, что цена твоей жизни теперь другая... Ничего, привыкнешь.

Агенты отряда поддержали Мукосеева и тоже сказали ободряющие слова. Жизнь есть жизнь, люди это понимали. Но и Лыков понимал, что в смерти околоточного надзирателя виноват лично он. Себя пожалел – а его заместо себя под нож подставил... И теперь товарищи уже никогда больше не будут уверены в нём до конца, как было до этого случая.

Лыкову пришлось смириться со случившимся. Теперь он каждый месяц заносил вдове Кузнецова сто рублей (вдвое больше жалования погибшего). Серая, убитая горем женщина деньги брала и очень благодарила, но сыщику всё казалось, что она никогда его не простит. Может быть, только казалось... Чувство вины, мучавшее Алексея, толкнуло

его на крайне неосторожный поступок. Агентура донесла, что Раковников укрылся в Пироговской лавре. Когда Летучий отряд закупорил с обеих сторон Малков переулок, Лыков оставил своих людей у входа, а сам пошёл на разведку. Сказал: погляжу осторожно, и вернусь. А сам отправился брать Раковникова в одиночку. Осведомитель сообщил, что с «мазом» всего один сообщник. Он ошибся: в маленькой комнатке укрывалось, считая с Раковниковым, пять крепких и бывальных головорезов. Это была, наверное, самая трудная и опасная схватка в жизни Лыкова: он получил три ножевых ранения, а удар кистенём скользнул по голове и перебил уже однажды сломанную ключицу. Двоих бандитов Алексей выбросил в окно с четвёртого этажа: они упали на крышу дровника, сильно расшиблись, но выжили. Только тогда товарищи Лыкова сообразили, что к чему, и бросились наверх. Когда они ворвались в комнату, Лыков, весь в крови, сидел верхом на главаре и выкручивал ему руку в плечевом суставе. Ещё два гайменника^[10] лежали по углам: у одного, живого, был выбит глаз, голова второго была страшным ударом вколочена в грудную клетку...

Алексей лечился целый месяц. Варенька только теперь поняла настоящий характер мужиной службы. На время лечения коллежский ассессор был отзван из Летучего отряда и причислен к МВД без должности. Шло расследование происшествия. Лыков доказывал, что был неожиданно обнаружен бандитами во время разведки, и оказался вынужден вступить в схватку. Но начальство ему не верило. Новый директор Департамента полиции Дурново собирался отчислить Лыкова – из-за непозволительных эмоций тот поставил под удар всю операцию. Но не решился: Алексей был лично известен императору. Кроме того, за скромным коллежским ассессором высилась тень Павла Афанасьевича, который был вхож в такие кабинеты, что страшно вымолвить. И Дурново отступил. Лыкова лишили наградных к Рождеству и вернули в Летучий отряд.

Благово дождался, пока Алексей встанет на ноги, и увёз его на охоту в Вартемяки. Хозяин имения, граф Пётр Шувалов, начальник Гвардейского корпуса, предоставил гостям и егерей, и отдельный флигель. Два дня учитель и ученик караулили волков на номере, пили водку у костра и беседовали о всякой всячине. Вернувшись посвежевшие, и уже на пороге, прощаясь, Павел Афанасьевич сказал:

– Понимаю: страшно жить, когда ты не один. Делаешься очень уязвим... За них всегда боишься больше, чем за себя. А за себя боишься по-новому, не как прежде. Опасаешься не дожить до следующих степеней счастья, видеть, как они растут, мужают... Женить их, повзрослевших,

ждать потом внуков... Я лишён этого, но понимаю тебя. И все понимают: Мукосеев, товарищи по отряду, даже Дурново. Тебе надо научиться жить с этим. И не делай, пожалуйста, больше таких глупостей.

И вот теперь Раковников бежал с этапа. Хорошо бы встретить его в этих самых «Кавказских городах». И свернуть при задержании шею.

Благово дал Алексею ещё одно личное поручение, не объясняя его сути. Требовалось зайти в архив Окружного суда на Литейном, взять некую банку под номером 43 и отвезти её в Темир-Хан-Шуру. А там Лыкова встретят и посылку заберут. На вопросы, что это за склянка, зачем везти её так далеко и кто получатель, шеф лаконично сказал:

– Делай, что велю.

И Алексей отправился на Литейный.

Надо было забраться на самый чердак огромного двухэтажного, на высоком цоколе, здания суда. Поднявшись, он сразу почувствовал тяжёлый неприятный запах. Очень знакомый запах – так сохраняют разлагающиеся трупы... А ещё резкая добавка спирта, которая делала пребывание на чердаке чуть более терпимым. Около сотни стеклянных банок, выставленных на полу и на длинных деревянных столах, занимали всё помещение. Некоторые были укутаны в обёрточную бумагу, но большинство стояло открыто. В банках, хорошо различимые в формалине, плавали то отрубленные людские головы, то руки, то ноги, а где и внутренности... Это был архив останков жертв давнишних преступлений; некоторые склянки стояли здесь уже более двадцати лет. Как вещественные доказательства, они фигурировали в суде и должны были теперь храниться бессрочно.

Даже привычного Лыкова замутило от увиденного. Смотритель архива, румяный крепыш с петлицами коллежского секретаря, улыбнулся:

– У нас все тушуются! Это от отсутствия привычки.

– К чёрту такую привычку. А вы, стало быть, обвыкли?

– Да уж восьмой год эти потроха караулю, поневоле привыкнешь. Какая там у вас банка?

– Сорок третья.

– Ага, это вон в том конце. Между головами фон Зона и Штрама.[\[11\]](#)

– А в моей банке что находится?

– В вашей-то? А сердце.

– Сердце? Чьё?

Как раз они проходили мимо очередной ёмкости, в которой плавало что-то белёсое и волокнистое.

– Это кишечки того парня, что в 74-м нашли на колокольне Спасской

церкви... – пояснил смотритель – А сердце доставили в 67-м году из Новгородской губернии. Принадлежит оно какому-то магометанскому фанатику по прозванию Кунта-Хаджи.

– Ну и ну! – удивился Лыков. Как человек, бывавший на Кавказе, он слышал это имя. Основатель и вождь чеченского вирда братства Кадирия^[12], Кунта происходил из простых пастухов. Став главой братства на Кавказе, он привёл в него множество сторонников и сделался влиятельной теневой фигурой, фактически равной официальной власти. Русской администрации это не понравилось, и в 1864 году шейх был арестован и выслан в Новгородскую губернию. Говорили, что он умер в ссылке, а тело его было выкрадено учениками и тайно похоронено где-то в горах. И вот теперь Благово зачем-то заставляет Лыкова возвратить на Кавказ сердце этого давно забытого властителя умов...

– А как этот трофей оказался в здешнем архиве?

Смотритель глянул в толстый журнал.

– Об этом имеется следующая отметка: «Означенный орган вырезан и препровождён для бессрочного хранения по особому распоряжению Кавказского Наместника великого князя Михаила Николаевича».

– Это для чего же?

– И сие разъяснено. Вот: «С целью лишить мятежников предмета, могущего быть фетишем».

– Глупость какая! – не выдержал Алексей. – Вместо того, чтобы предать покойника земле, как велит порядочность, режут его на части... Нашли фетиш! Давайте сюда банку.

Лыков аккуратно уложил свою странную ношу в чистый холщёвый мешок, расписался в журнале и почти бегом удалился из страшного места. К анатомическим деталям он относился спокойно – много уже повидал их на своём веку. Как православный человек, Алексей был возмущён диким произволом бывшего кавказского наместника. Если Благово хочет, чтобы именно он вернул сердце хаджи в горы, то что ж; это вполне по христиански.

– Павел Афанасьевич, – доложил он через четверть часа, – банку я из архива забрал. Как мне поступить, ежели вдруг в Темир-Хан-Шуре меня с ней никто не встретит?

Благово хмыкнул в седые усы:

– Встретят и заберут, не бойся.

– А зачем это вообще делать?

– Для твоей безопасности.

– Нельзя ли разъяснить? – спросил Алексей с некоторым

раздражением.

– Не злись, пожалуйста. Окончательно ты это поймёшь, когда окажешься там, в горах.

– Я, позвольте напомнить, там уже бывал. И всё равно не понимаю.

– Ты бывал там, я помню. И воевал, и кровь проливал. Но в качестве кого? Как вольнопуп. Вольноопределяющийся первой категории.^[13] А здесь политика, восточная, азиатская. Когда ты окунёшься в неё по самую маковку, вместе со своим другом-бароном, то скажешь мне спасибо за идею с посылкой. Пока же поясню лишь одно. Кунта-Хаджи умер, но организация его жива и даже процветает. Кадирийский тарикат сделался параллельной структурой власти, теневой администрацией всего Северного Кавказа. Правительство опасается его, пытается искоренить, и, на мой взгляд, совершенно напрасно. Надобно с ним сотрудничать, извлекать свои выгоды. Однако кавказское начальство ещё со времён Михаила Николаевича отличается тупостью и нежеланием ладить с горцами. А ты выкажешь себя другим! Братство Кадирия будет очень признательно тебе за подарок. Очень! И это может весьма пригодиться вам с Таубе.

– Как состоится передача?

– Очень просто. Они сами тебя отыщут, как только приедешь. Отдашь, они сядут на коней и ускакут. «Спасиба» не жди. Но эти люди добро помнят.

– Получается, что вы своей властью отменили распоряжение великого князя?

– Получается. Я поговорил с председателем Окружного суда, объяснил абсурдность и дикость команды наместника, и тот написал записку в архив.

– Вас накажут, если узнают.

– Алексей! Это ерунда по сравнению с теми действительными опасностями, которые достанутся тебе... Так что, бери склянку и езжай домой, укладываться в дорогу. Я приеду на вокзал проводить.

Глава 3

Дела семейные

Лыков пошёл на квартиру, стараясь поменьше махать мешком с банкой. Не дай Бог, разобьёшь... Коллежский асессор жил теперь совсем рядом со службой, на углу Моховой и Пантелеймоновской. После рождения детей жалование перестало его интересовать. Сыновья, получив двойную фамилию, унаследовали огромное заповедное имение в Костромской губернии, дающее почти сто тысяч годового дохода. Лыков был назначен опекуном имущественных интересов собственных детей до достижения ими совершеннолетия. Управляющего он искал недолго. Вскоре после выхода именного указа о появлении фамилии Лыковых-Нефедьевых из Нижнего Новгорода пришло письмо. Старый друг Ян Титус сообщил сразу две новости. Во-первых, он тоже женился, а во-вторых, поссорился со вздорным губернатором Барановым. И получил от него совет уволиться от должности начальника сыскной полиции. Ян просил приискать ему место, и лучше не в полиции, а какую-нибудь частную службу. Надоело видеть каждый день одни преступные рожи и пытаться, как говорят немцы, вычерпать водой клинком... Предложение переехать в крохотный городок Варнавин (1052 жителя!) и взять в управление заповедное имение бывший сыщик принял с удовольствием. Должность самостоятельная и не простая. Воровать он не умеет, но умом Бог не обидел. Содержание – в четыре раза выше казённого! А отчитываться – Лёшке Лыкову... Эх-ма! Госпожа Титус оказалась тоже не прочь уехать в лесную глушь. Происходила она из честного купеческого семейства, светские соблазны её не прельщали. Любви мужа и уважения соседей ей было достаточно; ещё бы детей побольше... Так Ян оказался в глухих костромских лесах, где с удовольствием занялся новым делом, умножая в перерывах количество маленьких Титусиков. А Лыков получил управляющего, за которым не нужно проверять счета.

Коллежский асессор не сразу привык к богатству. Он имел собственный капитал, полученный от сдачи в казну ворованного золота. В своё время Лыков разгромил в Забайкалье шайку «нерчинского губернатора» Бардадыма и конфисковал песок и самородки, украденные им с кабинетских приисков. Жалование плюс проценты с этого капитала позволяли сыщику жить без роскоши, но вполне обеспеченно. Свалившееся

с женитьбой на него богатство он своим не считал – это деньги супруги и детей. Но начались ссоры с Варенькой, когда она пыталась приодеть мужа или купить ему новые запонки. Наконец однажды, после очередного неприятного объяснения, Варенька сказала ему своим кротким голосом:

– Дорогой, что же у нас будет за жизнь, если мы продолжим делить деньги на твои и мои? Мы четверо – одна семья. Ты у меня, слава Богу, не мот и не картёжник; лишнего у детей не отнимешь. А быть замужем за оборванцем я не согласна!

И Лыков согласился. Сам понимал, что делается уже смешон в своей излишней щепетильности. Коллежский асессор безропотно принял золотые запонки и обновил мебель в кабинете. В новой шестикомнатной квартире у него теперь был и свой кабинет! Кухарка, горничная и няня составили штат прислуги; лакея для себя и выезд Лыков запретил даже обсуждать. Безбедная, почти роскошная жизнь обходилась молодому семейству всего в пять с половиной тысяч в год. Эти расходы полностью покрывались жалованием сыщика и процентами с его капитала. Правда, если не считать сумм на съём квартиры – самой дорогой статьи столичных расходов. Необходимые две тысячи (включая дрова) выплачивались уже из доходов от имения. Ещё около тысячи рублей уходило на различные экстренные нужды. Все остальные поступления помещались в банк на имя Павла и Николая Лыковых-Нефедьевых равными долями.

Варвара Александровна явила собой пример очень приличной светской дамы. Молодая и красивая, имевшая в Петербурге большое и знатное родство, она делала все положенные визиты и поддерживала необходимое знакомство. Но дети и муж оставались на первом плане. Часто приходили в гости Благово и Таубе, а ещё помощник пристава Спасской части подполковник Закс-Гладнев и городовой Фёдор Кундрюцков. К последнему Варенька особенно благоволила.

Весь высший свет помнил, что государь принял личное участие в судьбе юной сироты. Дважды (!) по ней издавались именные указы: о возвращении фамилии девице Нефедьевой, и о переходе наследственных имущественных прав к её потомству. Благодаря этому, молодое семейство было окружено уважением – и осторожным любопытством. Богатырь, не очень уверенно державшийся в шикарных гостиных, неброский и молчаливый, хорошо смотрелся возле красавицы жены. Покровительство императора, словно невидимый щит, прикрывало оперативника. В январе этого года фон Плеве был сделан товарищем министра внутренних дел, и директором Департамента полиции стал Пётр Николаевич Дурново. Как и Павел Афанасьевич, он служил ранее во флоте, оттуда перешёл в судейские

и несколько лет состоял в департаменте вторым вице-директором. В свете шутили, что выбирая между благим и дурным, государь выбрал дурного... Испытывая давнюю неприязнь к своему коллеге и сопернику, новый директор начал было выживать его, а заодно и Лыкова. Но тут же с самого верха раздался такой окрик, что Дурново сразу притих. Служба вроде бы наладилась, но Алексей был рад, что его семейство теперь навсегда материально обеспечено и не зависит от жалования. Правда, жизнь рантье он себе представлял плохо. Таубе недавно успокоил своего приятеля, сказав: «Станет совсем плохо – возьму к себе в разведку».

Лыков зашёл в квартиру, сбросил сюртук с фуражкой на руки горничной Авдотье, а склянку с секретным содержимым аккуратно поставил в одёжный шкаф. Хотел сразу пройти в детскую, но не успел: из коридора послышалось звонкое шлепанье об пол четырёх маленьких ладошек. Павлука и Николка сами ползком чесали к нему наперегонки. Схватив потомство в охапку, счастливый папаша отправился с ними в путешествие по квартире. В гостиной обнаружил жену. Та сидела за географическим атласом, раскрытым на слове «Кавказ» и делала вид, что не грустит. С тех пор, как она увидела мужа после трёх ножевых ранений, Варенька сразу и навсегда поняла скрытую суть его службы. И что ей придётся мириться с этим, ждать страшного известия и надеяться, что оно не придёт.

– О! Дагестан! – сказал Алексей, присаживаясь в кресло напротив и спуская детей на пол. – Бывал я в тех краях. Горы такие красивые...

– Ага, – неожиданно шмыгнула носом супруга. – И люди там душевые. Только все с ружьями и кинжалами.

– Так мы с Витькой будем, и при нас сотня казаков в придачу, – соврал Лыков. – А потом, на Кавказе давно уже тихо. Настрелялись все вдоволь. Посмотри лучше, Чунеев, кажется, мокрый.

Чунеев – было прозвище Николки, а Павлуку звали – Брюшкин.

Но Варенька шмыгнул ещё громче и из глаз её полились беззвучные слёзы.

– Перестань, перестань, – Алексей мягко вытер жене глаза платком. – Не реви, пожалуйста, детей напугаешь. Я вернусь. Я всегда отовсюду возвращаюсь. Скажи лучше, что тебе привезти с Кавказа. Там в Кубачах делают замечательные вещи. Говорят, именно кубачинцы изготовили двурогий шлем Александру Македонскому, а нашему Александру Невскому выковали серебряный щит. Куплю тебе там браслеты. Иди, распорядись насчёт ужина, а я пока дособеру вещи.

Варенька улыбнулась сквозь слёзы и вышла. Брюшкин и Чунеев

припустили следом за ней. Алексей вернулся в прихожую, незаметно вынул мешок и, таясь, пронёс его в комнату. Аккуратно уложил сердце Кунта-Хаджи в седельный чемодан, закутав банку в носильные вещи. В другой конец чемодана поместил револьвер «бульдог». Он не сомневался, что этот предмет весьма понадобится ему в предстоящей командировке...

Глава 4

Начало пути

Поезд на Москву уходил в половине одиннадцатого пополудни. Утром Лыков с Таубе оказались в Первопрестольной. Алексей не был тут два года, с самой коронации. Начальство торопило, поэтому в Нижний они выехали спешно, едва успев отобедать. Ещё четырнадцать часов в дороге, и коллежский асессор обнял матушку и сестрицу.

Хорошо дома! Половодье уже сошло, Волга вернулась в берега. На деревьях нерешительно пробивались первые листья. Лыков с Таубе почти не соснули – чуть не до утра просидели с Форосковым и Титусом. Ян по такому случаю был вызван телеграфом из Варнавина. Пётр Форосков служил ранее его помощником в сыскном отделении. Когда Титус уволился от должности, Пётр тоже не захотел остаться. Теперь он состоял при пароходном товариществе Зевеке в качестве «делопроизводителя по тонким делам». Известно, что в России расцвёл новый мошеннический промысел. Специальные адвокатские конторы в Москве и Петербурге занимались взысканием с фабрик, железных дорог и пароходных обществ денег за причинённые работникам или пассажирам увечья. С этой целью они создали сеть платных осведомителей, сообщавших им обо всех произошедших несчастных случаях. Адвокаты выкачивали потом с ответчиков крупные суммы страховых выплат. Из которых самим жертвам доставались крохи... Форосков препятствовал появлению таких исков, договариваясь с жертвами несчастий во внесудебном порядке; отвечал и за предотвращение краж на пароходах и складах товарищества. Новая служба была беспрекословной и иногда опасной, но хорошо оплачивалась. В полиции Петра любили и, при необходимости, охотно помогали...

Утром следующего дня Лыков с Таубе пошли представляться. Сначала, как положено, явились в Губернаторский дворец. Начальник губернии затаил злобу на Алексея ещё с Петербурга, где служил некоторое время градоначальником. Однако телеграмма министра внутренних дел была категоричной: «Оказать полное содействие», и уклониться от приёма Баранов не мог. Он вышел к посетителям в сюртуке с Георгием, мрачно выслушал рапорт, поинтересовался, в чём именно гостям требуется помочь. Таубе, как старший, вёл разговор, Алексей больше молчал. Выяснив, что нужно быстроходное судно для отбытия в Астрахань,

губернатор набросал записку полицмейстеру и холодно простился.

Выходя от Баранова, приятели разошлись. Подполковник пошёл представляться старшему воинскому начальнику. В Нижнем Новгороде квартировала 1-я бригада 3-й стрелковой дивизии. К её командующему, генерал-майору Коноплянскому, барон и отправился. А Лыков поспешил на своё прежнее место службы, в городское управление полиции.

Полицмейстер Каргер встретил бывшего подчинённого радостными восклицаниями:

— Лёша! Экий ты сделался молодец!

Старик выбежал из-за необъятного стола, обнял Алексея и прижал к себе. Затем отступил на шаг, осмотрел внимательно иконостас на груди:

— Уже и шейный орден заимел! Коллежский асессор!

— Что ордена, Николай Густавович! Вот у меня два сына родились, так это событие! Одного Павлом назвали, понятно, в честь кого; второго Николаем. Восьмой месяц пошёл. Мордарии — во! Лихие должны быть ребята.

— Ещё бы! Папаша у них герой. Ну, садись, расскажи, как служба идёт. Я слышал, ты у самого государя на примете?

— Не то, чтобы на примете, но Станислава на шею он мне сам вручил. И камер-юнкерские орлы^[14]. А Павлу Афанасьевичу — камергерский ключ. Мы вдвоём были удостоены личной аудиенции. Силищи у его величества, почти, как у меня! Так руку сжал, что чуть пальцы не сломал!

— Ха! Тебе сломаешь... А как с новым начальником? Разное о Дурново говорят...

— Ну, дело-то он знает. Дурново исправлял должность с ноября прошлого года, так что, мы уже притёрлись. Служить можно.

— Ещё говорят, что ты сделался богач...

— Заповедное имение Варвары Александровны даёт такой доход, что о жаловании я могу уже не думать. Да и сам кой-чего в Забайкалье заработал... Помните, я вам на свадьбе рассказывал? Так что, копейки больше не считаем.

— Молодец, Алексей, — кивнул Каргер. — Материальная независимость в России важнее чина или ордена. Я вот генерал-майор, а концы с концами едва свожу. Тут ещё этот случай...

Год назад в заречной слободе Кунавино, ни с того, ни с сего, разыгрался кровавый еврейский погром. Какая-то дурная баба бросила свою полуторагодовалую дочь посреди улицы в грязи. Две еврейские девочки, семи и десяти лет от роду, увидев это, взяли ребёнка на руки и пошли искать мамашу. Но она вскоре подоспела сама и подняла крик, что

«жиды украдли младенца». И этой глупой истории оказалось достаточно для того, чтобы полупьяная толпа принялась громить еврейские лавки и квартиры... Беззаконие продолжалось до утра. Каргер во главе небольшого отряда полицейских и пожарных пытался предотвратить кровопролитие, но не очень преуспел – силы были не равны. Шестидесятидвухлетний генерал лично схватил троих погромщиков, получив от толпы контузию в грудь. Итогом болтовни недалёкой бабы стали девять убитых евреев.

– Веришь, Лёша – чуть со службы не турнули. Восемнадцать лет полицмейстером, никогда ни одного замечания, и из-за какой-то дуры... Ну, ладно; это я по стариковски. Обидно. Давай, рассказывай теперь, по какому делу ты здесь?

Лыков выложил записку губернатора.

– Так... Быстроходное судно. Осетров на Каспии бить собрался? хи-хи...

– Секретная командировка в Дагестан, – лаконично ответил коллежский асессор.

Николай Густавович немедленно вызвал начальника речной полиции капитана второго ранга Жеребко-Ротмистренко. Тот доложил, что буксирный пароход «Боярышня» может отплыть через восемь часов. Условились, где судно будет их дожидаться, и Лыков ушёл гулять по родному городу. Он не спеша фланировал тихими после столицы улочками, то и дело вспоминая свои старые расследования. Вот губернская гимназия, в которой убили единокровного брата Вареньки Михаила Обыденнова. А здесь хлысты в 79-м собирались уже душить Благово, да Алексей вовремя подоспел... Особняк Бурмистрова, в котором жена с любовником отправили несчастного хозяина... Казарма на Грузинской, где сормовский мазурик зарезал часового... Теперь другие сыщики ловят в Нижнем Новгороде других бандитов.

Алексей вернулся домой и провёл оставшиеся несколько часов с матушкой и сестрицей. Та была в положении. – муж, волжский капитан, наконец-то занялся делом... В условленное время сынок и разведчик прибыли к Боровскому перевозу. «Боярышня» уже стояла под парами. Загрузили вещи, Лыков помахал родным берегам, и пароход отчалил.

Путь до Астрахани занял четверо суток. Никогда ещё у Алексея не было такого приятного путешествия. Судно в их полном распоряжении, денег полны карманы, а в качестве начальника и попутчика – лучший друг! Питались они преимущественно стерлядью, которую на ходу ловили матросы. На пристанях, когда «Боярышня» становилась под загрузку дров, бегали на пассажирские пароходы, чтобы поесть в их буфетах мясного и

выпить чарку водки.

23 мая прибыли в Астрахань. Алексей зашёл на полицейский телеграф – для него ничего не было. Таубе же вернулся от воинского начальника с длинным шифрованным донесением, которое разбирал полчаса, сверяясь с блок-нотом. Прочитал, помрачнел.

– Что, турки объявили нам новую войну? – съехидничал коллежский асессор.

– Кажется, выяснилась личность нашего старика в жёлтой чалме. Он действительно русский, фамилия его Лемтюжников.

– И кто таков?

– Известный в наших кругах человек. Сорок лет его ловим, поймать не можем!

– Расскажи подробнее.

– Сейчас не время. Но это плохая новость. Сволочь ловок, как... не знаю даже, с чем сравнить. Хотя, ежели мы его поймаем, нам с тобой, Лёха, сразу обеспечено место в раю! Столько на нём русской крови... А есть и вторая плохая новость. Наш осведомитель в окружении резидента разоблачён. Исправнику прислали в мешке его голову. Так что, задачка попасть в рай усложняется.

В пыльной, пропахшей рыбой Астрахани, едва отошедшей от половодья, путешественники задержались недолго. На каждого было по два седельных чемодана багажа. Остановились с ним в гостинице, сходили в ближайшие бани и к вечеру отправились на пристани.

Каспийское море очень коварно, поэтому друзья не сели на парусный баркас, а выбрали большой колёсный пароход общества «Кавказ и Меркурий». Пятнадцать часов пути с сильной болтанкой весьма их измотали, поэтому на твёрдую землю путешественники ступили с облегчением. Порт-Петровск^[15] оказался крохотным грязным городишком, совсем почти не туземным. Он был построен сорок лет назад как база для снабжения морем Кавказского корпуса, беспрестанно воевавшего в Чечне и Дагестане. Смотреть в городе было нечего, поэтому командированные быстро наняли возницу и поехали на юг.

Глава 5

Темир-Хан-Шура

От Петровска до столицы Дагестанской области всего 40 вёрст – три часа неспешной езды в коляске. Выехав по Гудермесской дороге, они вскоре свернули на благоустроенное Меликовское шоссе. Князь Меликов в течение двадцати лет был бессменным начальником области и, в числе прочих полезных дел, соединил Темир-Хан-Шуру с морем. Путь странников лежал с Кумыкской равнины к дагестанским горам. Горы! Вот они, пока ещё как мелкие зубцы, сияют снеговыми вершинами на горизонте. Сердце Лыкова учащённо билось. Девять лет назад двадцатилетним «вольнопупом» он впервые попал на Кавказ и был поражён его величием. Казалось, эта страна создана для гигантов. Стремительные, необыкновенно чистые реки; невероятной высоты седоголовые пики; непроходимые лесные чащи и опасные каменные осьпи... Лазая по горам, Алексей встречался с турами, находил наскальные доисторические рисунки и древнее оружие; однажды даже встретил огромного роста волосатого человека, похожего на гориллу. Самым же интересным на Кавказе оказались люди. Особенно туземцы – смелые, гордые, гостеприимные, часто опасные. Многие смотрели на него, как на захватчика и, при случае, не прочь были срезать гяуру голову. Были и другие – отслужившие в императорском конвое, с гордостью носившие русские медали, честно исправлявшие должности в местной администрации. С момента падения Шамиля прошло уже 27 лет, выросли новые поколения мирных людей, развивались торговля и промышленность. Но по-прежнему управляла этим краем армия. Вот и сейчас, по пути в город, навстречу Алексею чаще попадались люди в погонах, нежели обыватели.

Коляска въехала на очередной пригородок, и неожиданно путникам открылся вид на столицу Дагестана. Лошади сами собой, без понукания, припустили вскачь, и через полчаса остановились возле гостиницы.

Темир-Хан-Шура знаменита своим местоположением. По преданию, в 1396 году здесь, на берегу большого озера Ак-куль, расположилось лагерем войско самого Тамерлана. В горах его называли Темир-Ханом, а «шура» по кумыцки – озеро; так и сложилось название. Когда армады Железного Хромца ушли, на месте их стоянки возник аул. Место было бойкое: у озера

сходились важные стратегические дороги, соединяющие Аварию и Салатавию с Дербентом и Кизляром. Аул процветал. Сначала он входил в Тарковский шамхал, потом в особый удел Бамата. А затем столь выгодное местоположение приглянулось русским, и в 1832 году возле деревни появилось военное укрепление. Сначала оно было складочным пунктом для снабжения русских войск. Через два года его основательно расширили и назначили ставкой командующего войсками в Северном Дагестане. Озеро – рассадник лихорадки – осушили, а туземцев переселили в Халимбекаул.

11 ноября 1834 года Темир-Хан-Шуру осадили мюриды под командой самого Шамиля. Храбрый аварец только что был выбран сходом горских общин новым имамом, вместо своего друга Гамзат-бека, убитого знаменитым впоследствии Хаджи-Муратом. Шамиль решил воспользоваться ослаблением гарнизона. Отряд генерал-майора Ланского из 13 батальонов пехоты и 9 сотен казаков, при 40 орудиях, вышел из крепости и отправился на взятие Хунзуха – столицы Аварского ханства. Оставшиеся в укреплении 4000 солдат больше месяца отбивались от полчищ горцев. 15 декабря отважный генерал Фрейтаг пришёл с подкреплением на выручку гарнизону и нанёс Шамилю сильное поражение. Новоиспечённый имам отступил в отдалённый аул Ашильта, родину своей матери, и на три года прекратил активные действия.

Уцелевшая Темир-Хан-Шура продолжила расширяться. В 1847 году она была назначена местопребыванием управляющего гражданской частью в Прикаспийском крае, а в 1866 стала городом. На Кавказе, когда хотели развить какой-то пункт, или усмирить его окончательно, всегда назначали его штаб-квартирой полка или дивизии. Место тут же начинало расцветать. Солдат надо кормить и обслуживать, а офицеры и чиновники любят покупать горские изделия для сувениров. В результате в Темир-Хан-Шуре появились два завода – консервный и по изготовлению кизлярки. А также школа, училище, 2 мечети, 2 синагоги, 2 православных храма, армянская церковь и костёл. В разное время в крепости служили поэты Лермонтов и Полежаев, писатель Александр Бестужев-Марлинский, а в 1857 году город посетил сам Александр Дюма!

Лыков и Таубе заселились в гостиницу Рустамбекова, наскоро умылись и пошли представляться начальнику Дагестанской области. Алексей с любопытством глазел по сторонам. За девять лет, что он здесь не был, город изрядно переменился и украсился.

Темир-Хан-Шура вытянулся вдоль реки Шура-Азень на несколько вёрст. Сам город расположен у подножья плоских и безлесых предгорий, за

которыми сияет снежная гряда Гимринского хребта. На главной площади возвышается белая громада Андреевского военного собора. Храм виден из любой точки областной столицы. Однокупольный, с поставленной прямо на трапезную колокольней, он – самое высокое строение во всём Дагестане. Вокруг храма, по сторонам Соборной площади, расположены все главные здания областного управления – присутственные места, канцелярия начальника, штаб 30-й дивизии, акцизное ведомство, казначейство и управление гражданской частью. От площади начинается и главная улица города – Аргутинская. Она названа в честь знаменитого князя Моисея Захаровича Аргутинского-Долгорукова. Сей достойный муж выслужил генерал-адъютантский чин в беспрерывных войнах с персами, турками и горцами. Всю свою службу Самурский лев – так прозвали князя – провёл только на Кавказе. Он дважды брал штурмом столицу Шамиля аул Гергебиль. Тридцать лет назад в Тифлисе прославленного генерала сразил паралич, и благодарные шурины установили недавно герою памятник в начале улицы, названной его именем.

На Аргутинской Лыков обнаружил много красивых домов, некоторые из которых были даже каменными и трёхэтажными. Лучшие магазины и несколько кондитерских и винных погребов располагались здесь, придавая улице парадный и завлекательный вид. Боковые переулки тоже выделялись опрятностью и живописностью строений. Прямо как в хорошем губернском городе! Аккуратные деревянные мостовые, мощёные камнем площади, шоссированные улицы и зеркальные витрины лавок ласкали глаз. Среди толпы, довольно многочисленной, преобладали два типа: военные и, почему-то, евреи. Последних было даже больше, чем горцев. Много попадалось и главных торговых конкурентов иудеев – армян. Сновали озабоченные поляки с бритыми лицами, степенно вышагивали крепкие бородатые молокане; немало, конечно, имелось и магометан. В Дагестане больше, чем где-либо ещё на Кавказе, смешалось разных народностей. Основные – это аварцы, даргинцы и лакцы, они же казикумухи. А есть ещё кайтаги, кара-кайтаги, кубачинцы, цехуры, кумыки, таты, лезгины, табасарийцы, бежтинцы, титдийцы, богулалы, гузебцы, рутульцы... Все разговаривают на своих наречиях. А в языке табасарийцев, к примеру, 37 падежей! Всего в Дагестане 30 народов и 70 диалектов; голову сломаешь, думая, как управлять таким Вавилоном...

В двухэтажный помпезный особняк военного губернатора путешественники вошли за полчаса до окончания присутствия. Генерал-лейтенант князь Чавчавадзе уже собирался уходить «домой» – наверху у него была казённая квартира. Быстро подавив гримасу недовольства, он

принял рапорт, задал несколько вежливых вопросов и перепоручил гостей правителью канцелярии. Старый, тучный и лысый полковник тоже не собирался нянчиться с приезжими:

— Приходите завтра часам к двенадцати, а покамест погуляйте, познакомьтесь с городом. Ужинать советую в чайхане Ильясова, это вон там, через площадь.

И, надев фуражку, откланялся.

Друзья вышли следом. Лыков с интересом наблюдал, как полковник степенно вышагивает по бульвару и абсолютно все встречные его приветствуют!

— Кавказ есть Кавказ, привыкай, барончик! — сказал он Таубе. — Военный министр далеко, и здесь живут по своим часам.

— Да, — вздохнул тот. — Я уже понял. День потерян.

Как бы в подтверждение его слов из здания областного управления толпой повалили писаря, обер-офицеры и туземцы в черкесках. Все они с любопытством рассматривали незнакомцев, особенно останавливаясь взглядом на подполковнике со столь редким в провинции флигель-адъютантским аксельбантом. Неожиданно из толпы выделился высокий, с прямой спиной капитан. Подошёл, откозырял:

— Прошу прощения, вы подполковник фон Таубе и коллежский ассессор Лыков?

— Именно так.

— Я начальник секретного отделения канцелярии областного управления капитан Ильин. Прикомандирован от начальника области к вашему отряду. Виноват — ждал вас завтра.

— Вины вашей никакой нет, — ответил Таубе. — Мы не хотели задерживаться в Петровске, и телеграмму высыпало тоже не стали. Рад познакомиться; меня зовут Виктор Рейнгольдович.

— Алексей Николаевич.

— Благодарю; меня звать Андрей Анатольевич. Полностью к вашим услугам. Мне поручено князем Чавчавадзе подготовить экспедицию в горы.

Капитан производил хорошее впечатление. Мужественное, сильно загорелое лицо человека, не просиживающего в кабинетах. Рыжеватые усы, осина на левой щеке. Фигура крепкая, движения точные и энергические. Взгляд серо-зелёных глаз цепкий и немного отстранённый, закрытый. В душу себе, видимо, не пускает... В целом Ильин представлялся человеком серьёзным и, что называется, тёртым. Он был одного возраста с Лыковым.

— Вы коренной кавказец? — поинтересовался коллежский ассессор.

— Точно так. Родился в Кутаисе. Ни разу в жизни с Кавказа не выезжал.

– Давно заведуете секретным отделением? Имеете ли военный опыт? – спросил подполковник.

– За участие в штурме Карса награждён орденом Святого Станислава третьей степени с мечами. Отделением заведую скоро, как четыре года; объездил почти весь Дагестан.

– Там, куда нам предстоит путь, тоже бывали?

– Там не бывал. Это особое горское общество: богосы. Они проживают вдоль Богосского хребта – самого труднодоступного места во всём Дагестане. Гора Эдрас, высочайшая в тех краях вершина, является базисом шайки; но где именно расположен лагерь, не известно. Русской власти там фактически нет.

– В восемьдесят пятом году ещё имеются места, где отсутствует русская власть? – сощурился барон.

– Имеется, – серьёзно ответил Ильин. – Одно-единственное место, но имеется.

– Как так получилось, что наша администрация туда не дотягивается? – спросил Лыков.

– Попадёте туда – поймёте, – вздохнул капитан. – Это как затерянный мир, неприступный оазис в горах. Проход в общество богосов – только через перевалы. Они непроходимы большую часть года для всадника. Только пешком, с минимальным грузом и лишь два месяца в году. В остальные десять месяцев, с августа по май, нельзя пробраться даже так. Если на перевале поставить пикет из пяти-шести человек, они смогут обороняться от полка...

– Такого не может быть. Абреки Малдая из Бахикили делают систематические вылазки, и не в течение двух месяцев, а круглый год. Значит, у них имеются для этого возможности. И перевалы вполне доступны.

– Вы отчасти правы, Алексей Николаевич, – вздохнул Ильин. – Полагаю, у Малдая где-то есть убежище по эту сторону хребта. И тайная тропа в ущелья. В убежище расположен походный лагерь абреков, из которого и делаются вылазки. Не станешь же каждый раз прятаться за Богосы! это очень трудно. Но в случае погони или другой серьёзной опасности вся шайка уходит за перевал. Агентура не смогла разнюхать про это место ничего. Недавно мой человек, сумевший внедриться в шайку, был разоблачён и убит. Нам придётся самим отыскать и тайную стоянку, и секретную тропу, поскольку по главной тропе нас не пустят.

– Как у вас вообще с агентурой? – спросил Таубе. – Много ли известно о Малдае и старике в жёлтой чалме? То, что я читал, довольно

поверхностно.

– Настоящую агентуру нельзя завести без денег, а князь Чавчавадзе свёл смету моего отделения к минимуму.

– Сюда должен прибыть ротмистр Даур-Гирей из разведочного отделения штаба округа. Вы знакомы с ним?

– Так точно, неоднократно встречались по службе.

– Даур-Гирей привезёт шесть тысяч рублей на развитие агентуры. С этого года решением военного министра ассигнования на секретную деятельность Дагестанского областного управления увеличены на эту сумму. Причём начальник области не имеет права тратить их на что-либо иное по своему усмотрению. Распорядителем средств станете лично вы, как начальник отделения.

– Очень хорошо, – повеселел было Ильин, но тут же сдвинул рыжеватые брови. – А что, ротмистр тоже будет участвовать в предстоящей экспедиции?

– Будет, как представитель окружного начальства. А в чём дело, Андрей Анатольевич? Вас что-то не устраивает в Гирее?

Капитан вздёрнул голову:

– Во-первых, Виктор Рейнгольдович, я вижу в этом недоверие лично мне. Я восемь лет служу в Дагестане. Что, ротмистр из Тифлиса лучше меня изучил этот край?

– А во-вторых?

– Во-вторых... – Ильин было запнулся, но тут же мотнул головой и посмотрел Таубе прямо в глаза. – Во-вторых, я вообще не доверяю кавказским туземцам. Никогда и никаким. Считаю необходимым объявить это вам сейчас, до начала операции. Чтобы не было потом неясностей...

– Никогда и никаким... – задумчиво повторил барон. – И даже действующим офицерам? Которые давали, как и мы с вами, присягу? Ротмистр Даур-Гирей тоже много лет служит по секретно-разведывательной части, имеет заслуги и пользуется полным доверием начальства.

– Я считаю это ошибкой, – сердито ответил Ильин. – Серьёзной ошибкой! Вам хоть известна его история?

– Обычная для Кавказа история... В младенчестве он был усыновлён семейством русского офицера Шелеметева, будущего генерал-майора. Тот подобрал его в 1861 году на берегу моря, трёх или четырёх лет от роду. Там был сборный пункт для закубанских черкесов, готовящихся переехать в Турцию. Отряд русских войск выдавливал их тогда с гор на побережье. Шелеметев был в том отряде ротным командиром. Ну, и... подобрал

брошенного младенца. Родители Даура погибли от тифа, осталась только тётка. И та умирала уже от голода... Её тоже взяли в отряд, она воспитывала потом мальчика. Даур-Гирей вырос в русской семье, окончил кадетский корпус, стал офицером и прекрасно служит. Дважды он... ну, это вам знать не положено. Уверяю вас, что это честный и смелый офицер, всегда верный присяге.

— Вы полагаете, господин подполковник, что абадзех когда-нибудь сможет простить русским ту «эвакуацию»? Вы хоть представляете, что там тогда творилось? Погибли сотни тысяч черкесов, женщины, старики, дети... Спаслись весьма немногие.

Тут Таубе смутился и озадаченно поглядел на Ильина:

— Вы полагаете?..

— Я это допускаю. Ни забыть, ни простить нам исхода черкесы не смогут никогда; разве, сделают вид. Полагаю, что и Даур-Гирей тоже делает вид. А сам ждёт, когда удобно будет нанести нам удар в спину. И в отдалённых ущельях богослов, недоступных нашей военной силе, этому случится и время, и место.

Барон раздумывал минуту, потом отрицательно мотнул головой:

— Невовремя всё это. Идём во враждебные горы. А ваше подозрение к Гирею, Андрей Анатольевич, может очень навредить отношениям в отряде. Я прошу вас изменить своё чувство, или хотя бы не выказывать его явно. В маленькой группе людей, окружённых опасностью, когда требуются доверие и взаимовыручка... От этого может зависеть успех всего похода. Рассматривайте мою просьбу, как приказ!

— Слушаюсь, господин подполковник, — Ильин перешёл на официальный тон. — Изменить своё отношение я, извините, не могу. Весь мой опыт показывает, что оно верно... А вести себя корректно — безусловно буду. Повторю, я считал правильным сразу объявить вам о своих взглядах на этот предмет. Рад, что мы объяснились.

— Андрей Анатольевич, — Таубе пытался снова вернуть разговор в доверительное русло. — Откуда такая неприязнь к горцам? Что-то случилось?

— Я, кажется, догадываюсь, — ответил за капитана Лыков. — Скажите, тогда, в Кутаисе, в 57-м — это ваш отец был рядом с князем Гагариным?

Глаза капитана свернули, он молча кивнул и отвернулся.

Алексей пояснил барону:

— 20 октября 1857 года в Кутаисе старший из сванетских князей, Константин Дадешкильяни, заколол кинжалом генерал-губернатора князя Гагарина. Прямо в его кабинете, во время приёма. Генерал вызвал

Дадешкильяни объявить приказание кавказского наместника: удалиться из Сванетии в Тифлис. Так как их семейные раздоры будоражат страну и могут повлечь за собой восстание сванов. Владетель немедленно выхватил кинжал – и зарезал генерала. Который был, конечно, безоружен. Горячий человек буквально обезумел от злости... Секретарь и переводчик бросились на защиту своего начальника и тоже были убиты. Фамилия погибшего секретаря – Ильин.

Наступила пауза; все трое молчали и глядели в разные стороны. Наконец, капитан заговорил:

– Константин Дадешкильяни, владетельный князь Сванетии, по своему умственному развитию недалеко ушёл от животного. Что-то ему не понравилось, и он тут же достал кинжал и лишил жизни трёх человек! Задница вместо головы – настоящий туземец. А я из-за этого урода никогда не видел своего отца. Поскольку родился через два месяца после его гибели. Мать осталась вдовой. Ну, как к ним после этого относиться?

– Но не все же они такие! – возмутился барон. – Люди всякие бывают; и среди нас, якобы цивилизованных, тоже полно нравственных уродов. Как вы, служа на Кавказе, можете так огульно относиться к его коренным народам? Это же чувствуется, это для них оскорбительно. Вам нужно сменить место службы.

– Сие не вам решать, господин подполковник, – отрезал Ильин. – Вы только временный мой начальник. Его превосходительство князь Чавчавадзе моей службой доволен. А он сам грузин.

– Что сделали с владетелем за такое? – спросил Таубе у Лыкова.

– Дадешкильяни переранил в приёмной ещё несколько человек, вырвался на улицу и побежал. За ним погнались. Тогда князь забаррикадировался в первом попавшемся доме и держал там оборону. Взломали двери... По приговору военного суда расстреляли.

– Он не мог сам идти на казнь от страха, – злорадно сообщил капитан. – Солдатам пришлось нести князя к позорному столбу на ковре. Животное. Сначала зарезал – потом подумал. И такой идиот у них – владетельный князь!

– Хорошо, я понял, – кивнул Таубе. – Состав отряда утверждён военным министерством, и я не могу его менять. Но если окажется, что ваша личная распрая мешает делу – будете немедленно отчислены. Со всеми последствиями. Вам понятно?

– Так точно, господин подполковник.

– Вот и договорились. А теперь давайте уйдём отсюда; мы привлекаем к себе излишнее внимание.

– Можно разместиться на моей квартире. Это недалеко отсюда, на Верхнем бульваре.

– Нет, вернёмся в гостиницу. Мы остановились на постоялом дворе Рустамбекова. Я жду с часа на час прибытия туда Даур-Гирея.

Уже втроём они возвратились обратно в гостиницу, стоящую в самом конце Аргутинской. Парадность здесь уже отсутствовала. Деревянные дома сменились саманными, а кое-где даже и турлучными^[16]. Неподалёку виднелась обширная туземная слобода с собственной мечетью. Толпа вокруг сделалась ещё живописнее, чем на Соборной площади. Офицеры и чиновники в фуражках совсем исчезли, зато появилось много грязно одетого люда всех национальностей. Помимо обычных семитов с пейсами обнаружились таты – горские евреи, выглядевшие совершенными туземцами. Мелькали полупульяные терские казаки, скрывавшиеся, при виде начальства, в подворотни. Среди магометан попадалось всё больше откровенно разбойничих физиономий – того и гляди, сунут в спину «базалай»^[17].

– Зайдём внутрь, – скомандовал барон.

– Почему вы остановились в этой дыре? – поинтересовался Ильин. – В городе имеются приличные гостиницы, целых две.

– Думали, на окраине будем не так заметны, но, кажется, сделали только хуже, – пояснил Таубе, взбиравшись по скрипучей лестнице на второй этаж.

– Место здесь невидное, и даже небезопасное – рядом горская слободка, почти аул. Появление офицера в ваших чинах не может остаться незамеченным! А в казарме Апшеронского полка имеются свободные комнаты, небольшие, но чистые. Главное же – в форштадте^[18]. Если желаете, я завтра же решу этот вопрос с начальником области.

– Да, Андрей Анатольевич, распорядитесь, пожалуйста. Вы правы насчёт этой дыры. Вот что такое не знать местных особенностей... Так уж и быть, одну ночь переночуем тут, а завтра – в казарму. Ну, вот и наша дверь. Прощайте до завтра. Как переедем – сразу совещание.

Вдруг за их спинами послышалось покашливание. Лыков обернулся. Хозяин гостиницы, одноглазый даргинец, вежливо поклонился ему:

– Ызыны, дарагой, тэба просят выйти ва двор. И вынести, што прывёз.

– Скажи, сейчас спущусь, – кивнул Алексей. Шагнул в комнату, вынул из чемодана банку с сердцем Кунта-Хаджи и пошёл с ней на улицу. Заинтригованные офицеры спускались следом.

Посреди обширного двора стоял высокий стариик с выразительным жёстким лицом, весь обвешанный дорогим оружием. На голове у него была странная войлочная шапочка с нашитой розой зелёного цвета, с тремя рядами лепестков. За спиной старика, подобно изваяниям, вытянулись четыре рослых джигита угрожающей наружности, тоже в шапочках с розами; пятый держал коней в поводу.

Лыков подошёл к старику, держа банку в вытянутых руках.

– Здравствуйте.

Старец молча кивнул, не спуская глаз с сосуда.

Алексей размотал кошму, потом, неожиданно сам для себя, поднял банку на уровень лица и почтительно прикоснулся к ней лбом. Среди горцев послышался сдержанnyй одобрительный говор. Коллежский асессор протянул свою ношу старику. То, что произошло далее, удивило его. Аксакал пал на колени, благочестиво повторил жест Лыкова и передал банку с реликвией за спину. Все четыре джигита по очереди сделали то же самое; последним прильнул головой к банке коновод. Всё это происходило в полной тишине. Лыков оглянулся: Рустамбеков стоял на коленях посреди лужи и беззвучно молился. Офицеры молча наблюдали происходящее: Таубе с любопытством, а Ильин с недоумением и настороженностью.

Наконец банку со всеми предосторожностями поместили в сакву^[19]. Старику подвели необыкновенно красивого гнедого кабардинца. Тот ловко, словно юноша, вскочил в седло, спросил:

– Ты Лыков?

– Да.

Несколько секунд всадник молча смотрел на Алексея, словно пытаясь его запомнить, потом сказал:

– Аллах да вознаградит тебя за благой поступок.

Коллежский асессор почтительно склонил голову. Стариик гикнул, и в одну секунду весь отряд вылетел со двора на улицу и помчался в сторону гор.

Хозяин гостиницы вскочил, отряхнул колени и юркнул обратно в дом.

– Что это было? – ошарашило спросил Ильин. – Что у вас общего с Сухраб-беком?

– Я передал ему сердце Кунта-Хаджи, которое хранилось в Петербурге.

– Сердце шейха Кунты? Вы вручили его нынешнему вождю братства Кадири. Зачем, по чьему указанию?

– По указанию начальства, – лаконично ответил Лыков.

Капитан ещё постоял, озадаченно глядя на собеседника, потом вдруг

ухмыльнулся и сказал одобрительно:

– Очень умно.

– В каком смысле?

– В таком, что вы, возможно, получили важного покровителя. Что очень кстати путешествующему в дагестанских горах. Сухраб-бек много влиятельнее, к примеру, генерала Чавчавадзе. Тот как начальник Дагестанской области имеет права генерал-губернатора. И, следовательно, может повесить любого в области своей властью, даже нас с вами, ежели провинимся. А шейх Сухраб способен сделать то же самое во всём Северном Кавказе!

– А поймать Малдая из Бахикли он также способен?

– Конечно. При необходимости. Но зачем это Сухраб-беку? Он теневой правитель Чечни и Дагестана. Вражда между властью и коренным населением ему на руку; он не станет помогать нам ловить абреков. Чем хуже русская администрация исполняет свои обязанности, тем выше репутация шейха.

– А шпионство?

– Вы имеете в виду старика в жёлтой чалме? Нет, это третья сила. Сухраб-бек, как вождь кадирийского тариката, очень, конечно, интересен для турецкой разведки. Османы были бы не прочь заполучить его в союзники или прямые агенты. Но продаваться бек не станет. После того, как турки в последнюю войну не поддержали вспыхнувшее восстание, их авторитет в горах очень упал. Люди поверили их обещаниям, взялись за оружие – и погибли, не дождавшись обещанной помощи. Нет, шпионство Сухраб-беку ни к чему. Но и мешать туркам он не будет. Из тех же соображений, что чем хуже, тем лучше. Он сидит и накапливает силы.

– Для чего?

– Для того, чтобы в один прекрасный момент взять власть в свои руки.

– Иметь власть на Кавказе и дорого, и опасно. Зачем она беку?

– А зачем вообще нужна власть? Он готовится сменить русскую администрацию.

– Но это же утопия!

– Сейчас да, а завтра? А послезавтра? Кавказ кишит виртами суфистских братств. Кадирия, Накшбандия-Хватжаган, Чиштия, Малмавия, Халватия... Кадирийский тарикат сейчас самый могущественный. Случись в России война, а лучше революция, и может произойти всё, что угодно. Кавказ – огромная пороховая бочка. А Польша?

– Получается, что Сухраб-бек для нас опаснее, чем все абреки и турецкие шпионы?

– Значительно опаснее! А вы ему сердца вождей привозите...

– Что-то я, Андрей Анатольевич, не читал в ваших рапортах, направляемых в Военное министерство, подобных выводов, – сказал Таубе. – А я всегда внимательно их изучаю. Молчите вы там про опасность кадирийского тариката.

Капитан горько усмехнулся:

– А их пред этим князь Чавчавадзе ещё более внимательно редактирует. Не любит он беспокоить столичное начальство.

Барон долго молчал, хмурился, потом сказал:

– Договоримся так. У нас есть приказ министерства: разгромить шайку Малдая из Бахикли, и состоящую при ней турецкую резидентуру. Этот приказ и будем выполнять. По завершении операции вы пишете обстоятельный доклад о братстве Кадирия, в котором описываете все исходящие от него опасности. Передаёте его мне, а я сообщаю ваш доклад генерал-адъютанту Обручеву.

– Без ведома Николая Зурабовича?^[20]

– Без. Вы адресуете бумагу в секретное делопроизводство Азиатского департамента Военного министерства. Эти доклады Чавчавадзе ведь не читает и не визирует?

– Так точно.

– Значит, субординацию вы не нарушаете. Ну, передали доклад с оказией, через подполковника Таубе, паче он здесь оказался... А уж я приделаю в министерстве к вашей бумаге крепкие ноги.

Ильин повеселел:

– Это другой разговор, Виктор Рейнгольдович. А то... до Бога высоко... Все мои сигналы до сих пор оставались без ответа. Материал собран; за три-четыре дня напишу. Надо только вернуться благополучно.

– Это я вам обещаю. Мы с Алексеем Николаевичем такие люди, что всегда отовсюду возвращаемся. Так что, до завтра. Не забудьте – вы обещали перевезти нас в казарму. Честь имею!

Глава 6

Даур-Гирей

Ильин, откозыряв, ушёл, а Таубе сел за стол и принялся что-то писать. Когда Лыков попробовал заглянуть ему через плечо, барон цыкнул:

– Не мешай! Лучше открой дверь и впусти человека.

– Какого ещё человека?

– Ротмистра Даур-Гирея. Он там уже давно стоит.

Из коридора раздался смех, дверь отлетела от лёгкого толчка и вошёл молодой горец. Высокий, широкоплечий, с весёлыми карими глазами, обросший короткой чёрной бородой, он как-то сразу располагал к себе.

– Учуяли-таки меня, господин подполковник!

– Я вас ещё на Соборной площади учゅял. Знакомьтесь – это мой товарищ Алексей Николаевич Лыков. Коллежский асессор, прикомандирован к экспедиции от МВД.

– Очень рад. Иса Бечирович Даур-Гирей.

Ротмистр разговаривал на чистейшем русском языке и вёл себя совершенно по-светски. Видимо, он представлял собой тип человека смешанной культуры, столь нередкий теперь на Кавказе.

– Иса – это ведь магометанское наименование Иисуса? – спросил Алексей, улыбаясь. Мгновенно тень пробежала по открытому лицу абаздеха.

– Именно за это имя капитан Шелеметев и взял к себе черкесского ребёнка, – мягко сказал из угла Таубе. – Не сумел пройти мимо. Другим сиротам в устье Туабзе повезло меньше. Для Даур-Гирея это болезненная тема; не будем касаться её без необходимости.

– Тот самый Шелеметев, который погиб в последний день турецкой войны? – тихо уточнил Лыков.

– Да, – ответил ротмистр. – В чине генерал-майора он воевал в Кобулетском отряде и был убит при штурме Цихидзирской позиции.

– Я помню его по отряду. Достойный был человек. Сам я выбыл из строя раньше, ещё на Столовой горе.

– 17 января 1878 года было заключено перемирие, но телеграмма об этом дошла до Кобулетского отряда с запозданием на сутки, – пояснил Даур-Гирей барону. – Это у вас на Балканах была относительно устойчивая связь, а здесь часто обходились по старинке, курьерами. И за указанные

сутки отряд успел предпринять штурм сильной турецкой позиции под Цихидзири, уже совершенно бессмысленный. Погибли полторы тысячи человек, в том числе и мой приёмный отец. А позицию так и не взяли...

Все надолго замолчали, потом Таубе взялся за фуражку.

– Пойдёмте ужинать. Заодно обсудим предстоящий поход. Нужно выдвинуться в горы как можно скорее.

Они пошли в шашлычную Ильясова, рекомендованную им правителем канцелярии, где не спеша и сытно поели. Хозяин был чеченец, и кухня у него оказалась действительно приличная. Троица обнаружила отменный аппетит. Под горячую руку было истреблено большое блюдо корта-когиша и несколько дюжин чепалгашей^[21]. Петербуржцы запили еду бутылкой кахетинского; Иса довольствовался водой.

– Вы сохранили свою веру? – тактично поинтересовался Лыков. – Не считите за пустое любопытство; вместе в горы идём...

– Я понимаю. Да, моя приёмная семья не настаивала на смене религии. Меня подобрали вместе с тёткой; больше из Даур-Гиреев никто не уцелел. Тётушка Марьям сделалась моей как-бы нянькой, и ревниво наблюдала за правильным соблюдением всех обрядов. Потом, в Тифлисском кадетском корпусе, нас таких было много. Русское правительство веротерпимо.

– Когда вы прибыли, Иса Бечирович? – переменил разговор Таубе.

– Я в Шуре уже два дня. Обхожу агентуру. Наблюдал, кстати, вашу встречу с шейхом Сухраб-беком. Редкая удача – он почти не появляется на людях. Что это вы ему вручили столь торжественно?

– Алексей Николаевич передал беку заспиртованное сердце Кунта-Хаджи, которое все эти годы хранилось в Петербурге.

– Сердце Кунты? – ротмистр, как и капитан Ильин за час до него, опешил и надолго задумался. – А что... Давно пора. Петербургу всё равно, а нам здесь это может помочь.

– Как вы оцениваете братство Кадирия? – повернулся Лыков к абаздеху. – Нас им только что запугивали. Андрей Анатольевич говорил, что это теневая власть, враждебная русской администрации. И что она ждёт каких-нибудь потрясений, чтобы отделить Кавказ от империи и стать властью официальной.

– Капитан Ильин часто излишне категоричен. До нетерпимости... Нужно сначала разобраться в идеологии кадиризма. И в личности Кунта-Хаджи. Человек это был выдающийся, даже великий. Он чеченец, сын простого пастуха. Родился в ауле Исти-су на рубеже веков; точная дата неизвестна. Ребёнком переехал в Илсхан-юрт, где стал изучать Коран. В 12 лет гениальный мальчик уже стал кари – человеком, знающим священную

книгу наизусть! В 18 совершил свой первый хадж. Именно тогда по пути в Мекку Кунта задержался в Багдаде и сошёлся там с суфистским братством Кадирия, одним из самых старых и могущественных в исламе. Могила Аль-Кадири в Багдаде очень почитаема. Молодой чеченец оказался выдающимся толкователем тариката как способа мистического познания, пути к совершенствованию...

– Но ведь тарикат – это братство? – перебил Даур-Гирея Лыков.

– Дословно тарикат переводится с арабского, как дорога, путь. В переносном смысле – путь к совершенствованию. И третий смысл этого слова – братство, а именно суфистское братство. Первые тарикаты появились в 12-м веке. Некоторые теологи насчитывают двенадцать материнских братств, другие добавляют ещё четыре. Кунта выбрал братство Кадирия и сделался по возвращении на Кавказ его эмиссаром в Чечне и Дагестане. Он выступал против войны с Россией и за сотрудничество с русской администрацией. Учил, что война с заведомо более сильным противником не угодна Аллаху. Ещё шейх^[22] заявил, что настоящий мусульманин не участвует в разбойничьих набегах... Представляете? По сути, отмена призыва фанатиков к джихаду! Для Шамиля это был более опасный удар, нежели очередная экспедиция царских войск.

– И что имам?

– Имам Шамиль был страшный человек. По его приказу в горах казнили тысячи людей; чужая жизнь для него ничего не стоила. Но даже Амир аль-муминин^[23] не решился убить шейха Илсхан-Юрта, а лишь повелел ему в 1858 году отправиться в новый хадж. То есть, выслал с Кавказа.

Второе возвращение Кунта-Хаджи на родину состоялось спустя три года. Шамиль уже содержался под охраной в Калуге. В горах было неспокойно. Князь Барятинский доложил государю, что с восстанием покончено, но это было не так. Крупные мятежи то и дело вспыхивали в тех местах, которые были объявлены замирёнными. Горцы искали себе нового вождя взамен утраченного, и им стал Кунта. Он поселился в пещере, совершенным отшельником. И принял создавать тайную организацию – северокавказский вирт, то есть, отделение, кадирийского тариката. Идеологией избрал пассивное сопротивление режиму. Шейх являлся выдающимся деятелем и быстро сумел добиться своего. Была создана тайная, всепроникающая структура наподобие коморры или масонской ложи. Она охватила все чеченские тейпы без исключения, и большинство

дагестанских горских обществ. В каждом ауле имелся представитель Кадирия. Низовые учреждения русской администрации – все сельские и многие уездные – беспрекословно выполняли приказания шейха. Он завёл свою секретную почту, свои суды, боевые отряды, тайную казну, богословские школы... Очень многие влиятельные люди примкнули к братству. Самый известный – знаменитый абрек Варга, легендарная личность. Русская власть наконец обеспокоилась таковым явлением. 3 января 1864 года Кунта-Хаджи был схвачен вместе со своим братом Мовсаром в Шалинском районе Аргунского округа и под сильным конвоем отправлен в Россию. Его сослали в село Устюжано Новгородской губернии, где он 19 мая 1867 года и скончался. После его ареста состоялась печально известная протестная осада крепости Шали. Сторонники шейха решили, что он в крепости, и собирались в большом количестве к её стенам. Они были вооружены только кинжалами. Когда огромная толпа стала громко исполнять зикр^[24], у гарнизона крепости не выдержали нервы. Солдаты решили, что горцы сейчас пойдут на штурм, и открыли огонь по фактически безоружным людям. Состоялся так называемый «Кинжалный бой». Люди в ответ на выстрелы выхватили кинжалы и бросились на солдат... Погибло четыреста человек, более тысячи было ранено. А тело шейха после его смерти исчезло бесследно, как и вся переписка. Он тайно перезахоронен где-то в горах, и его могила сделалась священным местом, зияратом.

– Что сейчас представляет собой братство Кадирия?

– Этого, Алексей Николаевич, никто достоверно не знает. Организация очень засекреченная. Даже имя Кунта-Хаджи в горах не называют, это запрещено. Когда его надо упомянуть, говорят – «сын Киши» или «шейх Илсхан-Юрта». Его преемники, видимо, сильно развили дело учителя. Капитан Ильин прав: братство Кадирия относится к российской власти враждебно. Поскольку видит такое же отношение к себе со стороны русской администрации на Кавказе.

– Вы полагаете, правительство должно изменить подходы? – быстро спросил Таубе. – Это возможно без ущерба для авторитета власти? И будет полезно?

– Двадцать лет назад была допущена ошибка. Давно пора её исправить. Напомню, что Кунта-Хаджи с самого начала был за мирное сотрудничество с Россией, и даже подвергался за это гонениям от Шамиля. И умер в русской ссылке... Зачем мы его оттолкнули? Чиновники управляют таким сложным краем, как Кавказ, не утруждая себя изучением его обычаев и уложений. Им никогда разобраться в теологических

тонкостях различных исламских течений. Спроси любого губернатора, в чём различия между суннитами и шиитами – не ответит! А уж перечислить все 12 суфистских тарикатов и, тем более, назвать их особенности – такое не под силу никому из всей кавказской администрации. Разве что, где-нибудь в МИДе отыщется книжный червь, способный ответить на такой вопрос. А эти некомпетентные люди казнят и милуют. Управляют, не имея понятия о предмете своего управления. В результате, вместо того, чтобы бороться с братством Накшбандия, которое всегда было враждебно России, мы преследуем Кадирия. Сказать, почему? Вы не поверите. Из-за манеры зикра.

– Но ведь зикр – это лишь ритуальное упоминание Аллаха. Какая разница, как это делать?

– Зикр совершается по особой формуле, особым образом и сопровождается определёнными телодвижениями. Что-то вроде молитвы-речитатива, хотя в строгом смысле это не молитва. Суфии за сотни лет превратили зикр в сложный ритуал, от которого человек впадает в религиозный экстаз. Подобное есть, кстати, у ваших хлыстов, и называется «радения». Так вот, в тарикате Кадирия зикр исполняется громко. И этим напоминает русским генералам речитатив мюридов Шамиля. Те всегда перед тем, как напасть, затягивали «Ла-ильлахайль-алла!». Шамиля давно уже нет, а страх перед его боевым кличем у генералов остался. Тарикат Накшбандия-Хваджаган – самый опасный на Кавказе, самый враждебный нам. В 1877 году их шейх Абдурахман Согратльский поднял против нас весь Дагестан. Но тарикат исповедует так называемый тихий зикр. И благодаря этой несущественной детали гораздо менее преследуется правительством!

– Не может быть! – возразил Таубе. – Из-за того лишь, что верующие громко поминают имя Аллаха, их записали в противники режима? Наверняка имеются другие причины, более важные.

– Клянусь вам, господин подполковник, что главная причина в этом. Теологические отличия одного братства от другого русским чиновникам недоступны. Начальник области или округа способен сосредоточиться только на внешней форме. И, по дремучести своей, так и делит магометан на более опасных, и менее... И братство Кадирия, изначально дружественно настроенное к власти, теперь, в результате репрессий, стало нам противником. Но, если изменить тон, попробовать договориться, то тарикат из противника может стать нашим союзником. И в этом смысле то, что сделал сегодня Алексей Николаевич, может оказаться первым шагом к улучшению отношений. А может и не стать.

— Хорошо. Мы вернёмся к этому разговору, когда возвратимся из похода. А пока скажите, какие у вас отношения с капитаном Ильиным?

— Служебные.

— Как они складываются? Только, пожалуйста, честно, Иса Бечирович.

— Если честно, то я считаю, что капитан Ильин не на месте. Он не только не пытается скрывать свою неприязнь ко всем горцам, но чуть ли не рисуется ею. Как можно при этом успешно исполнять свои обязанности? Люди всё замечают, платят той же монетой. Страдает дело. Агентура капитана ненавидит и обманывает. Если не секрет, что он сказал про меня? Что я потенциальный изменник? Поскольку не смогу простить русским смерть родителей...

— Я вас прошу, Иса Бечирович, потерпеть недостатки капитана на время похода. Мы его уже не переделаем, а состав отряда утверждён и изменению не подлежит. Если честно, я тоже считаю, что Андрею Анатольевичу лучше уехать с Кавказа. Пусть борется с противниками России, например, на западной границе. Я доложу своё мнение начальству, когда вернусь в Петербург. Но сейчас, ввиду предстоящей опасной экспедиции, никаких распрай в отряде не потерплю.

— Обещаю, Виктор Рейнгольдович, что буду абсолютно корректен.

— Договорились. У вас есть ещё дела на сегодня?

— Так точно. Из агентуры мне осталось встретиться с Хаджи-мук-Азизом. Это известный улем^[25], живёт в десяти верстах от города. Вернусь уже поздно ночью.

— Тогда увидимся завтра в одиннадцать часов дополудни на совещании в кабинете Ильина. Честь имею!

Ротмистр ушёл, а Таубе принялся быстро дописывать какой-то текст и тут же его шифровал. Потом друзья расплатились за ужин и вышли на улицу. Уже смеркалось.

— У тебя открытый лист с собой?

— Конечно.

— Мне нужно сейчас же попасть на полицейский телеграф.

— А военный не подойдёт?

— Нет, только полицейский.

— Тогда пошли.

Управление полиции Темир-Хан-Шуры находилось на площади возле второго городского памятника, посвящённого взятию Гуниба. На полуторасаженный постамент была воздвигнута, дулом вверх и в окружении ядер, горная пушка. Полюбовавшись мельком на памятник, сыщик и разведчик ввалились в управление. Алексей предъявил дежурному

чиновнику свой открытый лист, подписанный товарищем министра внутренних дел Оржевским. Бумага обязывала всех служащих по МВД оказывать коллежскому асессору Лыкову полное содействие. Чиновник немедленно отвёл ночных гостей на телеграф, с которого барон отправил в Главный штаб сообщение. Ещё час пришлось ждать ответа. Наконец, телеграмма из Петербурга пришла. Таубе расшифровал её, нахмурился и тут же сжёг на свече.

– Ну, Алексей, идём теперь спать. Завтра уйма дел.

Глава 7

Дело Лемтюжникова

В восемь часов поутру, когда Таубе и Лыков пили в буфете гостиницы чай с хинкали, за ними приехала коляска. Молчаливый солдат-татарин быстро загрузил вещи, и уже через полчаса петербуржцы заселились в офицерском флигеле форштадта. Маленькая опрятная комната выходила единственным окном на двор казармы. В Темир-Хан-Шуре квартировали два батальона знаменитого 81-го пехотного Апшеронского полка. Дисциплина в батальонах была поставлена: двор и строения чистые, стрелки ловкие и молодцеватые. Бросались в глаза красные отвороты на голенищах солдатских сапог. Это было отличие, пожалованное полку в память знаменитого Кунерсдорфского сражения 1759 года, а котором апшеронцы особенно отличились. Среди нижних чинов попались несколько с крестами и медалями. Никто не шлялся без дела, всё крутилось, как часы, тихо и споро. Барон смотрел вокруг и радовался, как всякий порядочный строевик при виде правильно организованной службы.

Разложив багаж, Лыков с Таубе отправились на поиски старшего начальника. Им оказался моложавый полковник Пистолькорс, обнаруженный в канцелярии за бумагами. Увидев на сабле барона Георгиевский темляк, полковник вынул из-под висевшей шинели свою, отмеченную таким же знаком. Офицера молча крепко пожали друг другу руки... Все вопросы размещения были немедленно решены, и гости отправились на квартиру Пистолькорса завтракать. Сытно и вкусно закусили в обществе жены и матушки полковника. Вокруг стола, производя неимоверный и нескончаемый шум, носились три погодка-карапузы. Папаша снисходительно на них покрикивал, видимо гордясь столь бойким потомством. Алексей и умилился, и загрустил одновременно. Как там его двойняшки?

Ровно в одиннадцать Лыков с Таубе вошли в обширный кабинет капитана Ильина. Зарешёченное окно, обитая железом дверь, несгораемый шкаф, карта Дагестана на стене. Всё, что полагается в секретном отделении... Ильин опёрся о конторку и что-то торопливо писал. Даур-Гирей, свежий и подтянутый, словно и не скакал всю ночь по горам, стоял около и диктовал ему вполголоса. В углу, с сигарой в зубах, развалился незнакомец в казачьей форме. Завидев вошедших, он медленно, с

достоинством поднялся, отложил сигару и сделал шаг вперёд:

– Позвольте представиться: Первого Сунженско-Владикавказского полка войсковой старшина Артилевский Эспер Кириллович. Помощник начальника Гунибского округа.

Рослый, несколько обрюзгший, с явно чернёными усами и шевелюрой, Артилевский был старше всех по возрасту. Уже за сорок, хотя войсковой старшина старался молодиться. Глаза навыкате, взгляд неприятный, холодный и как-будто обиженный. Под коричневой черкеской со щегольскими серебряными газырями красовался светло-голубой бешмет неуставного гвардейского сукна. Настоящие «гурда» и «базалай», висевшие на поясе, тоже обильно были обложены серебром. На эфесе шашки алел аннинский темляк, шею украшала Анна второй степени с мечами. Вид у штаб-офицера получался задорный и немного развязный.

– Шайка Малдая, по имеющимся сведениям, укрывается где-то здесь, на западном склоне Богоссского хребта, – пояснил Ильин, тыкая указкой в карту. – Административно это относится к Гунибскому округу. Его превосходительство приказал усилить отряд опытным офицером из окружного управления.

– Очень мудрое решение, – согласился барон. – Столь бывалый человек, знакомый с местностью, весьма нас подкрепит. Надеюсь, ваше высокоблагородие с пониманием отнесётся к тому, что командовать отрядом поручено младшему по старшинству.^[26]

– Ерунда. Для меня всегда на первом месте дело, а не... – важно ответил Артилевский. – Хотя с моим опытом могли бы...

– Господин войсковой старшина, поди, всю жизнь на Кавказе? – подыграл Лыков.

– Уж двадцать лет, начиная с юнкеров.

– Очень сложный округ, Эспер Кириллович?

– Эх, барон! Сложнее его нет во всём Дагестане! Населения всего сорок тысяч, но зато каков винегрет! Основные аварцы, шамилевы земляки. Эти всегда будут нас ненавидеть! Хунзахцы тоже хороши... А на юге авахцы и капучинцы практически не имеют над собой русской власти. Это край ледников. Зима чуть не круглый год, сообщение почти невозможно. Наиболее труднодоступное место, почитай, на всём Кавказе.

– Рельеф тяжёлый?

– Рельеф, барон, во всём округе хуже некуда, а в Дидо и Капуче просто нет слов... Аварская возвышенность постепенно подымается к югу, пока не переходит в Главный Кавказский хребет. За аулом Кидеро – вот он на карте – всякая цивилизация заканчивается. Высота гор здесь – свыше двенадцати

тысяч футов! Трудно дышать, невозможно смотреть без синих очков. Станете собираться, господа – не забудьте их прихватить, иначе останетесь без зрения! Горцы налепляют себе на веки порох, как кокетки тушь, чтобы хоть так уберечься от слепящего снега. Богоссий хребет занимает огромную территорию. Жизнь там настолько скучная, а попасть в эти места настолько трудно, что даже Шамиль не стал связываться с богоссами. Там никогда не было никакой власти, кроме ихнего самоуправления!

– Понятно. Благодарю за разъяснения, Эспер Кириллович; будьте и впредь, пожалуйста, нашим проводником.

Артилевский снисходительно кивнул и вытащил новую сигару. Дорогая забава, подумал про себя Лыков; откуда у простого казачьего штаб-офицера такие привычки? И такие деньги?

– Господа, – продолжил Таубе, – заслушайте сообщение. Я расскажу вам о тех людях, на которых мы будем охотиться. Дичь редкостная. Большая часть оглашённых сведений является служебной тайной, поэтому записи вести запрещается.

Офицеры и Лыков расселись и навостили уши.

– Начнём с Малдая. Впервые он отметился в русских сводках ещё в 1861 году. Тогда он возглавил, совместно с известным Каракуль-Магомой, восстание в союзе сельских общин Ункратль. Бунтовщики перебили старшин, назначенных русской властью, в селениях Ботлих и Тинди. Восстание не без труда было подавлено. Сто сорок три зачинщика, в том числе и Малдай, были высланы с Кавказа во внутренние губернии. Наш герой угодил в Тулу. Через четыре года он вернулся, и власти забыли о нём.

Вторично Малдай из Бахикли возник в мае 1877 года. Восстали разом все горные селения Гумбета. Мы быстро подавили эту первую вспышку, но зараза успела перекинуться сначала в соседнюю Салаватию, а затем в Дио, только что упомянутое господином Артилевским. Центром восстания стал аул Кеметль, расположенный на горном кряже. Войска осадили аул и штурмовали его два дня. Такой упорной обороны армия не помнила со времён Шамиля: мужчинам помогали женщины и дети... Когда всё было кончено, среди пленных оказался и Малдай, раненый в руку. На этот раз местом его ссылки была выбрана Оренбургская губерния. В мае 1883, по случаю коронации, участникам того восстания была объявлена амнистия. Малдай из Бахикли вернулся в Аварию. И уже через несколько месяцев сделался предводителем самой крупной в Дагестане шайки абревов. Андрей Анатольевич, сколько он уже хищничает в горах? И чем особенным отличился?

– Имя Малдая как абрева впервые нашумело полтора года назад. Тогда

в Согратле был задушен и обобран отставной штабс-капитан Хорьков. С тех пор каждый месяц что-нибудь случается. В марте ограбили почтовую карету, перевозившую содержание Куринского пехотного полка. Убиты четыре человека, похищено 22 000 рублей. В апреле зарезаны ботлихский исправник и вестовой.

– Попытки уловить были?

– Были, но не дали успеха. Позволю напомнить, что весь Дагестан принял участие в восстании 1877-78 годов. У них круговая порука. Малдай, согласно понятиям населения, герой: воевал за свободу, получил ранение, был в ссылках. И убивает гяуров. В условиях, когда вся округа помогает злодеям, их очень трудно поймать.

– А агентура?

– Вы знаете: мне удалось внедрить своего человека в горное общество Анкратль. Это было очень трудно! Агент успел прислать два сообщения, в которых описал Малдая и старика в жёлтой чалме. Он даже сумел поговорить с самим Малдаем. Но, видимо, чем-то себя выдал.

– Мне прислали его голову в мешке, – прошёл сквозь зубы Артилевский. – Неаппетитное зрелище...

– То есть, местоположение шайки нам не известно?

– Не известно, – вздохнул капитан. – Карт местности не существует. Лагерь может располагаться где угодно. Между верховий Аварского и Андийского Койсу тьма укромных мест, куда не попасть посторонним.

– Понятно, – подытожил Таубе. – Будем искать иголку в стоге сена. Что ж, мне не впервой; вы все тоже люди опытные. Переходим ко второму персонажу нашей пьесы. Старику в жёлтой чалме. До нас давно уже доходили отрывочные сведения, что в горах скрывается турецкий резидент. Точное его местоположение оставалось тайной. Ваш источник, Андрей Анатольевич, эту тайну вскрыл: старик обнаружился в лагере абрека. Представляете, господа, что это должна быть за личность, ежели ему подчиняется сам Малдай из Бахикли? Тёртый, битый, да ещё аварец! И принимает команды от русского... Но это такой старец, что дальше некуда. Слушайте его историю.

Настоящее имя старика – Зиновий Калинович Лемтюжников. Происхождением из гребенских казаков. Старого хорошего рода, с заслугами, с уважаемыми рубаками... Но природа дала сбой. Волком родился – овцой не бывать! В январе 1839 года, чуть не полвека назад, Зиновий в чине хорунжего попал в отряд генерала Галафеева. Время было для нас тяжёлое. Шамиль укрепился в горах, наладил производство оружия и пороха, создал регулярную армию. Знаменитый крымский мастер Хаджи-

Мустафа, специально приехавший к имаму, изготавливал для него так называемые «крымские» винтовки. Джабраил Унцукульский, обучившийся в Аравии производству пушек, начал успешно отливать их в горных аулах. Единственное, что ещё отсутствовало у Шамиля – это конгриевые ракеты. Войска Кавказского корпуса применяли их очень успешно. Мюриды не выдерживали залпа ракет – они бросали позицию и в панике разбегались. Зажигательные снаряды выкуривали противника из лесов лучше любой картечи. Шамиль объявил большую награду тем, кто доставит ему станок. Это сделал – хорунжий Лемтюжников. Он был в отряде Галафеева командиром ракетной полубатареи, и сдал её горцам. Намеренно отстал на марше, отпустив предварительно пехотное прикрытие. Шамиль не только получил два станка конструкции Засядко с запасом шестифунтовых ракет – он получил изменника-ракетчика. Зиновий наладил имаму производство и станков, и зарядов, а главное – избавил мюридов от ракетной боязни.

Весной того же года генерал Граббе ценой больших усилий осадил столицу Шамиля аул Ахульго. Селение находилось на двух соседствующих утёсах, разделённых узким ущельем. По дну его, на глубине пятидесяти саженей, протекала речка Ашильта. Войскам предстояло сначала взять первый утёс с Новым Ахульго, затем перейти по узким мосткам в Старый; оба утёса были сильно укреплены. 16 июля Граббе скомандовал штурм. Пока две колонны атаковали утёсы, третья выдвинулась по дну ущелья с задачей обойти аул с тыла. Шесть рот Апшеронского полка вошли в узкую расщелину и были тут же остановлены градом камней, сбрасываемых сверху защитниками обоих утёсов. Кроме того, поперёк Ашильты обнаружился не замеченный ранее завал, обороняемый мюридами. Даже храбрые апшеронцы не смогли в таких условиях выполнить приказ... В течение двух часов они стояли под навесами скал, не смея двинуться с места. Каждый, кто выходил на середину ущелья, немедленно погибал под камнями. Ни барабаны, ни команды офицеров не помогали – солдаты отказывались идти вперёд. Вдруг через два часа такого невыносимого положения впереди раздался крик: «Берегись! Горцы бросаются в шашки!». Одного этого крика оказалось достаточно: уцелевшие апшеронцы выскочили из-под скал и устремились назад, к выходу из ущелья. Тут-то и понесли они наибольшую потерю от нового града камней и выстрелов от завала в спину... Так вот, пленные потом показали: провокационный крик сделал Лемтюжников, прокравшийся в офицерской форме в голову колонны.

В конце концов, ценой огромных потерь, войска Граббе захватили Ахульго. Шамиль сумел бежать сквозь оцепление с дюжиной верных

людей, вынеся на спине раненого сына. Два дня армия выкуривала остатки мюридов из горных пещер. Лемтюжников скрывался в одной из них. Улучшив момент, он, снова в форме офицера, вышел за кордоны и исчез.

В 1843 году Шамиль нанёс нашим войскам самые сильные свои удары. За несколько недель он захватил всю Аварию, истребив полностью стоящие в ней гарнизоны. Имаму досталось множество пленных и орудия. Лемтюжников сделался правой рукой знаменитого Ягья-Хаджи, любимца Шамиля и его главного военного инженера. Ягья ведал русскими беглыми, артиллерией, всеми мастерскими, а так же казнью имама. Хорунжий поселился в новой ставке Шамиля, ауле Дарго, и занялся созданием ракетных и артиллерийских батарей. Служили в них исключительно русские и поляки. Лемтюжников вербовал самые отбросы: уголовных, дезертиров, отчаянных без роду-племени.

В 1845 году наместник Кавказа князь Воронцов решил разорить горскую столицу. Состоялся печально знаменитый Даргинский поход. В это время Лемтюжников совершил наиболее гнусный из своих поступков. В Дарго тогда содержались русские пленные – 16 офицеров и 21 нижний чин, всего 37 человек. Шамиль вёл переговоры об их обмене, поэтому русским дозволяли переписку. В апреле генерал-лейтенант Гурко^[27] передал пленным письмо через лазутчиков. В нём он зачем-то сообщил узникам, что Воронцов собирается в поход и скоро их всех освободят... Пленные от таких вестей повеселели и стали вести себя более развязно. Это не укрылось от внимания мюридов, и те учинили расследование. Сначала они обыскали самих пленных и их помещение, но ничего не нашли. Тогда несчастных стали пытать... Делал это лично Лемтюжников. Пленные вытерпели страшные истязания, но не выдали тайну письма. Наконец, после более тщательного обыска, бумага была обнаружена и тайна раскрыта.

7 мая пленные, все 37 человек, были приведены на Белгатайские высоты вблизи аула Дарго и привязаны к огромному ореховому дереву. Туда же доставили две пушки. Лемтюжников сам зарядил их картечью и навёл первое орудие. Артиллерийская прислуга была составлена исключительно из русских дезертиров. Ни один из команды Зиновия не отказался... После залпа оставшихся в живых добили шашками.

Через несколько дней пришли войска Воронцова и похоронили несчастных. Дарго был оставлен Шамилем без боя и предан огню. В Солдатской слободе наши разведчики обнаружили дом, в котором проживал Лемтюжников. На двери карандашом было написано: «Швальня Короля Саксонского». И орудия пытки внутри... Тогда-то на бывшего

хорунжего и завели в нашем ведомстве персональное дело. Уж сорок лет прошло с тех пор, а дело ещё не закрыто...

– В Даргинском походе Воронцову пришлось туго, – продолжил Таубе через минуту. – Лемтюжников неоднократно «отличился» в той компании. Так, ещё в начале движения русские потеряли командира 5-го сапёрного батальона полковника Завельевского. Сапёры в горах очень важный род войск, поскольку делают дороги и переправы. Именно Зиновий похитил батальонера^[28] прямо средь бела дня; тело так и не нашли.

Когда аул Дарго сожгли и Воронцову пора было уходить, началось самое трудное. Войска попали в полное окружение, провиант и боевые припасы заканчивались, накопилось много раненых. Из Грозной прибыл транспорт с сухарями и встал на той стороне леса. Требовалось пробиться к нему сквозь завалы, взять груз и вернуться обратно. «Сухарная экспедиция» – самый злосчастный и кровавый для нас эпизод Кавказской войны... Отряд генерала Клюгенau пробивался по лесной дороге, расстреливаемый и атакуемый со всех сторон. Когда начальник арьергарда генерал Викторов упал, раненый, и все вокруг побежали, он, лёжа, обещал награду тому, кто его спасёт. Никто не остановился... Ночью Клюгенau послал к основным силам семь охотников с просьбой помочь пробиться обратно. Дошёл только один, юнкер Кабардинского полка Длотовский. И лишь потому, что двигался лесом в обход всех постов, прямо к ставке Воронцова. Остальных перехватил Лемтюжников. Для этого он снова надел русский мундир и составил ложный пикет, на который и попадали остальные гонцы. Но даже помочь основных сил, предупреждённых Длотовским, не спасла тех, кто ходил за сухарями. Возвращение через лес оказалось ещё более кровавым, чем рейд к транспорту. Отряд Клюгенau был практически уничтожен. Те немногие, кто выжил, принесли сухарную порцию войскам на полтора дня... Погибли два генерала, более пятиста нижних чинов, свыше семи сотен получили раны. Весь состав русских войск оказался на грани полного истребления. Кое-как отряд пробился к Шаухал-берды, и тут остановился в ожидании подмоги. Вокруг были полчища мюридов. На том берегу Аксая Шамиль разместил батарею под командованием Лемтюжникова, и она четыре дня безнаказанно расстреливала наш лагерь. Особенно старались попасть в палатку наместника. Воронцову пришлось слиться с толпой и ночевать на земле. Только храбрые действия генерала Фрейтага, пришедшего на выручку со свежими силами, спасли остатки войска князя от гибели. Ни до, ни после Кавказский корпус не нёс таких ужасных потерь с такими ничтожными результатами.

После этого несчастного похода Лемтюжников резко пошёл вверх. Шамиль сделал его наибом, а затем и мудиром, то есть начальником над несколькими наибами. Отсюда жёлтая чалма, которую до сих пор носит стариk; ведь наибы имама в горах люди легендарные. Кроме того, Шамиль учредил особую службу, которая следила за тем, как ведут себя горские чиновники. Мухтасибы – так звались эти люди – инкогнито разъезжали по стране и собирали сведения о злоупотреблениях шамилевых губернаторов. А те творили немало воровства, беззаконий, чеканили фальшивую монету, спекулировали солью, похищали людей для выкупа. По доносам мухтасибов был, например, лишён наибства прославленный графом Толстым Хаджи-Мурат. Помимо ревизий, мухтасибы занимались разведкой и контрразведкой. Они засылали к нам шпионов, допрашивали пленных, вербовали агентуру среди «мирных» горцев, ловили наших лазутчиков. Зиновий Лемтюжников возглавил секретную службу мухтасибов и поставил её на очень высокий уровень. Хитрый, коварный, жестокий – хлеще любого азиатца! Не случайно он получил от них характерную кличку – Урус Иблис.

– Иблис – это главный шайтан, демон зла, – пояснил Даур-Гирей.

– Именно тогда Лемтюжников завёл тесные отношения с турецкой разведкой и трижды в сороковых-пятидесятых годах тайно посещал Константинополь. Видимо, он стал их платным агентом ещё до ликвидации Имамата.

Противоборство Иблиса с русской разведкой длилось до самого падения Гуниба. В 1859 году войска князя Барятинского осадили последний притон Шамиля. На утёсе вместе с ним укрылось всего четыреста самых верных людей. Из них двести – русские! Тем некуда было деваться. В горах объявили, что государь прощает всех беглых, на ком нет крови. Русские, многие из которых женились и имели уже дома, семьи, начали продавать имущество и выходить к нашим. Но Лемтюжников и его прихвостни перехватили и убили больше ста возвращенцев. Те были опасны – они несли сведения о кровавых подвигах Иблиса. Когда отряды Барятинского начали обхватывать Гуниб со всех сторон, то нашли много тел убитых беглых, которых зарезали люди Лемтюжникова. Злодей был возле Шамиля до последней минуты. Там бы его и взять! со всей сворой. Но Барятинский решил иначе. Ему очень хотелось подарить государю Шамиля ко дню его тезоименитства – 30 августа. Поэтому, чтобы избежать долгой осады, наместник пошёл на единственное условие, которое выставил ему имам: свободный выпуск его людей. Хотя мог, в той ситуации, брать всю эту сволочь голыми руками... Нам достались только

восемь дезертиров, самых глупых, у которых не хватило ума изменить наружность. Их казнили на месте. Остальные, и Лемтюжников в их числе, под видом туземцев торжественно спустились на равнину. С оружием и знамёнами. Эта картина изображена очевидцем события, придворным баталистом князя Барятинского Горшельтом. Она так и называется: «Спуск мюридов с Гуниба». Один из головорезов, изображённых на холсте – наш Иблис. Шамиль уехал под конвоем в Петербург, а Лемтюжников, с прочими палачами и убийцами, спокойно удалился в горы...

В горах он и исчез. Надолго. У него были при себе значительные суммы денег, несколько паспортов, офицерский мундир и горский костюм, явки по всему Дагестану. Пропали и другие бывшие: прапорщик Залётов, сотник Атарщиков, многочисленные поляки. Но эти ушли и угомонились. А Лемтюжников продолжил бороться с Россией. Он – последний мюрид Шамиля!

– Когда и где Иблис всплыл наново? – поинтересовался Лыков.

– В 1864 году на Западном Кавказе заканчивалась пятидесятилетняя война с горцами. Отряд полковника Геймана вторгся в местность между истоками Аше и Псезуапе. Это самое труднодоступная область на южном склоне Водораздельного хребта^[29]. Там жили хакуши. Такое особенное общество, составленное из исключительных негодяев. Попадали в него только отбросы, изгои всех национальностей: беглые арестанты, дезертиры, гаджереты (это абреки по-черкесски), канлы^[30], общественники^[31]. Хакучей боялись и ненавидели все соседи, поскольку изгои промышляли одним лишь грабежом. Даже храбрые шапсуги и убыхи предпочитали не ссориться с этими зверями. Но Гейман раскатал весь сброд, как Бог черепаху; кто не был убит – бежал. Среди трофеев обнаружился выюк с перепиской Лемтюжникова, как выяснилось, главаря хакучей. Переписка была с разведочным отделом турецкого Военного министерства – более двухсот донесений! Среди окружающих племён бывший шамилевский мудир заслужил новую кличку – Урус-бзаге, то есть, Злой Русский по-абадзехски. И опять негодяй сумел скрыться от наказания.

На этот раз Иблис пропал из нашего виду на целых двенадцать лет. Объявился он в 1876 году, когда турки начали подготовку к войне с Россией. К нам полезли эмиссары. За одним из них установили наблюдение, как только он, под видом купца, сошёл с корабля в Редут-Кале. Купец приехал в Тифлис и наведался там к известному торговцу коврами Ибрагимову. Лавку негоциант имел на Головинским проспекте, в лучшем месте, и в числе его покупателей значился сам наместник. Когда к нему

пришли за разрешением на обыск и арест, великий князь Михаил Николаевич сначала отказал! Заявил, что Ибрагимов – самый честный торговец в городе. Когда же сей «честный торговец» был схвачен, обнаружилось, что это и есть давно разыскиваемый Лемтюжников. В подвале его дома нашли несколько пудов гремучей ртути и уже снаряженные метательные снаряды. Предназначались они как раз для наместника, ежедневно проезжавшего в открытой коляске мимо лавки Ибрагимова.

– И что, он снова сбежал? – подал голос из угла Артилевский.
– Очень ловкий человек наш Иблис. Сбежал! Воспользовался невнимательностью жандармской команды, ранил офицера и скрылся.
– В Турцию драпанул?
– Нет, в Дагестан.
– На восстание уехал? – догадался Лыков. – К последнему имаму?
– Совершенно верно. «Последних имамов», как вы помните, оказалось двое. Сначала в Чечне выбрали некоего Алибек-Хаджи, турецкого шпиона, который специально для борьбы вернулся из Османской империи в родное Ведено. Но там быстро всё исправили, и новоиспечённого имама вздёрнули в Грозной. Более серьёзные события происходили в Дагестане. Вся Авария объявила джихад. Избрали и собственного имама. Им стал Мухаммад-Хаджи, сын знаменитого накшбандийского шейха Абдурахмана. В помощь ему учредили диван из семи улемов, в точности, как было у Шамиля. Лемтюжников вошёл в этот совет; он отвечал в нём за оружие и за связь с турками. Восстание приняло значительные масштабы. Центром его стала резиденция шейха Абдурахмана селение Согратль. Авацы осадили русскую крепость Гуниб, созданную на месте шамилевского притона. Другая крепость – Кумух – была захвачена, а её гарнизон вырезан. Бунтовщики даже осадили Дербент. Напомню, что в это время шла война, и армия была занята на других театрах. Но начальство всё-таки извернулось и собрало требуемые силы. В сентябре началось подавление мятежа. Дербент был разблокирован. Дольше всех держался Согратль. Он был взят штурмом 3 ноября 1877 года, сожжён, а жители переселены на другие места. Имам Мухаммед-Хаджи Согратльский был повешен вместе со всем своим диваном. Кроме Лемтюжникова. Тому, в который уж раз, удалось скрыться. Лишь теперь мы снова знаем, где он находится. И знаем, что он по-прежнему вредит России.

Таубе встал, прокашлялся.

– Господа офицеры! Господин коллежский асессор! Согласно воинского устава, начальник отряда, совершивший сдачу без боя, несмотря

на возможность защищаться, подлежит смертной казни. Заслушайте приказ военного министра, генерал-адъютанта Ванновского.

Все дружно поднялись.

— Его высокопревосходительство приказал: вышенназванного изменника, бывшего хорунжего Зиновия Лемтюжникова схватить и доставить в Петербург. Для поступления с ним по закону. Буде это окажется невозможным — казнить на месте.

Барон обвёл всех жёстким взглядом и добавил:

— Приказ кассирован^[32] его императорским величеством.

Глава 8

Старые счёты

Остаток совещания прошёл в выборе маршрута. Было два пути к Богоскому хребту: вдоль Андийского Койсу, и вдоль Аварского. В первом случае выючная тропа доходила до аула Дио; путь от Темир-Хан-Шуры составлял 160 вёрст. Дорога через Аварское Койсу была длиннее: она заканчивалась у селения Кхиндакх и насчитывала 200 вёрст. Но зато вторая дорога была лучше разработана и ближе подходила к богоским землям. Это закрытое со всех сторон общество помещалось между Дио и Анкратлем и, по слухам, почти не имело населённых пунктов. Расположенное в ущельях вечно заснеженного хребта, оно никогда не посещалось русскими картографами. Имелись сведения, что лагерь Малдая находится у подножья горы Эдрас, самой высокой на всём Богоском хребте. Но где именно? Высота Эдраса – 13 800 футов! Окружность подошвы составляет не менее 60 вёрст, и всё это – не исследованная местность. Предстояло бродить по ней наугад, под прицелом абрекских ружей и в окружении враждебного населения. А если в отряде появятся раненые? В то же время, не поведёшь же в эти дикие горы пехотную роту... Здешняя малая война – это действия небольших групп особо подготовленных людей. А лица, собравшиеся в кабинете Ильина, все имели именно такую подготовку. Плюсом двенадцать бывалых казаков с урядником – получается сила!

Выступление отряда было назначено через два дня. Идти решили длинным путём, через Аварское Койсу. Таубе с капитаном Ильиным занялись сбором необходимых провианта и снаряжения. Даур-Гирею поручили живой инвентарь, Артилевскому – выбор проводников. Один Лыков остался без дела. Сказав, что свой багаж он собирает сам, коллежский асессор удалился во флигель. Ему предстояло ещё нанести официальный визит в темир-хан-шуринское управление полиции и передать туда тюк с бумагами. Переодевшись в повседневный мундир, Алексей взял почту и отправился представляться полицмейстеру.

В городе, управляемом военными, полицмейстер, почему-то, оказался статским. Надворный советник Иенсен принял столичного гостя с напускным радушием. Не каждый день в эдакую глушь наезжают чиновники Департамента полиции! нет ли тут подвоха навроде тайной

ревизии? Узнав, что гость прикомандирован к экспедиции Военного министерства, Иенсен успокоился. Алексей попросил познакомить его с начальником сыскного отделения, чтобы «поговорить по-свойски». Полицмейстер оживился и гордо заявил:

– Губернский секретарь Печелау очень, конечно, ещё молодой, но сыщик он настоящий. Вот в апреле, в Тавлинской слободе, брали отца и сына Атабаевых. Видные здесь качаги.^[33] Опасные ребята, терять нечего! Печелау сначала переоделся дезертиром и лично их выследил. А затем сам же и заарестовал, отважно пойдя на кинжалы. Его сиятельство князь Чавчавадзе подписал представление к Анне третьей степени...

Начальник отделения, действительно, оказался очень молод – не старше 23 лет. Белобрысый, высокий, крепкого сложения, он отнёсся к Лыкову с недоверием. Тот знал уже, что на Кавказе так повсюду. Здешние офицеры и чиновники живут как бы в особом государстве. Всех приезжих они считают чужаками; свой же, пусть и совершенно незнакомый, повсюду встретит радушный приём. С первого же взгляда коренные кавказцы отличали друг друга и сходились мгновенно.

Алексей передал Печелау циркулярное письмо Департамента полиции о розыске бежавшего Раковникова и сказал просительно:

– Прошу, коллега, обратить особое внимание. Будто бы он укрылся в ваших краях. Нет ли каких сведений об этом, хоть агентурных?

– Фамилию я слышал, но сам Раковников нигде у нас не проходил. А вот Санька Мухортый и Санька Чалый недавно объявлялись. Оба здешние, шуринские.

И добавил с иронией:

– Если вам, конечно, что-то говорят эти имена...

Лыков знал, о ком идёт речь. Саньки приходились друг другу двоюродными братьями и носили одну фамилию – Судовиковы. Самые отчаянные были в банде! Дезертиры, сумевшие бежать из страшных Бобруйских военно-арестантских рот, братья отличались особой жестокостью. Свои лошадиные клички они получили за цвет волос^[34]: один был брюнет с жёлтым пятном на левом виске, а второй – русый с сильной сединою.

– Чалый должен заметно хромать, – сказал Алексей. – Когда я выбросил его из окна четвёртого этажа, он упал на дровник и сломал ногу.

Полицейские переглянулись.

– Как, простите, вас по имени-отчеству? – быстро спросил Печелау.

– Алексей Николаевич.

— Очень приятно; а я Роман Петрович. Пройдёмте ко мне в отделение, там я ознакомлю вас с подробностями.

И Лыков, раскланявшись с полицмейстером, направился в сыскное. Между ним и Печелау сразу возникло приятное чувство общности, принадлежности к одному делу.

В кабинет начальника отделения Алексей пояснил:

— Раковников в Питере чуть не у меня на глазах зарезал околоточного надзирателя. Остались дети-сироты. Я замешкался; моя вина...

— Понимаю.

— Потом я его изловил. Так хотелось шею при этом свернуть, но нельзя — затаскают. В столице с этим строго. А Финиест взял, да и сбежал! А теперь ёщё и эти два брата-акробата. Что же у нас за тюрьмы такие, что из них все бегут?

— Вы к нам надолго?

— Послезавтра рано утром отбываю в горы. Не менее, чем на месяц — ловим Малдая из Бахикли. Нельзя ли, Роман Петрович, что-нибудь успеть за эти два дня?

— Осталось уже полтора, — задумчиво ответил губернский секретарь. — Не успеем. Такие вещи с кондака не делаются; народ уж сильно решительный. Можем так нарваться...

— Всё понимаю, Роман Петрович. Сам на тот свет не тороплюсь! Но всё же?

Печелау встал и принялся размеренно ходить по кабинету, совсем, как Благово.

— Источник видел «лошадиных братьев» в биллиардной Тер-Варданяна. Это такой притон на берегу Шура-озень, в магометанском квартале. Но попасть туда новому человеку просто так нельзя — не пустят. Мои агенты все известны мазурикам по наружности. Гримироваться разве? Но убедительно получится только у меня.

— Если там окажется сразу двое новеньких, братья не придут. Их предупредят.

— Верно.

— Я должен быть там один.

— Не зная местности? — Печелау сомнительно покачал головой. — А говорите, что не торопитесь на тот свет. Вы хоть знаете, что такое эта биллиардная? Главное в Темир-Хан-Шуре место скопки краденого. Воровская биржа. За версту вокруг нет ни одного полицейского поста. Поблизости многочисленные притоны «красных» и гайменников^[35]. Поставленная система наблюдения, которая делает облавы бесполезными.

А даже если вы туда вошли? Сидите, пьёте портер... Входят Чалый с Мухортым. Что вы сделаете? Арестуете? Вам никто не позволит.

— Я подойду и спрошу о деле. Мол, Лыков, третий «брус»^[36]. Имею «рапорт» из Москвы от Верлиоки — это тамошний «иван». Дело моё — это предложение свинцовых рублей вместо серебряных. Армяне такие вещи очень любят. А в горах не разбираются, всё возьмут! Вот, взгляните на образец; взял из Питера на всякий случай.

Лыков вынул из кошелька монету и протянул её губернскому секретарю.

— Покрытие — чистейшее олово.

Печелау покрутил «рубль», попробовал на зуб.

— Чистая работа. У нас я таких никогда не встречал.

— Человек, что его изготовил, живёт в Лондоне. И никогда в Россию не приедет, потому, как его ждёт тут каторга. Арон Барабанчик зовут... Как моя легенда?

— Слабовата. Вы так выйдете не на Раковникова, а на совсем другого человека, Арутюна Попова.

— Это тutoшний «иван»?

— Да. Владеет торговлей консервами, а заодно держит все преступные промыслы, кроме абреchества и похищения людей. Фальшивые деньги его конёк. Но познакомиться с Арутюном быстро не получиться, сначала вас подставят Пашке Тёмкину, его правой руке. Тот начнёт проверку. Неделя, не меньше... А вы послезавтра уезжаете. И потом, где тут Раковников? Не склеивается.

— Агентура не сможет обнаружить убежище «лошадиных братьев»?

— Думаю, что сумеем, но не быстро. Я возьму их в разработку. Вы возвращайтесь из гор, и заходите. Что-нибудь я вам к тому времени уже скажу.

— Хорошо, — Лыков встал, крепко пожал сыщику руку. — Как вернусь — сразу к вам. Желаю успеха.

И ушёл. А Печелау подумал немного и отправился в комнату к агентам.

— Левон! Нарисуй-ка мне внутренности биллиардной Тер-Варданяна.

Лыков не спеша вернулся в офицерский флигель, переоделся в свой дорожный костюм. Полицейский билет и открытый лист переложил в секретное отделение сака. Вынул оттуда же револьвер и нож в кожаных ножнах. «Веблей» сунул под сюртук, за спину, а клинок спрятал в сапоге. Посмотрел на себя в зеркало и пожалел, что вынужден был утром

побриться. Ну, ладно, «брусу» дозволительно...

Таубе всё не появлялся; видимо, был занят сборами. Ну, оно и к лучшему, решил про себя Алексей. Баронище ему здесь вроде, как начальник; может и не отпустить поиграть на бильярде. А сыграть охота!

Алексей трижды сильно напряг, а затем расслабил мышцы плечевого пояса. Его научил этому борец Медведев; называется «изомерические упражнения». Надел фуражку и вышел. На дворе подобрал горсть песка и потёр им руки, чтобы они не выглядели слишком барскими. Ну, вроде, готов...

Сыщик покинул форштадт и отправился бродить по городским кварталам, держа курс на реку. Дошёл до Шура-озени, осмотрелся. Биллиардная должна находиться вон там, в тех непарарадных кварталах. Не спеша он отправился туда, изучая город и запоминая дорогу. Сердце билось учащённо, но страшно не было. Алексей вспомнил слова Благово: «Тебе придётся научиться жить с этим». Вот сверну Финиесту шею, и научусь, подумал он. Тут же в памяти всплыли Брюшкин и Чунеев, как они, хлопая об пол в четыре ладошки, ползут навстречу отцу. Лыков отказался замедлить шаг. Не бояться же теперь всю жизнь! Даже если сегодня всё закончится благополучно, ему предстоят горы, ружья и кинжалы абреков. Да и вообще служба лихая! Нет; детей и жену Лыков любить будет, а бояться не будет. Решено!

Высмогрев в толпе оборванца полууголовного вида, коллежский асессор схватил его за рукав:

– Эй, граф Бутылкин, где тут у вас можно шары погонять?

– Шары? – осмотрел тот незнакомца. – Не здешний, што ли?

– Был бы здешний, не спрашивал. Шары хочу. А ещё кизлярки чтобы выпить, гульнуть на всю мошну, а то от сорги кишения лопается.[\[37\]](#)

– Кишене помочь – святое дело, – ответил оборванец. – Токмо чых ты будешь, незнакомая душа? На нашенского вроде не похож.

– В кабаке родился, в вине крестился. А вашенских в цинтовке я завсегда лупил, как сидоровых коз. Халамидники вы эдакие... Поэтому и не похож. Я – шпановый брус, причём такой, какому и фартовые дорогу уступают! Веди, куда хочу, ламышник получишь.[\[38\]](#)

– Ну, золотой разговор, – сразу согласился босяк. – Куда тебя вести-то? У нас тута четыре биллиардных, да и «мельницы»[\[39\]](#) имеются.

– Федька-Шулыкан говорил: «Попадёшь в Шуру – иди к Варданову, лучше его нет».

Шулыкан[\[40\]](#) был известный на Кавказе налётчик, сидевший сейчас

под следствием в Ставрополе.

– Да ты Федьку знаешь?

– В Новом Черкасске на единой наре сидели.

– Федя мне, как брат! – заявил оборванец. – Когда он в Шуре, завсегда угостит! душа-человек. Пошли к Варданову. У Жоржика и всамделе хорошо, быдто мёдом намазано. Токмо ламышник-то наперёд отдей.

Алексей выдал монету.

– Зови меня Лыков.

– А я Гришка Хрипатый.

– Веди, Гришка, а то горнило аж жгёт, так кизлярки охота. И думай пока – никому тут скуржавые колья не нужны?[\[41\]](#)

– Скуржавые?

– Ну, почти... Однако работы хорошей, не отличить.

Хрипатый сделал важно-задумчивое лицо и некоторое время шёл молча, потом сказал:

– Надоть Павла Тёмкина спросить. Энтот беспременно знает – серьёзный мущина.

За разговором они дошли до одноэтажного деревянного дома с мезонином, давно не крашенного. Дверь и окна биллиардной, по случаю жары, были распахнуты, изнутри доносились стук шаров и громкие голоса. Прямо поперёк входа лежал пьяный и храпел.

– Вот черти... – пробормотал Гришка, перешагивая через тело. – Перед приезжим человеком неудобство...

Внутри взору Лыкова открылся обыкновенный «пчельник»[\[42\]](#), каких он повидал уже не мало. Разве что, присутствовал кавказский колорит: половина посетителей были туземцы в разноцветных черкесках, а на стойке вместо водки и хлеба подавали кизлярку и чурек. Публика была очевидно нехорошая: воры, суровые громилы в войлочных шляпах и пьяные казаки. Прямо возле стойки Алексею попался высокий джигит со смоляной бородой и бешеным взглядом. Он глянул сверху на уруса крайне недоброжелательно, сказал что-то гортанное и отошёл в угол.

– Рожа, прости Господи... – пробормотал вполголоса Хрипатый, опасливо косясь на туземца. – Ты, Лыков, постой покуда, токмо тихонько, ни во что не ввязывайся. Здесь голову свинят, и не заметишь, как. Купи себе для разгона чарку говядины да фунт вина... А я пошёл Тёмкина исказать.

И исчез в задних комнатах. Коллежский асессор взял стакан кизлярки, отломил кусок чурека и прошёл в комнату, где шла игра. Страшный горец

бурчал ему вслед что-то злое, но Лыков не обращал на него внимания.

Первый, кого он встретил у стола, оказался Сашка Мухортый! Он стоял в компании разбойного вида парней и о чём-то тихо им рассказывал. Увидев Лыкова, Сашка прервал разговор. Он подскочил, вперил в гостя подозрительный взгляд и скомандовал властно:

– А ну замри!

Алексей остановился, отхлебнул из стакана и спокойно ответил:

– Дыру только во мне не высмотри, а так не жалко.

Во время ареста Раковникова Сашка видел Лыкова всего несколько секунд, в горячке схватки, и, к тому же, загrimированного; вряд ли он мог его сейчас опознать.

– Где я тебя видел?

Сыщик внимательно, но равнодушно рассмотрел бандита и пожал плечами:

– Ты встречал – ты и вспоминай. А я тебя вижу впервые.

И прошёл дальше в комнату. Присел на подоконник и принялся наблюдать за игрой, медленно откусывая чурек. Всё поведение Лыкова выказывало неподдельное спокойствие сильного человека.

Сашка Мухортый смотрел на него озадаченно, потом упрямо набычился и подошёл опять.

– Как звать?

– Зови меня Лыков.

– Какого занятия?

– Учу дураков уму-разуму. На хлеб хватает...

– В Семибашенном, случаем, не сидел?

Лыков отложил чурек, принялся загибать пальцы:

– В Семибашенном сидел, на Шпалерной сидел, Демидов проходил. В Москве в Бутырках сидел и на Камешиках. [43] Далее Нижегородский этапный двор, Казанская, Тобольская, Томская пересылки, Лунжанский рудник. Выбирай любую!

– Шайтан разберёт... – пробормотал Мухортый. – Ну, точно же я тебя видел! Лыков, Лыков... Не слыхал. Ты хоть фартовый?

– Я вольный человек. Служил в Питере у Анисима Петровича Лобова, ежели понимаешь, о ком речь.

– Как же! – воодушевился бандит. – Я и сам у него служил!

– А вот это легко проверить. Не всё тебе вопросы задавать. У Анисима Петровича два знатных батыря было. Одного звали Пересвет, а второго?

– Второй был Яша Челубей. Могутный парень!

– А офицера бывшего, что близко к Лобову стоял?

– Озябликов. Погоди, дай, и я тебя проверю. Кто в «Трёх Иванах», что на Лиговке, заправлял?

– Чулошников Прохор Демидыч. Брюхастый был мужчина...

– Ну, Лыков, тогда звиняй, и вот тебе красный угол! – сказал с чувством громила. – Зови меня Сашка Мухортый, как все кличут.

И вдруг всплеснул руками:

– А точно! Там я тебя и видел, в «Трёх Иванах»! Как вышибалу ихнего завалил, по ушам ему настучал. Ты тогда бороду носил. А Прохор Демидыч опосля увёл тебя вовнутрь. Было?

– Было. Тогда-то меня приметили и к Лобову и подвели. Мы с Челубеем в Сибирь потом пошли, «Этпаную цепочку» проверять. Этим и убереглись...

– Да, – вздохнул Судовиков. – Грохнули и Лобова, и Пересвета с Чулошниковым. Всех постреляли московские. За «короля» своего мстили, за Анчутку. И нету теперь в Питере главного.

– Говорят, осенью выборы будут, – понизил голос Лыков. – Без главного плохо. Раздрай идёт. В лесу и медведь архимандрит... Моя воля, я бы Раковника выбрали. Вот орёл!

В глазах Мухортого что-то мелькнуло, и Алексей понял, что переиграл.

– Или Большого Сохатого, – поторопился добавить он. – Приятель мой. Потом Сашка Красный Туз серьёзный парень. Есть люди, есть...

– Пойдём, что покажу, – тронул Судовиков сыщика за плечо и, не оглядываясь, шагнул в коридор. Отмерял его весь, толкнул последнюю направо дверь и посторонился, пропуская Лыкова вперёд. Тот чуть замешкался на пороге. Мгновенно бандит сильно толкнул его сзади в спину, и Алексей буквально влетел в помещение.

Он успел только разглядеть, что за накрытым столом сидят трое, и один из них – Раковников. Времени на раздумья не было. Сыщику повезло, что окно было открыто; не известно, успел бы он выбить раму. Не сбавляя инерции толчка, Лыков в два прыжка пересёк комнату и «рыбкой» прыгнул в окно. Плюхнулся на спину, больно ударившись о собственный револьвер, мгновенно вскочил на ноги и отпрянул в сторону. Он делал всё как автомат, быстро и точно. Следом, стараясь угодить ему в голову ногами, сиганул Сашка Мухортый; в руке у него был нож. Но Сашка опоздал. Заученным движением Алексей вытянул из-за ремня «бульдог», одновременно взводя его большим пальцем. Громила развернулся, занёс нож – и тут же пуля, пущенная в упор, разнесла ему весь череп. Мухортый ещё падал, а Лыков уже стоял у окна и выщеливал в комнате Раковникова. Тот поднял руку с револьвером. Полыхнуло, и горячая пуля обожгла сыщику шею. «Вот

хорошо», — подумал он, — «теперь не скажут, что я расстрелял безоружных». И нажал на спуск. «Ивана» отбросило на стену. Вдруг слева, из-за рамы, выдвинулась спрятавшаяся фигура. Третий! Револьверный ствол упёрся Лыкову в скулу, и громко щёлкнул курок полузвода. Сыщик только зажмурился... Тут в дверной проём ворвался из коридора давешний злобный горец, и выстрелом с четырёх шагов уложил покушавшегося наповал. Последний уцелевший бандит бросился на пол и вытянул руки:

— Не убивай, я безоружный, сдаюсь!!

Горец подошёл к убитому, ногой повернул его лицом вверх и сказал голосом Печелау:

— Смотри, Лыков — а вот и Сашка Чалый!

Глава 9

В путь!

Барон Таубе выставил всех из комнаты и распекал Лыкова с глазу на глаз.

– Ты поставил под удар всю операцию! Из-за пары каких-то уголовных! А если бы тебя ранили? Или вообще убили?

– Виктор, я же объяснил тебе: это был Раковников.

– Хоть Ванька Каин! Твои клиенты просто дети в сравнении с Лемтюжниковым. Ты хоть представляешь, сколько зла он уже натворил? И сколько ещё натворит, если его не остановить? А мой ближайший помощник... Пойми: ты единственный человек в отряде, кому я могу доверять. Ты ещё ничего не понял?

– Что я должен понять?

– Ну... Какого ты мнения об офицерах, с которыми вчера познакомился?

– Даур-Гирей самый симпатичный. Ильин тоже неплох. Ответственный, переживает за дело. Менее всех, если честно, мне понравился Артилевский. Напыщенный какой-то, самодовольный.

– Один из них – изменник.

Лыков несколько секунд молча ошарашило смотрел на барона, потом открыл рот, но тот не дал сказать ему ни слова:

– Молчи и слушай! У нашего отряда две задачи. Одна открытая: найти и уничтожить Малдая и турецкого резидента Лемтюжникова. Вторая секретная: выявить предателя. Эти три офицера не случайно попали в отряд; они все на подозрении. Уже давно кто-то предаёт, и мы даже не поймём, где: в окружном управлении, в областном, или в самом Тифлисе. Турки узнают сведения, не подлежащие оглашению. Носителями сведений являются эти три человека. Их нарочно командировали в экспедицию со столь малочисленным составом. Так легче заставить шпиона выдать себя. В крупном отряде он затаится, сходит в поход и вернётся. А тут... Десяток казаков да мы с тобой. Не удержится! Начнёт вредить и выдаст себя. Его задача – сорвать операцию. Не дать изменнику это сделать, выявить его можем только мы с тобой. А там, в горах, как только свернём с открытой дороги на тропу, нам уже никто не поможет. Потребуется быть настороже каждую секунду. Заметить удар, нацеленный в спину, отвести его и нанести

свой. Всё решится в секунду, но мы не знаем, когда. Понимаешь теперь, что ты значишь для успеха? Без тебя один я не смогу выполнить задачу.

Алексей нахмурился:

– Я всё понял. Буду теперь аккуратен. Но неужели нет никаких улик? Ловить шпиона там, в горах... От выстрела в спину не убережёшься.

– Обрати внимание на речи, что мы услышали. Ильин не доверяет никому из туземцев. Возможно, имеет целью поссорить нас с местным кадром, готовым к сотрудничеству... Особенный зуб вырастил на кадиристов. Даур-Гирей, наоборот, считает последних нашими потенциальными союзниками и призывает договориться с ними. Возможно, тут ловушка для администрации, а мы назначены в проводники этой ложной мысли... Артилевский кажется самым простым. А вдруг это ловкая маскировка? Войсковой старшина носит на себе оружие стоимостью в несколько тысяч рублей. Откуда у него такие средства?

– На Кавказе многие голодают, но щеголяют в дорогой «гурде».

– Да, но у него ещё дом один из лучших в Гунибе, и вклады в банке на тридцать тысяч! А живёт на жалование; никакого наследства не получал.

– Может быть обычное мздоимство. В здешней военной администрации пеш-кеш^[44] обычное дело, к сожалению.

– Может быть. Но и турецкое золото нельзя исключать. Мы с тобой должны прикрывать друг другу спину на протяжении всего похода. Ты мои вторые глаза и уши: наблюдай и будь всегда начеку. Теперь иди. Постарайся уснуть. Завтра последний день на сборы, а послезавтра уже выступаем.

И вытолкал Лыкова на улицу.

Была уже полночь. На ясном небе ярко и чисто грели звёзды. В тишине стрекотали первые цикады, где-то ревел жеребец, шумела далёкая река. Перенесённое волнение теперь дало о себе знать: в висках у Алексея стучало, кровь прилила к голове. Если бы Печелау не угадал его мыслей и не явился прикрыть, лежал бы он в той биллиардной с простреленной головой... Бедная Варенька так бы убивалась! Нет, надо становиться осторожнее, сдержаннее. Но зато Раковников в аду, и бедный надзиратель Кузнецов наконец отомщён.

Что значит Кавказ! Полицмейстер Иенсен примчался на выстрелы, арестовал Тер-Варданяна и Пашку Тёмкина, опечатал их притон и, довольный, уехал. В столице убийство трёх бандитов при задержании стало бы поводом для строгого расследования: не была ли превышена разумная самооборона? А Иенсен поблагодарил коллежского асессора. Сказал даже, что тот показал выучку. Лыков ответил, что настоящую выучку продемонстрировал губернский секретарь Печелау. Отблагодарить бы

человека, да как за такое отблагодаришь? И некогда – они уезжают.

Лыков вспомнил откровение Таубе. Вот новость! Они с Виктором будут в диких горах в роли живца. Как убережёшься, если враг внутри отряда? Доля секунды, и полетишь в пропасть с пулей в спине... В Петербурге промолчали, господа разведчики, а здесь уже пришлось открыться. Ну, и что? Неужели он бы бросил баронищу одного? Конечно, пошёл бы. Вот и ладно. Витьку я в обиду не дам, подумал Алексей, как и он меня; первым шпионов на части! И с этой мыслью улёгся спать.

Утром следующего дня сыщик встал свежий и отдохнувший. День предназначался на сборы. Револьвер Алексей привёз с собой. Шашку он решил в горы не брать: только стесняет движение, а нужна бывает редко. В полковом арсенале Лыков выбрал себе «бердану» № 2 и пристрелял её в тире. Испытал новые подсумки образца 82-го года. Они оказались удобными, и сыщик подвесил их на ремень, заложив внутрь сорок патронов. Ещё двести зарядов аккуратно завернул в промасляную бумагу и убрал в сухарный мешок из непромокаемой парусины. Прочее уставное снаряжение брать не стал, прихватил только водоносную баклагу и медный котелок.

К обмундированию Алексей тоже подошёл внимательно. Укороченные шаровары нового образца он забраковал, взял уже списанные чембары из оленей замши. Горы полны вересом, который солдаты называют «держи-дерево», и лучше чембар штанов ещё не придумали... Прихватил также запасные сапоги, башлык из верблюжьего сукна и – на мороз – постовые кенъги. Взяв от армии всё, что можно, коллежский асессор отправился в город. Торговлю в Темир-Хан-Шуре, как и на всём Кавказе, держали армяне. В лавке Оганесяна Алексей прикупил горских вещей: тёмно-серую черкеску, чёрный, подбитый ватой бешмет и чёрную же андийскую бурку. К ним прибавил две пары ноговиц, две пары поршней^[45] с железными крючьями, варежки и высокие, до колена, шерстяные носки бежтинской работы. На голову подобрал неброский папах из чёрной овчины. Прикупил ещё бурочный чехол для винтовки, плеть и торока^[46]. Велел отослать это всё в форштадт, а сам отправился дальше. В аптеке взял пару синих очков – себе и барону. Оставалось купить только кинжал.

К выбору этого оружия Алексей отнёсся очень серьёзно. В горах без кинжала нельзя. Поэтому, найдя хорошую оружейную лавку, сыщик провёл в ней сорок минут. Пересмотрел все образцы и выбрал шапсугский, с коротким и широким лезвием. Раны от такого наиболее опасны и, как правило, не заживают. Оружие было помечено клеймом знаменитого

мастера Айдемира из селения Амузги и, несмотря на отсутствие серебряных украшений, обошлось Лыкову в двести рублей. Зато это был кинжал с высокими боевыми свойствами! Как и полагалось, в ножнах его помещался ещё и нож с трёхвершковым клинком.

Вернувшись во флигель, Алексей стал собираться. Кстати подошёл и Даур-Гирей. Ротмистр заявил, что выючных лошадей в отряде почти не будет; грузы повезут преимущественно на ослах. Лыков это одобрил. Осёл несёт тяжести вдвое больше, чем лошадь, значительно меньше ест и лучше лазает по горам. Иса познакомил сыщика с его конём. Высокий гнедой абазинец трамовской породы стоял посреди двора и косил карим глазом. Он имел, как и положено, белые пятна в хвосте и гриве, а так же, что уже было редкостью, белое пятно на носу. Такая отметина высоко ценилась в горах, считаясь приметой хорошего скакуна. Звали жеребца Мухаррам^[47]. Сильный трёхлеток, он немного волновался, чувствуя перемену участия. Алексей угостил его хлебом с сахаром, очень аккуратно взнудзил и оседлал драгунским седлом, и вывел на улицу в поводу. Долго они шли по переулкам, пока не оказались на окраине. Рысак всё не успокаивался. Наконец вокруг сделалось безлюдно. Тогда Лыков одним прыжком вскочил в седло и чуть дал шенкеля. Мухаррам пошёл сразу ровно и хорошо; казалось, ему и самому давно хотелось побежаться. Алексей попробовал и рысь, и галоп, и в карьер. Рысак слушался всех команд и дышал легко и ритмично. Очень довольный, Лыков вернулся в форштадт, поставил абазинца в конюшню и насыпал несколько гарнцев отборного овса. Потом пошёл благодарить Даур-Гирея. Тот нашёлся на полковом плацу в компании Таубе. Барон объезжал рыжую кобылу карачаевской породы известного завода Кубановых, и тоже выглядел довольным.

Ротмистр рассказал столичным гостям, что их скакунов предварительно подъяровили, то есть, подготовили к длительному походу. С этой целью лошадей три дня кормили просом и давали мало воды. Теперь на них нужно ездить, постепенно увеличивая нагрузку, значит, первый переход должен быть коротким.

К ним подошёл плотный молодцеватый урядник с двумя георгиевскими крестами на черкеске.

– Ваше высокоблагородие! – доложил он Таубе. – Второго Волгского полка урядник Недайборщ прибыл в ваше распоряжение!

– Здорово, урядник. За что кресты?

– За бой в Даярском ущелье, и за взятие форта Хафиз-паша при штурме Карса, ваше высокоблагородие!

– Славные дела. Сколько с тобой людей?

– Второй взвод второй сотни. Тринадцать сабель считая со мной.

– Воевавших много?

– Более половины. Кроме меня ещё два кавалера имеются.

– Приводи сюда взвод к четырём часам; буду знакомиться. Кстати, познакомься и ты. Это помощник начальника отряда коллежский асессор Лыков. Это ротмистр Даур-Гирей.

Недайборщ откозырял, внимательно глядя в глаза каждому.

– После знакомства с кадром доложишь о готовности. Денежное довольствие получил?

– Так точно, на месяц.

– Рационы?[\[48\]](#)

– Пока токмо на строевых коней; на выючных и на ослов велено явиться к кассиру через час.

– Вещевое довольствие? Сухарное? Огнеприпасы?

– Получено по триста зарядов. Из провианта осталось забрать только бульонные плитки и чайную порцию. Из снаряжения – малые кавказские топоры. Осмелюсь доложить: начальник интендантства подполковник Михайлов-третий просят вас прибыть к цейхгаузу расписаться в выдаче.

– Сейчас?

– Так точно.

– Пошли. Господа! Я ненадолго отлучусь. В четыре пополудни построение всего отряда, на этом месте. Прошу предупредить господ Ильина и Артилевского.

Ровно в указанное время отряд в полном составе выстроился на плацу. Левый фланг замыкали два мрачного вида лезгина, выбранные Артилевским в качестве проводников. Сам войсковой старшина поразил Лыкова своим конём. Игреневый[\[49\]](#) жеребец неописуемой красоты прядал ушами и подрагивал лёгким крупом. Скаун стоил несколько тысяч рублей, и ещё на тысячу с лишним тянул его густо украшенный серебром набор[\[50\]](#). Да, в средствах Эспер Кириллович явно стеснён не был...

Подполковник Таубе познакомился с кадром отряда, представил казакам офицеров и Лыкова. Задал положенные вопросы – есть ли претензии, нет ли больных. Сразу же возник вопрос по денщикам. Учитывая малочисленность отряда, отдельное обслуживание полагалось только его начальнику. Но Артилевский неожиданно тоже потребовал себе денщика; к нему присоединился и Ильин. Барон попал в затруднительное положение. Но Лыков и Даур-Гирей от услуг казаков отказались. После этого подполковник счёл возможным удовлетворить заявленные

требования, и отряд был распущен до утра.

Глава 10

Первые приключения

В семь часов дополудни отряд подполковника Таубе силою в двадцать ружей выступил из Темир-Хан-Шуры. Предварительно в Андреевском соборе для православных членов отряда был отслужен молебен во успешное завершение похода. В нём участвовали Лыков, офицеры за вычетом Даур-Гирея, и пять казаков. Остальные станичники оказались староверами австрийского согласия, и для них в «рогохском» храме был проведён особый молебен.

Первый этап начался как приятная прогулка. Люди шли по благоустроенному шоссе. Кумыкская равнина не представляла препятствий, погода тоже была благосклонна к путешественникам. Через Атланаул, Нижнее Казанище и Аркас колонна двигалась к Араканийскому перевалу. Слева сияла снежной вершиной громада Зуберхи. Через несколько часов пути начался длинный подъём. Гимринский хребет встретил гостей холодом и голыми скалами. Шесть тысяч футов высоты. Грязь мрачных гор, где нет не только леса, но даже кустарника... Дорога сузилась до двух саженей и давалась теперь с усилием. Подъяровленные кони быстро уставали и требовали отдыха. На расстоянии пятидесяти вёрст пришлось сделать два привала, причём топливо для костров удавалось добывать с трудом со дна расщелин.

Когда отряд уже перешёл хребет и спускался к Кодотлю, с нависающей над дорогой скалы при тихой погоде вдруг слетел камень. Он описал бесшумную дугу и ударил точно в голову казака. Папаха спасла ему жизнь, но от сотрясения мозга не уберегла. В горах часто без видимых причин падают камни, но чтобы так метко... Словно его направляла чья-то злая рука. Терцы сразу приуныли – плохое начало. Что-то будет дальше, шептались они за спинами офицеров. Раненого с предосторожностями доставили в Кодотль и оставили на попечении карта^[51]. Там же и заночевали: Таубе решил не переходить Койсу в наступающих сумерках.

Отряд расположился в большом доме здешнего кади. Высокий старик с властным взглядом – в своё время он служил у Шамиля мазуном^[52] – был с русскими неприветлив. Общаться с гостями он назначил старшего сына, а сам ушёл во внутренние комнаты. Офицерам и Лыкову предложили просторную кунацкую, а казаки с лезгинами-проводниками расположились

прямо на дворе. Алексей заметил, что терцам понравился его отказ от денщика, и они сами выделили ему человека для услуг. Таковым оказался Мелентий Лавочкин – огромный, могучего сложения парень с добрым простодушным лицом. Он приглядывал за катером^[53], тащившим лыковские выюки, помогал сыщику расположиться на отдыхе, занимался его конём. Вот и теперь Мелентий в первую очередь напоил уставшего трамовца, и лишь после этого занялся собственным жеребцом.

Развесив на деревянных гвоздях оружие и сёдла, «благородия» уселись на коврах отдохнуть. Только Даур-Гирей обособился. Он вынул из выюка намазлык, нашёл каблу и принял творить третий намаз, не обращая на русских никакого внимания.^[54] Капитан Ильин возмущённо фыркнул и вышел на двор. Там уже горел костёр. Казаки свежевали купленного у хозяина барана и собирались варить шурпу. Таубе вынул складной самовар. Артилевский в ответ достал из чемоданов богато отделанные серебром азарпеши и тулуку с чихирём^[55]. Неизвестно откуда на двор натащили всякой снеди: зелень, чеснок, курсе^[56] с творогом, дикий цикорий и сыр. Лыков снял черкеску, в одном бешмете сел на пороге кунацкой и лениво следил за суетой, прихлёбывая кислый чихирь. Летели в темнеющее небо искры от костра, сновали любопытные мальчишки, мычали в стойле невидимые коровы. Из окон второго этажа на русских смотрели застенчивые аварские девушки. Самая смелая из них вынесла офицерам несколько горячих лепёшек. Стройная, с красивыми карими глазами, в платье-тунике, шароварах и расшитом чухту^[57], она была очень грациозна. Артилевский подарил девушке серебряный рубль. Громко вскрикнув от радости, она показала подарок товаркам и убежала обратно в дом. Казаки одобрительно загоготали. Таубе подозвал урядника и приказал выдать винную порцию. Крики одобрения повторились ещё громче. Алексей понимал, что барон хочет сплотить незнакомых людей, наладить в отряде доверительные отношения. Понимали это и терцы. Они оставались услужливыми без тени фамильярности, и часовой у ворот не ослаблял выправки. Офицеры пили умеренно, только Артилевский, видимо, опрокинул в себя лишний рог. Лицо его покраснело, речь стала запинаться. Таубе чуть двинул бровью, и войскового старшину отвели в кунацкую; скоро оттуда послышался его могучий храп.

Утром следующего дня барон дал всем выспаться. Артилевский встал с помятым лицом и жадно тянул айрат. Таубе с Ильиным изучали карту и о чём-то совещались вполголоса. Даур-Гирей с обоими ингушами вернулся из мечети. Лыков с удовольствием наблюдал знакомую ему ещё с войны

сцену делёжки табака. Приказный^[58] Чоглоков, казак серьёзный и основательный, резал на особой доске листы махорки. Четверо курящих станичников столпились вокруг и внимательно наблюдали процесс. Рогожцы беззлобно их подначивали. Наконец, Чоглоков искрошил табак, не спеша достал кисет и принялся подчёркнуто медленно набивать его. Напряжение в зрителях возрастало... Забрав две трети махорки, приказный убрал кисет, отступил на шаг и скомандовал:

– На покрошение!

Мгновенно станичники бросились к доске и, под смех староверов, расхватали остаток махорки. Через минуту весь двор заволокло крепким дымом самосада. Лыков с сыном хозяина подбивал счёты. За барана, зелень, сыр и вареники аварец запросил шесть рублей, а получил четыре с полтиной. И остался весьма этим доволен... Сыграли аппель^[59]. Терцы уложили вещи, вывели и оседдали коней, нагрузили выюками ослов. Когда колонна выходила со двора, Лыков увидел в окне третьего этажа лицо хозяина. Бывший шамилевский пятисотенный смотрел на русских с ненавистью.

Холодным майским утром экспедиция спустилась к реке. Чуть выше переправы в многоводное Аварское Койсу впадает Каракойсу. На месте слияния образовалось что-то вроде большого залива с островами из нанесённых камней. Горы раздвинулись, образовав долину, река замедлила бег и стало возможным перейти её вброд. Неожиданно, когда отряд оказался уже у самой воды, Таубе остановил людей.

– Рассыпаться в цепь, укрыться за камнями и приготовить оружие! – приказал он. Все быстро выполнили команду; цепь ощетинилась стволами. Подполковник принялся рассматривать противоположный берег в бинокль. Разговоры стихли, все хмуро и настороженно выглядывали из-за камней, пытаясь увидеть что-то в утреннем тумане.

Подошёл встревоженный Ильин:

– В чём дело, Виктор Рейнгольдович? Чего мы опасаемся? Я переправлялся здесь много раз.

– Нехорошее предчувствие, – лаконично ответил подполковник, знакомым Алексею жестом потирая левый висок.

– Предчувствие? И поэтому мы тут застряли?

– Да. Вчера оно навестило меня в первый раз. Я не прислушался, и Тимохину на голову упал камень. Так что... Недайборт!

Урядник подбежал.

– Пошли одного человека в разведку. Мне не нравится вон тот утёс;

пусть его обследует.

– Есть!

Левый берег спускался к реке огромным амфитеатром, на вершине которого виднелись строения большого аула Могох. На пятьдесят саженей ниже переправы виднелся приметный утёс с ровной, будто срезанной вершиной.

Артилевский тоже не удержался и раздражённо встярал в разговор:

– Барон, эти места вдоль и поперёк изъезжены, всюду тысячи глаз! Чего вы опасаетесь? Эти мне командированные из столиц... Бестужева-Марлинского начитались? На дворе восемьдесят пятый год!

Таубе, не обращая на него внимания, вынул из чехла винтовку, дослал заряд в патронник и скомандовал:

– Лыков за мной, остальным оставаться здесь. Приготовиться к бою!

Вдвоём они спустились вниз по реке так, что оказались прямо напротив утёса, и взяли его на прицел.

– Почему ты решил? – спросил Алексей, как только они остались одни.

– Один лезгин ночью отлучался.

– Который?

– Ахмат. Но они оба подозрительны.

– Как узнал?

– Спать надо меньше, Лёха!

Бойцы отряда изготовились. Приказный Чоглоков взял «бердану» на руку и осторожно пустил коня в Койсу. Напряжение достигло высшего предела: все держали палец на курке и высматривали противника.

– Стреляй без команды, сразу, как только увидишь, – крикнул барон, перекрывая шум потока.

Чоглоков прошёл уже середину реки. Вода доходила его коню по грудь. Вдруг Алексей разглядел в прорези прицела чёрную папаху и, не мешкая, нажал на спуск. Рядом открыл прицельный огонь Таубе. Остальные члены отряда с некоторым запозданием поддержали их. На утёсе часто-часто вспыхивали дымки выстрелов – там засело не менее четырёх человек. Приказный оказался в самом опасном положении – без укрытия, почти без движения, ближе всех к противнику. Но опытный казак сразу же прыгнул с седла в воду, прикрывшись конём и буркой, и продолжил движение вперёд.

Перестрелка разгоралась. Алексей унял уже первое волнение и решил бить наверняка. Положив винтовку на камень, он высмотрел бородатую голову и подвёл под неё мушку. Потом решил, что холодная вода реки утянет пулю, и поднял прицел на волос. Плавно нажал на спуск. Голову

стрелка будто ветром сдуло, только папаха осталась лежать на камне.

Выстрелы с утёса тут же прекратились. Барон побежал обратно к отряду, крича:

– Эшелон^[60]! Быстро вперёд!

Через десять минут вся экспедиция оказалась на левом берегу Аварского Койсу. Оставив коней с лезгинами, русские бросились к утёсу.

Было видно, что это старое капу – сторожевой пост ещё времён Шамиля. Сзади на вершину вели вырубленные в скале ступеньки. Наверху обнаружилась ровная площадка, с которой переправа открывалась, как на ладони. Площадка была густо усыпана стрелянными гильзами. Поперёк лежал мёртвый горец: пуля Лыкова вошла ему в глаз, а вышла из затылка. Ещё один кровавый след уводил вниз.

– Не по нраву им пришлось угощение, – констатировал урядник. И добавил уважительно:

– Но как вы их унохали, ваше высокоблагородие! Чудеса...

На казаков весь эпизод боя произвёл сильное впечатление. Их ждала засада, поставленная в выгодном месте, и все козыри были у противника. В реке, на быстрине, четыре винтовки должны были произвести в составе отряда страшное опустошение... Вместо этого потерю понёс враг. Подполковник, словно матёрый волк, учゅял ловушку, избежал опасности и сильно огрызнулся в ответ. Терцы сразу оценили случившееся. Авторитет начальника, доселе им совершенно незнакомого, стал на должную высоту.

Под прикрытием скал Таубе построил отряд, вывел из строя Чоглокова и объявил ему благодарность за храброе исполнение долга. Приказный не получил ни единой царапины, но конь его был ранен в голову и шею и умирал.

Ильин и Артилевский отвели барона в сторону. Оба были сильно смущены случившимся.

– Среди бела дня, в пятидесяти верстах от Темир-Хан-Шуры напасть на воинскую часть – такого здесь не было уже много лет! – воскликнул капитан. – Нужно срочно сообщить его превосходительству, пусть назначат следствие.

– Да, да! – поддержал его войсковой старшина. – Непременно следствие. Это какая-то неслыханная дерзость! Нас чуть не постреляли, будто куропаток! Имеется труп, можно попробовать опознать его. И ещё у них раненый на руках. Нужно идти в аул, искать там.

Забрав тело убитого горца, отряд по крутой тропе пошёл в Могох. Кровавый след кончился через две сажени. Поперёк тропы лежало ещё одно тело. Молодой лезгин с простреленной шеей был добит ударом

кинжала в спину. Взяли и его. На окраине аула русских встретил дибир^[61] в сопровождении вооружённых джигитов. Стрельба у переправы подняла на ноги всё селение, и дибир уже собрался спуститься вниз на разведку.

Убитых туземцев положили на годекане^[62]. Жители аула внимательно разглядывали их лица и одежду.

– Нет, господин офицер, это не наши, – заявил дибир. – Мы никогда их прежде не видели. Посмотрите на их обувь – здесь так не ходят. Это дидойцы.

Действительно, на ногах у покойников были вязаные шерстяные сапоги с толстой простёганной шерстяной же подошвой и загнутыми вверх носками.

– Старик прав, – подтвердил Артилевский. – Это капучинцы. Или люди, которые хотели, чтобы их приняли за капучинцев.^[63]

– Хорошо, – сказал Таубе старосте. – я снимаю с тебя подозрение. Пошли десять вооружённых джигитов по сакме^[64]. Нападавших осталось двое или трое, и они ушли вверх по реке. Я дам в помощь одного казака. Ещё отошли мою записку в Темир-Хан-Шуру к князю Чавчавадзе. До приезда властей сохрани трупы в неприкосновенности. Кроме того, нам нужна одна хорошая верховая лошадь.

Пока дибир назначал джигитов в погоню, Лыков тщательно обыскал убитых, но не нашёл ничего полезного для следствия.

– И не найдёшь, – ответил ему барон. – В следующий раз будем перехватывать Ахмата в пути.

Глава 11

По левому берегу Койсу

Не тратя времени на лишние разговоры, Таубе развернул колонну и повёл её к реке. В ауле остался только казак Фролов. Ему было приказано проследить за поимкой оставшихся в живых абреков и, в любом случае, догонять потом отряд. Чоглокову за сто рублей купили кобылу-четырёхлетку, и тот несколько повеселел.

Теперь дорога шла по левому берегу Аварского Койсу. Им предстояло пройти чуть более двадцати вёрст, перевалить через Гоцатлинский кряж и спуститься потом к Карадаху. Там русло реки сужалось, образуя знаменитую Карадахскую щель, и тропа по подвесному мосту опять возвращалась на правый берег. Хотя экспедиция двигалась по главной дагестанской дороге, покушение на переправе показало, что нужно быть постоянно начеку. Поэтому в двухстах саженях впереди колонны ехал казак, и ещё один прикрывал её в качестве арьергарда. Согласно поручениям начальника, Алексей не спускал глаз с проводников-лезгин. Одновременно он приглядывал и за офицерами. Артилевский ехал хмурый, время от времени отхлёбывая из баклажи. Видимо, там у него была не вода... А ведь именно войсковой старшина подбирал проводников! Ильин и Даур-Гирей, с одинаково озабоченными лицами, разделились по разным концам колонны, демонстративно избегая друг друга. Абадзе исправно исполнял салят^[65], из-за чего движение партии всякий раз приостанавливалось. Это вызывало у капитана явное и сильное раздражение, которое он и не думал скрывать. Ильин затевал с Даур-Гиреем перепалки, столь резкие, что Таубе пришлось его одёрнуть. Напряжение в отношениях этих двух офицеров возрастало.

Зато воспрянули духом казаки. В полдень, когда ротмистр с лезгинами совершили второй намаз^[66], Мелентий Лавочкин подобрал на тропе оброненную кем-то подкову. Показав станичникам находку, он сбросил с себя одежду и, оставшись лишь во фланской рубахе, с увлечением принял ломать железяку. Засучил рукава, поплевал на ладони, ухватился покрепче и приналёг, что было сил. Терцы столпились вокруг, подзуживая богатыря. В наступившей тишине было слышно, как хрустят от напряжения костяшки его пальцев. Две минуты Лавочкин пыхтел и сопел, но подкова не поддавалась. Казаки начали посмеиваться:

— Что, Мелентий, важно? А ты портки ешшо совздень, оно легшее пойдёт!

— Экая назола! Попроси у урядника вечорнюю винную порцыю, без яё не сдюжишь!^[67]

Наконец Лавочкин плюнул с досады и сердито бросил находку обратно на землю.

— Видать, её чортушко ковал! Я в станице все ломаю, без разбору; скажи, Ванька! А ента...

Лыков вошёл в круг, нагнулся, поднял подкову и внимательно её осмотрел. Казаки затихли, наблюдали за коллежским асессором не без иронии.

— Да, Мелентий, тут штука особая, закалённая.

— Я и баю, ваше высокоблагородие — чёрт её ковал! Не можно таковую поломать.

— Ты гнёшь неправильно. Не к себе концы своди, а наоборот, разводи в разные стороны. Вот так.

И Алексей легко, со звонким щелчком, сломал подкову. Терцы сначала опешили, а потом одобрительно загудели:

— Ай да ихо высокоблагородие! Вот утёр, так утёр!

— А мы ещё вот как попробуем...

Лыков сложил обе половинки и быстрыми движениями перевил их друг с другом в одну спираль. Казаки ахнули. Потом пустили то, что получилось, по рукам. Мелентий озадаченно посмотрел на сыщика — тот был ниже его ровно на голову — и принялся одеваться...

Через час Алексей подслушал разговор двух терцев.

— Да, брат, вот тебе и баре из столицы! — сказал Чоглоков.

— И-и-и... — согласился казак Ложкин. — Один, хоть именем и немец, а засаду точно волк чует. А второй со ста саженей в глаз попадает, и из подков верёвки вьёт. Необлыжные^[68] господа; за такими не пропадёшь!

Междуд тем, дорога опустилась почти до уреза воды, изогнулась и вела теперь вверх. Отряд начал выбираться из печально знаменитого своим трудным подъёмом Могохского ущелья. Идти сделалось намного труднее. Уже через час всем пришлось спешиться и вести лошадей в поводу. Лыковский катер по прозвищу Облоухий^[69] заупрямился и решил вообще не идти, и Лавочкину пришлось стимулировать его концом шашки. Тропа сузилась до двух аршин и даже менее. Слева путников подстерегал обрыв, в котором, на глубине пятидесяти саженей, ревел горный поток. Справа уходила в небо отвесная стена, с которой время от времени сыпались на

тропу увесистые камни. В некоторых местах тропа оказалась полностью сбита, и на прогале, кое-как набросанные, лежали стволы деревьев. Смотреть под ноги тут было особенно страшно...

Вдруг идущая впереди Лыкова кобыла оступилась и быстро поехала на брюхе вниз. Раздалось громкое «берегись!»; казаки прыснули в сторону и буквально вжались в скалу. Катящаяся по тропе лошадь представляет огромную опасность. Алексей уже видел такое дважды. Причём во второй раз животное на его глазах слетело в расщелину и ударилось об ствол сосны с такой силой, что было разорвано пополам... Сейчас същику нужно было спешно уворачиваться, пытаясь спасти при этом и своего Мухаррама. Но в последний момент Лыкову стало жаль ценного груза – кобыла тащила на спине два патронных ящика, почти весь запас отряда. Поэтому он изловчился, припал на одно колено и, схватив проезжавшую мимо кобылу за ляжку, упёрся, напрягая все мускулы. В глазах потемнело, жилы на руках, казалось, сейчас лопнут. Но лошадь остановила падение – Алексей держал её почти на весу! Сзади, тыкаясь същику мордой в плечо, толкался жеребец.

– Бросай! Немедленно брось её! – закричал сверху Таубе. Камень с противным визгом выскочил из-под ноги Лыкова; человек и животное оба съехали вниз ещё на аршин.

– Бросай, кому говорю!

Но коллежский асессор не отпустил кобылу. Прошло несколько страшных секунд, однако больше они не сползали.

– Мелентий, режь ремни... – выдохнул Алексей.

Подскочил Лавочкин, разрезал кинжалом ремни вьюков и осторожно снял патронные ящики, положив их вдоль тропы. Лошадь лежала без движения и дрожала всем телом, то ли от страха, то ли от напряжения сил.

– Бери её под шею и попробуем поднять.

Казак ухватил животину под гамаши, Лыков просунул руки под потное брюхо.

– Раз... два... три!

Вдвоём они приподняли кобылу и установили на ноги. Та пошатывалась, но стояла. Подбежали другие казаки, отвели счастливицу подальше от пропасти. Потом разбили ящики и разобрали между собой патроны, после чего эшелон снова двинулся в путь. Алексей шёл на ватных ногах и мечтал только о привале...

Всё когда-нибудь кончается, кончился и этот переход. Тропинка внезапно вывела на плато, с которого открылся вид на Большой Гоцатль. Многочисленные постройки аула были всего в версте от них. И люди, и

животные, обессиленные, повалились на горячие камни. Таубе подошёл к Алексею, молча с чувством пожал ему руку; то же самое сделали Ильин и Даур-Гирей. Артилевский, весь красный, лежал на спине и хрипло дышал – ему уже было ни до чего...

Через десять минут подполковник поднял отряд. Требовалось срочно напоить живой инвентарь, а вода имелась только в ауле. По счастью, оставшаяся часть дороги была в хорошем состоянии. Кое-как доковыляв до обширного двора наиба, люди и животные расположились на отдых.

Подъём от Койсу до Гоцатлинского кряжа дался партии с таким трудом, что Таубе назначил стоянку до конца дня. Через час походная жизнь вошла в привычное русло. На дворе варилась очередная шурпа, казаки жарили на шомполах шашлык из баранины, домашние наиба подтаскивали зелень с лепёшками. Горцы очень любопытны, поэтому вокруг бивуака вскоре появились во множестве местные жители. Один предлагал купить у него дрянной кинжал, второй выпытывал новости, третий «стрелял» табаку. Барон потолковал с наибом – не появлялись ли в ауле посторонние. Хитрый аварец божился, что никого не встречал уже много дней – только знакомые торговцы да почта. Тогда Таубе отправился на поиски квартирующего в ауле полицейского урядника. Лыков увязался с ним.

Урядник, крупный седовласый мужчина лет пятидесяти, дал на все вопросы очень интересные ответы. По его словам, два дня назад через аул проезжали на север семеро дидойцев. Они остановились на ночлег у некоего Муслима. Четверо всадников вчера вечером отправились вниз, в сторону переправы. Утром двое из них вернулись, дидойцы быстро собрались и уехали обратно вверх по реке. Но уряднику показалось, что один остался у Муслима.

- Что за человек этот Муслим? – спросил подполковник.
- Нехороший. В семьдесят седьмом воевал с нами, оборонял Согратль. Четыре месяца просидел в тюрьме в Шали. Видно, заплатили – выпущен по болезни. Хотя здоров, как бык. Наших, конечно, на дух не переносит.
- И много у вас таких? – полюбопытствовал Лыков.
- Да весь аул, – ответил урядник, глядя ему прямо в глаза.
- Трудно тебе здесь.
- Четыре года до отставки осталось. Даст Бог, доживу.
- Где дом Муслима?
- От джумной мечети^[70] по дороге на Хунзах четвёртый дом по левой руке. Голубые ворота.
- Ладно. Сейчас ступай к наибу, бери четырёх казаков и бегом к этому

дому. Мы будем дожидаться вас там.

Урядник убежал, а барон заставил Лыкова взять с собой фуражный аркан и быстро повёл его к главному гоекату. Встав за угол мечети, они, осторожно высовываясь, принялись наблюдать за домом с голубыми воротами.

— Кого мы высматриваем? — не удержался от вопроса Алексей.

— Ахмата, конечно. Диоц остался для связи с ним.

Сыщик с сомнением покачал головой и, словно в назидание ему, в конце пустой улицы показался Ахмат. Туземец шёл не спеша, будто прогуливаясь. Он был в полном вооружении: с саблей и кинжалом на поясе и с расчехлённой винтовкой за спиной.

— Видишь, она без чехла. Не проморгай!

Известно, что курьеры всегда прячут секретные донесения в стволе винтовки, чтобы, в случае опасности, уничтожить его выстрелом. Поэтому, когда лезгин поравнялся с засадой, Лыков сразу зашёл ему за спину. Увидев перед собой начальство отряда, проводник опешил.

— Ты что здесь делаешь, Ахмат? — строго спросил подполковник.

— Я... эта... в масджит^[71] иду!

— Покажи-ка мне свою винтовку.

— Зачем ешё? — вскричал лезгин и быстро положил руку на цевьё. Не мешкая ни секунды, Лыков сзади в пол силы ударили его по шее. Туземец рухнул на землю, но ешё в падении сынщик ловко сдёрнул с него «бердану» и перевернул её стволом вниз. Подобрал выпавший из него, свёрнутый в трубочку, лист бумаги и протянул его Таубе. Тот развернул донесение.

— Так... Написано по-арабски, карандашом и, кажется, левой рукой. Бумага обычная.

— И о чём письмишко?

— «Встречайте нас завтра после второго намаза перед Уцдал-Росо. Нападайте сзади и уходите на Хунзах. В офицеров не стрелять!»

Уцдал-Росо назывался следующий аул, находящийся на полпути к переправе через Койсу у Карадаха. Хунзах — крупнейший в округе населённый пункт, бывшая столица Аварского ханства — находился в противоположной стороне, на середине обширного плато. В нём было удобно спрятаться абрекам после нападения.

— Боюсь, по самой записке мы изменника не вычислим, — сказал барон, убирая донесение в карман. — Арабский знают и Ильин, и Даур-Гирей. Очень возможно, что и Артилевский тоже в состоянии написать такой простой текст — как-никак, двадцать лет служит в Дагестане. Нужно, чтобы заговорил курьер.

Лыков рывком поднял Ахмата, поставил на ноги и связал арканом. Таубе снял с лезгина пояс с оружием, обыскал. Они укрывались за углом мечети, никто посторонний их не видел. Подполковник приставил ко лбу изменника «смит-вессон», щёлкнул взводимым курком.

– Спрошу только один раз. Не ответишь – сразу на небо.

Ахмат презрительно сплюнул:

– Стреляй, кафир. Я с радостью перейду в Джанну.

– Ты перейдёшь в Джаханнам^[72], дурак. Ну?!

Лезгин молча закрыл глаза и ждал. Таубе вздохнул и убрал револьвер в кобуру. Тут из-за угла выскочили запыхавшиеся полицейский урядник и четыре терца.

– Остаёшься с ним! Глаз не спускать! – приказал барон казаку Богаткину. – Остальные за мной!

Шесть человек подбежали к дому Муслима. Лыков ударом ноги выбил калитку и первым ворвался на двор. Сверху грохнуло, два выстрела слились в один. Полицейский и один из казаков со стенами рухнули на землю. Русские ответили густой стрельбой, и через минуту всё было кончено. Тела Муслима и дидойца вытащили на улицу. Рядом лежал труп пятнадцатилетнего сына хозяина дома, с кинжалом в руках кинувшегося защищать отца.

Алексей подошёл к своим. Казак Ложкин получил заряд в верхнюю долю правого лёгкого – ранение опасное, но оставляющее шансы выжить. Урядник, чью фамилию сыщик не запомнил, лежал на спине. Изо рта шла кровавая пена, грудь еле вздымалась.

– Не дожил... отставки... – прошептал он и умер.

Тут от мечети раздались крики, а затем выстрелы. Лыков выскочил на улицу и чуть не угодил под удар шашки. Проводники-лезгины промчались верхами мимо него в сторону Хунзаха; на годекане лежало тело убитого казака. Это напарник Ахмата напал на караульного, освободил своего товарища и теперь они убегали. А Лыков с Таубе оставили своих коней во дворе наиба!

Алексей раздумывал недолго. По его приказу терцы вывели и оседлали двух скакунов из конюшни Муслима. Взяв казачьи винтовки, сынщик и разведчик бросились в погоню за лезгинами. Вылетев из аула, они помчались по укатанной дороге с небольшим подъёмом. Впереди, менее, чем в версте, виднелись оба изменника, нахлёстывающие своих лошадей. Вот они скрылись за гребнем и пропали из виду. Вдруг лезгины спешатся и устроят там засаду? Но раздумывать было некогда, и Лыков пришпорил коня.

Когда он выскочил на гребень, его взору открылась удивительная картина. Впереди, сколько хватало глаз, лежало огромное ровное плато. Без единого дерева и даже без куста, оно было сплошь засеяно хлебами. Несмотря на май, злаки уже хорошо принялись, и по плато словно переливались гигантские волны... Это под дуновением ветра колыхались посадки ржи, проса и ячменя. В самом центре равнины лежало озеро. Левее него широко рассыпались многочисленные постройки Хунзаха, окружённого со всех сторон более мелкими селениями. А позади этой великолепной панорамы, словно задник на огромной сцене, возвышались заснеженные вершины хребта Армута.

Но любоваться красотами пейзажа было некогда. Кони лезгин, утомлённые недавним подъёмом из Могохского ущелья, замедлили бег. Таубе и Лыков на своих свежих лошадях быстро их догоняли. Поняв, что уйти не удастся, изменники остановились, спешаились, положили коней прямо на дорогу и залегли за ними с винтовками. Раздались два выстрела, и пули просвистели низко над головами преследователей. Равнина не предоставляла никакого укрытия, нужно было тоже спешиваться.

Лыков мгновенно соскочил с коня и попытался уложить его рядом с собой, но тот не захотел слушаться чужого человека. Через секунду жеребец уже хрюпал в пыли с простреленным боком... Конь барона оказался покладистее и успел укрыться в придорожной канаве. Поправив нониус на прицельной планке, коллежский асессор взял на мушку заднюю ногу лезгинского жеребца и нажал на спуск. Тот вскочил и, хромая, отбежал в сторону. Оставшись без прикрытия, горец – это был Ахмат – пытался переползти в кювет, но не успел: следующая пуля угодила ему в грудь.

– Сдавайся, Муса! – крикнул Таубе второму изменнику. – Ты же видел, как Лыков стреляет. Ты ещё молодой – не спеши умирать!

Но лезгин ответил выстрелом. Подполковник ругнулся, прицелился – и разнёс ему голову.

– Они всё равно ничего бы не сказали, – попытался утешить его Алексей, забрасывая ненужную уже винтовку на плечо. – Так хоть двумя шпионами в партии стало меньше.

Обыск убитых ничего не дал. Русские сняли с убитых коней сёдла с седельными сумками и поехали обратно в Большой Гоцатль.

Глава 12

Рассказ Даур-Гирея

Таубе собрал офицеров в кунацкой на совещание. В горских домах, куда посторонним входить запрещено, кунацкая – самое чистое место, где могут поселиться гости. У бедных туземцев это комната со своим входом, или турлучный пристрой. У богатых – отдельное строение, иногда из двух-трёх комнат. Гоцатльский наиб был обеспеченным человеком, поэтому его кунацкая была выложена из камня, снабжена очагом и устлана дорогими коврами. Сейчас в очаге горел жаркий огонь. Офицеры расселись полукругом на маленьких деревянных скамейках и разговаривали вполголоса, чтобы не слышали посторонние.

– Что же вы, Эспер Кириллович, каких проводников-то нам подобрали? – упрекнул Артилевского подполковник.

– Виноват, Виктор Рейнгольдович; обмишурися, – вздохнул тот. – Прав капитан Ильин – этим обезьянам никому нельзя верить. А ведь уже шесть лет Ахмат и Муса сопровождают меня в поездках по всему округу! И никогда ничего дурного я в них не замечал. Однажды в долине Иланхови Ахмат вытащил меня из пропасти. Как же вы их разоблачили?

– Перед нападением на нас у переправы Ахмат тайком отлучался. Я стал следить за ним в Гоцатле, чтобы перехватить донесение, которое он явно нёс абрекам.

– И что?

– Не успел. Мы с Лыковым арестовали его, но времени на обыск у нас не было – нужно было идти на штурм дома Муслима. Ну, вы помните – пока мы брали дом, лезгины бежали. Перед тем, как погибнуть, они уничтожили письмо.

– Мы остались без проводников, – подал голос Ильин. – Пока дорога идёт вдоль реки, они нам и не нужны. Когда мы свернём с тропы и выйдем на Богосский хребет, начнутся трудности. Вы лучше других знаете те края, Эспер Кириллович. Как мы будем там передвигаться? На картах – одно большое белое пятно.

– Честно говоря, я и сам в некотором недоумении. В окрестностях горы Эдрас никто из русских не бывал. Горцы зовут её Аддала-Шухгельмеэр, и она считается у них заколдованной. Говорят, близко к вершине там находится пещера, в которой много веков живёт великан. Он

прикован цепью, а рядом лежит меч, до которого тот тщетно пытается дотянуться. Когда дьявол приступит к разрушению мира, цепь лопнет, великан схватит наконец свой меч и выйдет наружу. И начнётся конец света. Дагестанцы очень боятся горы Аддала-Шухгельмеэр и стараются обходить её стороной.

– В абадзинских землях тоже есть такая, – сказал Даур-Гирей. – Она называется Диц, и опоясана тремя рядами скал. Там также имеется пещера, в которой живёт Дашкал. Это человек, выбранный Даджжалом – Сатаной по-вашему – для разрушения мира. Дашкал тоже сидит на цепи, имея возле себя меч. Черкесы никогда не ходили на гору Диц. Проклятое место. Очень удобно для укрытия таких, каков Лемтюжников.

– Аддала идеальное убежище! – согласился войсковой старшина. – Её окрестности заключены в треугольнике между обществами: Дидо, Анцух и Ункратль. Но никто из туземцев указанных обществ не смеет ходить на эту гору. Слоны её почти безлюдны. Только богосы, ничтожное по своей численности горское общество, ухитряются как-то выживать в этом страшном месте. Поэтому среди соседей богосы слывут колдунами, и даже торговый обмен с ними ведётся в минимальных размерах – горцы сторонятся их. Когда мы придём туда и вы увидите саму гору – обомлеете! Слоны Аддалы со всех сторон покрыты вечными ледниками. Они сияют, словно корона. Гора огромна, самая большая во всей округе. Только к западу, на Главном хребте, вдоль границы с Грузией, имеются три более значительные вершины. Ледники гигантские по размерам. Большая их часть сползает в котловину Дидо, но есть и такие, которые обращены на восток.

– Как же попасть на вершину? – спросил Артилевского Лыков.

– Да никак. Это и невозможно, и не нужно. Если Лемтюжников действительно прячется в этих местах, то не на самой же вершине он разбил свой лагерь! Севернее горы через Богосский хребет ведёт перевал Арида-Меэр, а южнее – перевал Кемэ, он же Цунтинский. Мы пройдём на ту сторону хребта с севера, а вернёмся южнее. Обойдём таким образом всю гору кругом и отыщем абреков.

– Вы полагаете, Эспер Кириллович, что мы сможем обойтись без проводников? – уточнил Таубе.

– Да. С богосами можно договориться на месте, они проведут, куда надо. Золото и колдуны любят...

– Ну, попытаемся; другого выхода нет. Сегодня до конца дня отдыхаем. Нас теперь пятнадцать. Один казак убит, двое, считая изувеченного камнем, тяжело ранены. По счастью, только что из Могоха вернулся оставленный

там Фролов; отряд в сборе. Через час прошу всех собраться в форме и при орденах. Состоятся похороны Богаткина и здешнего полицейского урядника. Всем быть начеку. Жители аула озлоблены на нас за убийство Муслима и его сына; возможно нападение. Завтра подымаемся в четыре часа утра и тихо уходим. Я велю сейчас наибу выставить вокруг дома свои караулы, а завтра лично сопровождать нас до переправы. Пока живём, как в осаде. За пределы двора не выходить! Лыков, предупреди казаков о бдительности.

Через четверть часа Таубе отозвал Алексея на дальний конец обширного двора и сказал:

– Я воспользовался случаем и обыскал вещи офицеров в кунацкой.

– Что нашёл?

– Записку в сумке Ильина. Тоже на арабском. В ней сказано: «Посыльный ждёт в доме Муслима».

Лыков подумал, потом спросил:

– Почему капитан не уничтожил такую улику?

– Потому, что он её туда не клал. Настоящий изменник хочет, чтобы мы подумали на капитана.

– Или изменник действительно Ильин, и тогда он подбросил записку сам себе, рассчитывая, что мы ей не поверим.

– Возможно и такое, – согласился барон. – Тогда находка ничего нам не добавляет.

До вечера всё было спокойно. Партия в полном составе прибыла на кладбище, где состоялись похороны русских. По соседству аварцы рыли пять могли для своих и громко бралились... Внимание Лыкова привлекли огромные каменные плиты, на которых были высечены человеческие головы, кинжалы и ружья. За плитами стояли вкопанные в землю высокие шесты с повязанными наверху красными и белыми тряпками. Это были могилы джигитов, павших в Кавказской войне. Головы и кинжалы указывали, сколько они убили урусов и захватили оружия. Двадцать лет, как закончилась эта полуторовая резня, а следы её ещё повсюду живы в Дагестане. Лыков ехал с кладбища по узким улицам аула и ловил на себе взгляды горцев, полные ненависти. Есть ли у них, русских, настоящая власть в этой стране? Или только видимость власти?

Вечером, когда офицеры сидели во дворе под навесом и курили трубки, Таубе неожиданно спросил у ротмистра:

– Иса Бечирович, а расскажите про свой род. Даур-Гиреи ведь относятся к абадзехской аристократии?

– Относились, – грусно поправил тот. – Я последний оставшийся в

живых Даур-Гирей. И плохо помню историю рода – слишком маленький был. Но тётка успела кое-что рассказать. Действительно, наш род относится к тлекотлешам. Это высшее дворянское сословие у адыгов, которое подчинялось только князьям пши. Даур-Гиреи имели землю по берегам реки Пшахи, семь аулов во владении, много вассалов и унаутов, то есть, рабов. Тётка вспоминала, что на день рождения отца приходили сорок беслан-ворков – средних дворян, и более двухсот ворк-шаутлугусов – мелких дворян. Но это были уже только отголоски прошлого. К началу века адыги разделились на две больших группы – признающие аристократию общества, и демократические. Абадзехи, вместе с шапсугами и нахтухайцами, отнеслись ко второй группе. Знать лишилась всех привилегий, у нас отобрали вассалов и большую часть земель. Общества управлялись выборными старшинами, а на сходах всё решали свободные крестьяне-тфокотли. А в России тогда ещё было крепостное право. Это к вопросу о дарах цивилизации...

В Кавказской войне абадзехи, как и все закубанские черкесы, участвовали в полсилы...

– Ничего себе в полсилы! – возмутился давно уже ёрзающий на скамейке Ильин. – Просто у вас, в отличие от Чечни с Дагестаном, не нашлось такого вождя, как Шамиль! Поэтому черкесы и дрались по принципу «каждый сам за себя». Но дрались, и кровь русскую лили всерьёз, а не в полсилы...

– Ну, насчёт крови вам, капитан, лучше бы было помолчать! – рассердился Даур-Гирей. – Не мы к вам, а вы к нам пришли войной!

– Вот! – вскочил Ильин, обращаясь к подполковнику. – Это то, о чём я предупреждал! И носит при том погоны...

– Сядьте, Андрей Анатольевич, – хладнокровно осадил его барон. – Никакой неправды я пока не услышал. Русские, действительно, пришли сюда, как завоеватели. Мы несли просвещение, цивилизацию, новые прогрессивные законы. И, одновременно, кровь и страдания для горцев, не желавших менять привычный уклад жизни.

– Надо было подчиниться российской короне, и тогда не было бы крови и страданий. Вспомните, какой образ жизни вели эти горские народы! Постоянные грабежи и набеги на наши станицы и даже города. Похищения скота и людей не считались разбоем, а имели вид подвига и молодчества. Работторговля в Турцию. Жуткие нормы шариата. Бесправное положение женщин. Десять тысяч наших пленных, которых содержали хуже собак. Кровная месть, междуусобица, постоянная резня друг с другом и с соседями. Это называется «привычный уклад»?

– Ни один народ, обладающий чувством собственного достоинства, не согласится добровольно подчиниться враждебной силе. А в кавказских народах этого достоинства больше, кем у кого-либо ещё. Способы колонизации, на мой личный взгляд, конечно, должны были бы быть другими... Но, Иса Бечирович, нас отвлекли от вашего рассказа; вернитесь к нему, пожалуйста.

Ротмистр не спеша раскурил новую трубку, затянулся и продолжил.

– Так или иначе, но все черкесские народы вели войну с русскими разрозненно. Когда бились шапсуги, абадзеши и убыхи не помогали им, а воровали под шумок скот. Что было, то было. Потом беда приходила к абадзехам, и ситуацией пользовались уже шапсуги. Черкесы просили у Шамиля прислать им векиля^[73]. Тот назначил Магомет-Амина. Молодой и деятельный, Магомет пытался создать из западных племён что-то похожее на восточный Имамат, но у него не получилось. И когда в 1859 году пал Гуниб и Шамиль отправился в Калугу, пришла очередь черкесов.

Даур-Гирей снова затянулся, сурово поглядел на своего оппонента, но Ильин молчал.

– Мы жили тогда на своих родовых землях по Пшахе, на северном склоне Главного хребта. Отец был храбрый человек и обладал военным талантом. Магомет-Амин назначил его начальником одного из четырёх мехкеме^[74], на которые была разделена Абадзехия. Но после пленения Шамиля Магомет сдался русским властям и прекратил борьбу. В 1861 году в долине Сочи был учреждён Меджлис – верховный орган власти всех черкесских племён. Отца избрали его членом. Меджлис обратился к российскому императору с просьбой не строить на черкесских землях дорог и крепостей, не вводить войска и дать племенам политическую самостоятельность. Были направлены письма в Лондон и Константинополь с просьбой об официальном дипломатическом признании союза адыгских племён. И Россия, и Европа с Турцией проигнорировали эти обращения... Александр Второй собрался закончить многолетнюю войну. Ему оставалось только раздавить Закубанскую Черкесию.

Не знаю, чем руководствовался истинный завоеватель Кавказа граф Евдокимов. Для меня это всегда представляло загадку. Но вышло так, что, благодаря его стратегии, все черкесские народы покинули Кавказ. Те, кто выжил, поселились в Турции. Вот, посмотрите вокруг. Здесь, в Дагестане, мы видим всюду мирную жизнь. Люди покорились, и их не тронули, оставили на родных местах, у родных могил. Почему нельзя было так же поступить с черкесами? Неужели они хуже, опаснее, бесчестнее чеченцев?

Я думаю, все согласятся, что абадзехи во всех отношениях лучше и порядочнее. За что же их тогда изгнали? А кто не уехал – того истребили... Если сейчас пройти по северо-западным склонам Главного хребта, повсюду открываются развалины селений и заросшие бурьяном поля. Целый народ ушёл в небытие... Если и отыщется где жизнь, то это окажутся русские переселенцы. Уже более двадцати лет наши горы пусты; люди их покинули.

В 1861 году мне было четыре года, но я всё отчётливо помню. Отец часто уезжал, появлялся ночами, не надолго, и мать всё время плакала. Потом нам сказали, что надо уходить к морю. Старики, женщины и дети двинулись через перевалы. Мужчин было мало: они или погибли, или сдерживали колонны Евдокимова. Как сейчас вижу: меня везут на осле, дедушка идёт впереди, ведёт осла в поводу. Ужасная дорога – сначала каменные осыпи, потом тропа по пояс в снегу. Всюду лежат мёртвые... Подыматься всё труднее. Наконец и осёл уже не мог идти. Дедушка посадил меня к себе на закорки и полез вверх. Казалось, конца этому не будет. Старик хрюпал и всё чаще останавливался передохнуть. Вдруг я увидел море. Всё в солнечных блёстках, в полнеба, без конца и без края. И кое-где белые пятнышки – это были паруса турецких фелюг. А далеко внизу берег, и на нём, словно насекомые, огромная шевелящаяся человеческая масса... Дедушка перетащил меня через перевал, посадил на камень и ушёл обратно. Вскоре он привёл мать и тёtkу, и снова ушёл, за бабушкой. Больше мы его не видели... Просидели на камне два дня, но стало холодно и кончились припасы. Мы всё надеялись и боялись отойти. Мать хотела отправиться назад, за перевал, на поиски деда, но тёtkа её не отпустила. Сказала, что сейчас главное – спаси меня.

– И вам никто не помог? – спросил подавленный Лыков.

– Там никто никому не помогал. Сил уже не хватало даже на самого себя. Весь путь к морю был усеян телами, они словно указывали дорогу к берегу. Тёtkа наклонялась и осматривала трупы, нет ли на них какой еды. И нашла немного ячменя... Мы жевали его на ходу. Потом оказались на берегу. Там была давка, горели костры и всюду толкались толпы голодных озлобленных людей. Очень много людей, по обе стороны, сколько видит глаз. И ещё собаки. Тысячи собак, которые пришли с той стороны хребта следом за своими хозяевами. Когда хозяева умирали или, что реже, упливали, собаки становились дикими. Они сбивались в огромные стаи и скитались по берегу. На людей собаки не нападали, поскольку были обеспечены едой вдоволь – они ели трупы. Тела лежали повсюду, никто их не погребал, и псы обжирались досыта...

– Но почему люди так умирали? – спросил Лыков. – Лес есть, море

есть. Лови рыбу, жги костёр и жди корабля...

— Был март месяц. Пустые голые леса, холодное море, ночью заморозки и почти нет мужчин. Умирали от голода и холода, ведь не перенесёшь же через Главный хребет много провизии... Достигали берега уже обессиленные люди, с пустыми руками. Скот весь остался на той стороне, он не смог перейти по заваленным снегом перевалам. Но больше всего умирали от болезней. Их было две – дизентерия и тиф. Ослабевшие люди уже не могли им сопротивляться.

Нам сначала повезло. Найдённый тёткой ячмень сделал так, что нас приняли в небольшое сообщество. Пятнадцать женщин и детей, и один мужчина. Он ходил в лес и заготавливал дрова для костра. И ещё у них была большая медная кастрюля. В ней отваривали воду, поэтому среди нас не было дизентерии. Ещё готовили просо и ячмень. Так мы прожили четыре дня. Потом пришла фелюга, и мужчина с семьёй уплыли. Но они оставили нам кастрюлю, и мы ещё какое-то время кормились. Помню, этот добрый человек перед отплытием ушёл в горы и принёс нам дров, чтобы хватило на пару дней. Я сидел на поленьях и караулил их... Потом кончились все припасы и все дрова. Мы не могли добыть себе топлива, а хворост на много вёрст вокруг был уже давно сожжён. И тут появился отец. Какое было счастье! Он прошёл по берегу от Вельяминовского до Сочи и всюду искал нас. И нашёл! Мы все плакали от счастья. Но отец оказался ранен в правую руку. Он потерял много крови и очень ослаб. И всё-таки мы были вместе. Отец принялся выяснять насчёт кораблей. Они появлялись, один-два за день, и постепенно увозили людей с этого страшного берега. Но судов не хватало, нужно было ждать своей очереди. Некоторые ждали её уже второй месяц, медленно умирая. Однако среди нас теперь оказался взрослый мужчина, который мог разговаривать с капитаном. И вот, когда подплыла очередная кочерма^[75], мы все пошли к ней... У отца имелось четыреста рублей золотыми монетами, этого было более, чем достаточно на оплату переезда и на жизнь в Анатолии в первое время. Отец и мать строили планы. Мы уже поднялись по сходне, не веря собственному счастью... Сейчас уплыvём отсюда! Но вдруг отец стал кричать на капитана. Он приказал матери и тётке бежать скорее обратно на берег. Мать схватила меня в охапку и кинулась назад. Оказалось, что отец узнал капитана кочермы. Он видел его вчера возле Вельяминовского. Там капитан набрал полное судно мухаджиров^[76] и отчалил с ними в Анатолию. А сегодня он оказался в двадцати верстах южнее, и без пассажиров! А до Анатолии три дня пути.

– Он пересадил людей на большой пароход? – спросил Таубе. – И вернулся за новой партией?

Даур-Гирей некоторое время молча смотрел на барона, потом сказал:

– Да-а-а... Вы действительно не понимаете, или смеётесь? Такими вещами ведь не шутят.

– Не может быть...

– Увы. Может. Турук-капитан брал пассажиров и отплывал с ними от берега. В море команда грабила людей и бросала за борт. А утром они опять причаливали, но уже в другом месте, чтобы не быть узнанными. Брали новую добычу, и всё повторялось. Если бы отец не шёл по побережью и случайно не запомнил капитана и его корабль, мы сели бы на эту кочерму и все бы погибли там. А так погиб один отец...

– Он не успел убежать? – спросил Лыков взволнованно.

– Да. Капитан и команда очень разозлились на него за то, что отец обнаружил их секрет. И рассказал о нём людям вокруг. Кто успел уже сесть, спрыгнули обратно на берег. А турки застрелили отца из ружья и уплыли. Наверняка отмеряли ещё десять-пятнадцать вёрст и причалили, чтобы взять новую партию жертв. А мы снова остались одни... Через день мать заболела. Думаю, что от потрясения, когда на глазах у неё убили мужа. И очень быстро умерла. Ещё какое-то время мы просидели вдвоём с тёtkой около тел моих родителей. У нас уже не было ни огня, ни еды. Люди вокруг постепенно все пропали: кто не умер, тот уплыл. Огромная стая собак столпилась вокруг нас и караулила каждое наше движение. Не понимаю, почему они не разорвали нас на части... А потом появились русские. Это был Даховский отряд полковника Геймана. Он шёл вдоль южного склона Водораздельного хребта и сгонял оттуда к побережью последние группы черкесов. Гейман известен своей жестокостью, но его офицеры были добрые люди. Так я спасся.

Под навесом повисла тягостная тишина. Капитан Ильин за спиной Даур-Гирея делал барону красноречивые знаки: «я же говорил!». Таубе поднялся хмурый, выбил трубку об каблук и убрал в карман мундира. Потом сказал, глядя ротмистру в глаза:

– Иса Бечирович! Мы, русские, много перед вами виноваты. И перед вашим народом. Я не знаю, что сказать в оправдание случившегося. Могу только высказать глубокое личное сожаление, которое, конечно, ничего уже не изменит...

– Я смотрел отчёты в штабе округа. Точных цифры погибших не знает никто. Но на прикубанские равнины переселилось только сто тысяч человек. Ещё пятьсот тысяч выехали в Турцию. А всех черкесов до

изгнания насчитывали до миллиона... Вот и считайте! Причём, многие из тех, кто доплыл до османских земель, умерли там. Мухаджиры привезли с собой эпидемию, которая косила их уже после, казалось бы, спасения. Сейчас оставшиеся в живых черкесы рассеяны на пространстве от Боснии до Месопотамии. У них не осталось родины. И будущего тоже...

Даур-Гирей отвернулся и стал чистить свою трубку.

– Господа офицеры! – скомандовал подполковник. – Всем спать!
Завтра ранний подъём.

Глава 13

Пуля

К обеду следующего дня отряд подполковника Таубе спустился к реке и опять перешёл Койсу, на этот раз по подвесному мосту. Ущелье здесь сужалось до двадцати пяти саженей. На дне теснине, где-то далеко внизу, бурлил и ревел неукротимый поток. Аварские мосты строятся без перил и такой ширины, чтобы едва могла проехать повозка. Настил под копытами лошадей качается и ходит ходуном. Некоторые доски выломаны, и сквозь дыры видно облако водяной пыли, постоянно висящее в расщелине. Жуть...

Оказавшись снова на правом берегу, Таубе отпустил наиба Большого Гоцатля. Весь спуск стариk прошёл в середине колонны, а два его сына образовали: один – авангард, а другой – арьергард отряда. Возможно, благодаря именно этой предосторожности переход закончился без приключений.

Напротив моста расположился значительный аул Карадах, в котором Таубе назначил полуденный отдых. В селении оказался даже этапный двор с крепким каменным зданием для конвойных команд. Там и остановилась партия. После незамысловатого, но плотного обеда Ильин заявил, что у него имеется в Карадаhe агент, и он отправляется к нему за сведениями.

– Не боитесь выдать агента? – спросил барон. – Только пришли в аул, и сразу туда. В горах повсюду глаза и уши...

Капитан усмехнулся:

– Не вчера же я начал заниматься разведкой, Виктор Рейнгольдович! Агент мой – торговец москательным товаром. К тому же хемшин^[77]. Лавка стоит на лучшем месте, посетители обычны...

И ушёл, насвистывая. Следом также удалился Артилевский. Заявил, что съездит в Гуниб в гости к вдове старого товарища по полку. Да ещё похабно подмигнул при этом. Начернил усы – они у него оказались, как слезла краска, совсем седые – и ускакал.

Лыков решил воспользоваться их уходом и спросил Даур-Гирея:

– Иса Бечирович, что вы думаете насчёт денег Артилевского? Конь, оружие, привычки – откуда всё это?

Ротмистр выпятил грудь, как Скалозуб, и ответил с презрением:

– Вы, господин коллежский асессор, привыкли там у себя в

Департаменте полиции, ко всякой сволочи... А тут офицеры. Тут доносчиков нет.

Лыков разозлился, хотел ответить соответственно, но его опередил Таубе. Он подошёл, сказал:

– Дай-ка мне то, что лежит у тебя в левом внутреннем кармане.

Лыков, досадуя, протянул барону крохотный свёрток. Тот развернул тряпицу, вынул солдатский Георгий четвёртой степени и показал его абадзеху:

– У вас такой есть?

– Нет, – ответил тот смузённо.

– Возможно, что и не будет никогда.^[78] А у Лыкова имеется. Он с восемнадцати лет под пулями, семь раз ранен. И вы собираетесь учить Алексея Николаевича понятиям чести?

– Виноват, – ответил Даур-Гирей. – Но этот вопрос...

– Правильный вопрос. Не находите? Как только мы свернём со столбовой дороги и подымемся на Богословский хребет, всё станет иметь значение. Тем более, такая важная вещь, как происхождение капиталов нашего войскового старшины. Итак, какого вы о нём мнения?

Ротмистр смутился.

– Ну... насчёт денег всё просто. Эспер Кириллович покровительствует контрабанде.

– Контрабанде? – хором спросили сыщик и разведчик.

– Да. Это никакой не секрет. Через Гунибский округ идут из Турции и Персии большие партии специй. Корица, шафран... Товар дорогой. С учётом пошлин он делается для населения Европейской части России почти недоступным. Артилевский организовал по всему округу систему его доставки и сопровождения. Охрана, складирование и даже фасовка. В Темир-Хан-Шуре он передаёт доставленный груз армянам, и те уже везут его дальше.

– А... почему вы не сообщили мне это ранее?

– Здесь это обычное явление. Кавказ – все чем-нибудь промышляют, от начальника области до урядника. А вы люди столичные, специфики не знаете...

– Понятно. Делаю вам замечание, ротмистр. Игры в индейцев скоро закончатся. О людях, с которыми бок о бок идёшь на Лемтюжникова, нужно знать подобные вещи заранее. Артилевский – какого вы вообще о нём мнения?

– На Кавказе о таких говорят: «он ведь турецкого Генерального штаба». Или ещё: «кончал Моздокский университет». Другими словами,

Эспер Кириллович учился в поле. В первый офицерский чин был произведён из юнкеров за храбрость. В России оставался бы вечным капитаном. А здесь, на безлюдье, вышел в штаб-офицеры. Ума невеликого, но практического. В общении лично мне он неприятен, но это ещё ни о чём плохом не говорит.

– А Ильин? Этот чем промышляет?

– Капитан Ильин служит честно. Уличить его совершенно не в чем.

На этом деликатный разговор закончился, и ротмистр тоже отправился пройтись по аулу. Алексей же сказал барону:

– Помнишь, что было в той записке? «В офицеров не стрелять». А в форме ходите вы трое: ты, Ильин и Артилевский. Мы с Дауром носим горский костюм. Это значит, что ротмистр освобождается от подозрений.

– Ты ему просто симпатизируешь.

– Но ведь фраза из записи – это факт!

– Нет, не факт. Скажи, какой шнур к револьверу носит Даур-Гирей?

– Уставной, трёхцветный.

– Правильно. Офицерский. Жёлто-бело-чёрный. А ты какой?

– Чёрный, фельдфебельский. Он прочнее.

– А теперь согласись, что горцы всегда очень внимательны к мелочам. И яркий трёхцветный офицерский шнур увидят издали.

– Ты прав, – погрустнел Лыков. – Жаль; по-моему, он славный парень.

Значит, под подозрением по-прежнему все трое.

– Да. И пока они отсутствуют, подумаем вот о чём. Сейчас тот из них, кто изменник, передаёт сообщение людям Малдая. Полагаю, что на дороге к Голотлю нас опять будет поджидать засада. Попытаемся догадаться, где это должно случиться.

Барон развернул подробную военную карту Дагестана – три версты в дюйме.

– Посмотри вот сюда. На восьмой версте от Карадаха прямо над дорогой низко нависает утёс. За ним, на небольшом плато, стоит маленький аул Ганода. Он соединён тропой с крупным селением Телетль, которое, в свою очередь, имеет быстрый выход к переправе через Койсу у Голотля. То есть, напав на нас здесь, абреки при любом раскладе смогут быстро убраться за Койсу. И таким путём, которым мы не сможем их преследовать. Поскольку они будут над нами, сверху. Согласен?

Лыков внимательно рассмотрел карту и ответил:

– Ты прав. Дорога по правому берегу Койсу тянется на двадцать семь вёрст. И на всём протяжении не имеет второго такого удобного места для засады, как это. Поехали.

– Хочешь осмотреть заранее?

– Конечно. Пока никого нет. А чтобы наша вылазка осталась в тайне, возьмём казачьих коней.

Лыков и Таубе на чужих скакунах махнули по дороге на Голотль. Хорошо разработанное шоссе позволяло ехать быстро. Уже через полчаса питерцы оказались под утёсом.

– Идеальное место для засады! Спрятаться негде. Справа пропасть, слева скала; нас перебьют, как мух.

– Вернёмся теперь назад, вон к тому повороту.

Не доезжая двести саженей до утёса, дорога делала изгиб. За этим изгибом можно было укрыть отряд. И здесь же скала слоилась такими удобными уступами, что по ним, как по лестнице, можно было легко подняться на плато. И оказаться на одном уровне с вражескими стрелками.

– Смотри, – показал Лыков, когда они взошли на плато. – Вон там тропа к аулу Ганода спускается в лощину. Именно в ней abreki спрячут лошадей – их ниоткуда не будет видно. Если мы подкрадёмся и перекроем эту тропу – не уйдёт никто.

– Как полагаешь, они оставят коновода?

– Нет. А зачем? Стrenоженные кони никуда не денутся. А их всего пятеро, каждая винтовка на счету. Все засядут на утёсе...

Лыков с Таубе рысью спустились обратно на дорогу, вернулись в аул, и вовремя. Через полчаса, один за другим, все трое офицеров вернулись на этапный двор.

– Что агент? – спросил барон у Ильина. – Не видел он недавно проезжающих дидойцев?

– Говорит, что нет.

– Тем лучше. Через полчаса выступаем. Дорога, будто бы, хорошая; темнеет поздно. Успеем засветло добраться до Голотля.

В назначенное время эшелон выступил в путь. Разведчик и сыщик возглавляли движение. У знакомого изгиба подполковник остановил людей и спрыгнул с седла.

– Всем оставаться здесь до особой команды. Мы с Лыковым идём наверх, на плато. Есть подозрение, что впереди нас ждёт засада.

Алексей при этих словах внимательно всматривался в лица офицеров, но предполагаемый изменник ничем не выдал себя.

– Вас двоих мало, – заявил Ильин. – Я пойду с вами.

– А я осторожно выдвинусь вперёд и попытаюсь заставить их выдать себя, – подхватил Даур-Гирей.

Только Артилевский безучастно покусывал ус и не выражал желания

ле兹ть под пули.

– Отставить! Главным в своё отсутствие назначаю войскового старшину Артилевского. Если начнётся стрельба, выдвигаться по дороге пешими иrossыпью. Скорее всего, противник будет на утёсе, в двухстах саженях впереди. Стрелять пачками. Главное вам не попасть, а прикрыть огнём нас.

Таубе отстегнул шашку, вынул из чехла и закинул на плечо винтовку, кивнул Лыкову:

– Пошли.

Они ловко взобрались на плато, не видимые с дороги. Сняв папаху, Алексей осторожно высунулся.

– Явились, не запылились! Один... два... все пятеро.

– Теперь давай разделимся, – приказал Таубе. – Я начну сближаться прямо, а ты возьми левее. Подберись поближе к тропе. Как я начну, они кинутся к лошадям; тут их и вали.

Они разошлись и сразу исчезли в камнях, будто их и не было. Лыков быстро и бесшумно крался неглубокой расщелиной, которая выводила его прямо к тропе. Внезапно боковым зрением он увидел, как сбоку качнулась тень. Крутнувшись за долю секунды, сыщик нажал на спуск. Два выстрела грохнули одновременно. Сверху, ногами вперёд, словно на невидимых салазках, съехал абрек в синем бешмете; бешмет дымился на груди. Сильный удар пришёлся Алексею в правую руку, чуть выше локтя. От боли он выронил «бердану», но тут же подхватил её, перезарядил левой рукой, прислушался. Правее заговорил «винчестер» Таубе. Лыков высунулся из своего укрытия и тут же опять присел. Прямо на него бежали два бородача, чиркая саблями по камням. Коллежский асессор осторожно пошевелил пальцами простреленной руки – слышатся. Кровь выливалась из раны ритмичными толчками, натекая в рукав. Пуля очевидно попала в мякоть, кость не задета, значит, всё в порядке...

Шаги быстро приближались. Когда они были уже совсем рядом, Алексей распрямился над гребнем расщелины и выстрелил в правого противника. Тут же нырнул – пуля второго чиркнула над головой – и мгновенно переместился влево, одновременно перезаряжаясь. Повисла тишина, только справа невдалеке заливался «винчестер» в споре с двумя разбойниччьими «берданами».

Сверху послышался тихий шорох. Лыков сжался за камнем. На расстоянии вытянутой руки от него в расщелину соскользнул абрек. Вытянув шею, он всматривался туда, где только что был сыщик. Вдруг, видимо, учуяв запах пороха сзади, горец начал разворачиваться. Но не

успел – Лыков приставил ему ствол к лопаткам и выстрелил. Человека отбросило вперёд и с силой ударило о камни. Всё...

Сыщик снова выглянул и застал заключительную фазу боя. Два тела распластались на утёсе. Последний оставшийся в живых горец пятился спиной вперёд, выщеливая Таубе, но того нигде не было видно. Тут снизу, с дороги, грохнул залп, и горец с криком полетел со скалы. Сразу же в пятидесяти саженях от Лыкова высунулась из камней голова барона.

– Лёш, ты как там?

– Их оказалось шестеро.

– Не шевелись; бегу!

Но Лыков его не послушал. Пока ещё силы не оставили его, сыщик сбросил черкеску и бешмет, стянул через голову рубаху. Кровь не унималась. Он ощупал руку и обнаружил, что пуля не вылетела насквозь, а застряла у него под кожей. Подбежал Таубе:

– Что кость?

– Цела. Ерунда. Протри спиртом шомпол и дай мне.

Барон, не спрашивая, для чего, отвинтил горлышко баклаги, обмакнул туда конец шомполя и протянул раненому.

– У нас там во выюке батальонный хирургический набор.

– Не надо, я сам.

Ещё раздались торопливые шаги, и в щель скатился запыхавшийся Даур-Гирей.

– Кость цела?

– Цела. Слабонервных просят покинуть цирк...

Алексей осторожно, как зондом, прощупал шомполом канал, обнаружил пулю и нажал. Прорвав кожу, кусок свинца вывалился наружу. Подполковник и ротмистр что-то одобрительно промычали... Лыков продолжал ковыряться в ране, сдерживая стон. Вскоре он вытолкал, следом за пулей, и два обрывка ткани от бешмета.

– Очень хорошо, – констатировал Даур-Гирей. – Теперь мой черёд.

Он снял с пояса кожаную сумку, вынул оттуда конверт и высыпал из него на ладонь какую-то бурую массу.

– Что это? – спросил Таубе.

– Горский кровостанавливающий порошок, – пояснил Лыков, подставляя руку. – Смесь из чернильных орешков, сосновой смолы, грушевой муки и высущенной человеческой крови. Очень действенное средство.

– Сразу видно бывалого человека, – пробормотал ротмистр, втирая порошок в оба отверстия раны. Затем извлёк из той же сумки ломоть

курдючного сала, отрезал от него два кусочка и закрыл ими пулевой канал с двух сторон. Всё это замотал сверху чистой материей.

– Удачное попадание; заживёт довольно быстро. Можно спускаться.

Лыков подхватил с камня бешмет, кое-как влез в него. Даур-Гирей накинул сверху черкеску. Таубе нагнулся, подобрал с земли пулю и сунул её Лыкову в кармашек газырей.

– Пуля с Кавказа. Сбереги на память.

Тут появился Ильин. Увидев перевязанную руку Алексея, спросил:

– Кость цела?

– Всё обошлось, – ответил за Лыкова барон. – Андрей Анатольевич, помогите Алексею Николаевичу спуститься на дорогу. У него сейчас начнёт кружиться голова от кровопотери. И пришлите мне сюда четырёх казаков. Нужно разобраться, откуда взялся шестой абрек. Если он из Карадаха, то мы можем обнаружить здешнюю явочную квартиру Лемтюжникова.

Глава 14

На правом берегу Койсу

Отряд вернулся в Карадах и снова разместился на этапном дворе. Пока доехали до аула, Лыкова уже разобрало. Кое-как он слез со своего абазинца, дошёл до постели и лёг.

- Надо всё же показать его табибу^[79], – сказал Даур-Гирей барону.
- Пусть сначала просто отлежится. А вечером покажем, – решил подполковник. – Сию минуту для него лучше всего покой.

Абадзех согласно кивнул, вышел и вернулся через четверть часа с кувшином. В кувшине оказался каймак – сливки из топлёного молока, излюбленный горский деликатес. Алексей отпил изрядно этого вкусного и питательного варева, и задремал. Сквозь сон он слышал, как Таубе посыпал казака в Гуниб за исправником.

К вечеру, отлежавшись, Лыков с аппетитом навернул «тужурки» (так, почему-то, кавказские военные называют мясные битки) с чалыком^[80]. Потом вышел к воротам, уселся там на скамье и долго любовался на закатные горы.

Прямо перед ним вытянулась справа налево огромная глыба Телетля. Своей правильной прямоугольной формой, с ровной плоской вершиной, гора напоминала чемодан, и так и прозвывалась русскими издавна. За Чемодан-горою вдалеке маячил своеобразный конус Гуниба, со складкой-ложбиной на вершине, словно на шапке-пирожке. Позади Телетля виднелись заснеженные вершины хребта Нукатль. Косые лучи заходящего солнца окрашивали весь этот чудесный пейзаж в мягкий розовый цвет. Молочно-белые облака застыли на бирюзовом небе, как огромные парусные фрегаты. Умиротворённый и расслабленный, Лыков наслаждался картиной. Вареньку бы сейчас сюда, подумал он – вот бы ахнула... Тут скрипнула калитка, и вместо Вареньки появился войсковой старшина Артилевский. Глянул на пейзаж, на лицо сыщика, как-то по-доброму хмыкнул и уселся рядом.

- Действительно, красиво... Двадцать лет уже любуюсь, и не надоедает. Это вам, молодой человек, не петербургское болото!
- Вы правы. Иной раз я вам завидую, Эспер Кириллович. Служить в эдаких местах...
- Да. Вон, видите, Телетль. Сама гора совершенно безлюдная, а внизу,

у подошвы, располагается одноимённый аул. Когда в пятьдесят девятом я пришёл сюда с отрядом генерала Ракусы, именно нам сдался владетель Телетля, знаменитый Кибит-Магома.

– Я слышал это имя. Он ведь был наиб Шамиля?

– Любимый наиб! Попортил нам много крови. А вот, гляди, тоже предал своего хозяина, когда под тем всё зашаталось. Князь Барятинский говорил: «Шамиль ездит с палачом, а я с казначеем». Да... И в итоге мы переправились через Аварское Койсу без единого выстрела. Вот что делает золото! После этого Шамилю уже было не удержаться...

– Так вы и Гуниб, получается, штурмовали?

– А как же! Я там первый раз ранен был, и сам Барятинский произвёл меня из юнкеров в прапорщики.

– Здорово! – искренне восхитился Лыков. – Сколько же вам тогда было лет?

– Восемнадцать. И с этим вашим Лемтюжниковым, кстати, у меня свои счёты. Ранил-то меня на горе русский артиллерист-дезертир. Из его гвардии.

– Расскажите поподробнее.

– А чего рассказывать? Гуниб, ежели вы желаете знать, очень большая гора. Пятьдесят вёрст в окружности! Даже отсюда видать, какова его вершина – целый город может поместиться. А дорога снизу всего одна. Шамиль перегородил её каменной стеной и поставил единственное, оставшееся у него, орудие. Прислуга наполовину состояла из русских дезертиров. Вот и представьте себе картину: узкая крутая тропа, поперёк – высокая стена, а за ней четыреста отчаянных мюридов и заряженная картечью пушка... Страшно даже подступить! Но надо. Наш славный Ширванский полк ударил, не долго думая, в штыки. Помню, я бежал в первых рядах, и из нашего взвода тут же полегла половина. Я выдержал два выстрела картечью. Бегу, голова кругом. Восемнадцать лет! Жить-то как охота! Товарищи вокруг меня падают, свинец, кажется, чиркает прямо по волосам. Жуть! Но бегу. Поручика ранило, унтер-офицеров обоих убило, а я всё на ногах. Стена уж близко. Из-за неё такие рожи осатанелые выглядывают... Ничего не соображаю; понимаю лишь, что нужно добежать до стены, и этот ужас закончится. И тут – третий залп картечью, почти в упор. Меня ударяет в плечо, я падаю, тут же поднимаюсь и падаю снова. Левая рука висит, как плеть. Но мимо бегут ширванцы. Гляжу, а уж на стене идёт штыковой бой. Откуда только силы взялись! Бросил я ружьё – одной рукой его не удержать, выхватил револьвер (он полагался портупей-юнкерам), и туда. Эдакая злоба на мюридов взяла – готов был, кажется,

грызть их зубами!

– И что? Достался вам кто-нибудь?

– Один достался! Когда вбежал я на стену, там всех уж перебили. Солдаты подымались вверх по ручью и кололи подряд. Резня была жуткая. Я вошёл в ручей, а он полон кровью... Говорят иногда, что Гуниб взяли малою потерей. Это справедливо для тех отрядов, которые поднялись на вершину с тылу, по тайной тропе. Мы, ширванцы, брали аул в лоб, и нам досталось крепко...

Так вот. Я перешёл ручей и заскочил в берёзовую рощу. Там, на вершине, была даже берёзовая роща, что большая редкость на Кавказе... Встал, смотрю и ничего не вижу. Только треск стоит вокруг, звенят шашки и штыки, грохают выстрелы, люди стонут. А самого боя не разглядеть. Вдруг рёв чисто звериный, и на меня набрасывается из куста огромный мюрид. Борода красная, крашеная хной, видом страшный-страшный! Сабля у него в руке, а по клинку её стекает кровь. Такая алая... Я, не целясь, и выстрелил. В упор. Куда попал, не понял сначала. Только мюрид рухнул тут же мне под ноги. Ткнулся папахом в сапоги, будто хочет их облизать. И рука с шашкой медленно так отводится назад для удара... Я ему сверху в левую лопатку – знаете, как кабанов бьют? – и добавил. И рука остановилась. Подбежал тут солдатик, Никодимов фамилия, перевернул это чудище, снял с него отделанный серебром кинжал, молча протянул мне и умчался дальше, к аулу. А я почувствовал, как силы меня покидают. Убрал револьвер, взял кинжал в здоровую руку и пошёл обратно к стене. Вот он.

Артилевский отстегнул оружие с пояса и протянул его Лыкову.

– Оказался настоящий «базалай». С тех пор с ним и не расстаюсь.

Да, подумал Алексей, вот и происхождение выяснилось; а я потом опился плохо подумать...

– Дорогая вещь, – сказал он, возвращая кинжал войсковому старшине.

– Дорога память. Память о том времени, когда ты был молод... Так вот, об артиллеристах. Вернулся я к горской позиции и вижу: два десятка солдат, из которых большинство, как и я, ранены, пинают возле пушки человека. А тот катается по земле и бранится. По-русски. Оказалось, артиллерист, наш дезертир. До последнего стрелял, не убегал, сволочь! Солдаты, понятное дело, разъярились. Войне конец, а этот... Ну, и зажгли его.

– Зажгли?

– Да. Ещё живого. Подпалил на нём одежду. Он вскочил, бегает, а они встали кольцом и из круга его не выпускают, толкают вовнутрь. Дезертир кричит, мечется, а мои ширванцы только прикладами его угощают...

– Пощады не просил?

– Потом уже, перед тем, как помирать. Сказал: братцы, добейте, мочи нет терпеть.

– А солдаты?

– Смеются. Говорят: привыкай, собака, тебе теперь в геенне каждый день эдак-то будет. Минут двадцать он горел, и сознание не терял, пока не кончился. Вот, Алексей Николаевич, так я ознакомился с людьми Лемтюжникова. Ну-с, пойду встречу исправника, а вы поскорее поправляйтесь!

Артилевский ушёл, а вместо него вскоре появился озабоченный Таубе.

– Ну, Лёха, ну, орёл! – сказал он. – Такого зверя завалил. Знаешь, кого ты стрельнул?

– Которого из трёх?

– Первого, в синем бешмете, что был возле коней. Оказался сам Гамзат-пушикчи^[81]!

Лыков скривился:

– Если бы ты сказал про Большого Сохатого или Верлиоку... А имя твоего злодея мне ни о чём не говорит.

– Один из опаснейших преступников Дагестана. Грабят многие, а этот ещё и убивал: старался не сохранять свидетелей. На его совести более десяти жизней. Кровников имел по всей Аварии. Аул гудит – у него и здесь имелись жертвы. Три года за ним охотились. И армия, и полиция, и кровники – а попался он тебе!

– Да чёрт с ним, – отмахнулся Алексей. – У меня сейчас была интересная беседа с Артилевским. Выяснилось, например, откуда у него такой кинжал. И вообще, он оказался лучше, чем я до сих пор полагал.

И он пересказал барону свой разговор с войсковым старшиной. Тот внимательно выслушал, вздохнул:

– Да, туману всё больше. Ну ничего! На заколдованный горе весь туман рассеется. Что-то лекаря долго нет, а тебе пора уж менять перевязку.

Тут из-за забора этапного двора вышла женщина. Даже, скорее, дама... Лет тридцати, русская, стройная, с привлекательным лицом и чудными карими глазами. Откуда такая в диком дагестанском ауле? Дама была одета в простой, но элегантный укороченный костюм, а в руке держала акушерский саквояж.

– Добрый день, господа, – сказала она приятным воркующим голосом. – Это вы затребовали доктора? Прошу прощения, я только сейчас освободилась.

– Вы... доктор? – ошарашило спросил подполковник, торопливо

снимая фуражку. Лыков немедленно последовал его примеру.

– Лидия Павловна Атаманцева, здешний лекарь. Куда идти?

– Вон туда, пожалуйста. Раненый перед вами. Лыков Алексей Николаевич. А я Таубе Виктор Рейнгольдович.

– Ранение сквозное?

– Я вытащил пулю своими силами, – пояснил сыщик. – Стало сквозное.

– Своими силами? – с интересом глянула на него Атаманцева. – Имеете опыт?

– Приходилось воевать...

Втроём они прошли в комнату начальника караула, отведённую для раненого.

– Простите, госпожа Атаманцева... – нерешительно начал барон, – но... что, в ауле нет другого доктора? Или хоть табиба. Не может быть, чтобы к вам обращались за врачебной помощью горцы-мужчины.

– Что, не ожидали увидеть здесь «жевешку»^[82]? – неприязненно ответила Лидия Павловна. – Вы тоже из них, из этих? Разумеется, мужчин пользует местный табиб. Ко мне приходят женщины и дети. Но он сейчас в отъезде, вернётся только завтра утром. Что вас смущает? Я с отличием закончила Женские врачебные курсы при Медико-хирургической академии. Была ассистентом профессора Здекауэра. Мне уйти?

– Нет, ни в коем случае! – воскликнул Таубе. – У нас с Алексеем Николаевичем нет никаких сомнений в вашем опыте! Просто это несколько неожиданно: в глухом аварском ауле встретить такую женщину.

– Какую ещё такую женщину? – вскинулась Атаманцева. – Я вам дипломированный доктор, а не объект для волокитства!

Таубе окончательно смешался:

– Ну, я выйду, оставляю Лыкова на вашем попечении.

И быстро ретировался в общую комнату, плотно закрыв за собой дверь.

– Раздевайтесь! – приказала Алексею «жевешка».

Тот, смущаясь, снял бешмет и стянул рубаху.

– Ого!! – опешила Атаманцева, – Да вы, Алексей Николаевич, истинный геркулес! Какое великолепное сложение! С вас только статую лепить! Подковы случайно не ломаете?

– Только по необходимости, – сдержанно ответил коллежский асессор.

– А согните мне пятак на память! Впрочем, простите, это я глупость сказала. У вас же рука ранена.

Лыков без труда мог сложить пятак пирожком пальцами одними левой

руки, но решил этого не делать. Докторша показалась ему излишне раскованной. Вспомнились рассказы о «жевешках», их распущенности и дурных нравах.

Атаманцева тем временем обошла Лыкова кругом, внимательно разглядывая.

– Великолепно! Какой торс! Ничего подобного никогда не видела. Но... эк вас, однако, передырявили-то... Шесть?

– Семь. Ещё одно на ноге. Эта дырка восьмая.

– Что у вас за служба, если так перепадает?

– Я служу в полиции в чине коллежского асессора.

– В полиции? – Лидия Павловна сразу отшатнулась.

– Да, в Петербурге, в Департаменте полиции чиновником особых поручений.

– Особых поручений? Политических ловите – в этом ваши особые поручения?

В голосе «жевешки» послышались откровенно враждебные ноты.

– Мои клиенты – исключительно уголовные. Народ опасный – сами видите; на каторгу добровольно идти не хотят. Я очищаю от них общество и не собираюсь стыдиться своей службы, как бы это кому-то не нравилось.

– Только уголовные? Поймите, для меня это очень важно!

– Вы не случайно в этих краях? У вас были неприятности с полицией?

– Два года пребывания в одиночной камере петербургского Дома предварительного заключения – это, по-вашему, фунт изюму?

– За что вас так?

– Я однажды была на квартире студента, у которого так же однажды, совсем в другое время, побывал террорист Тихомиров.

– И всё?

– И всё. Никакого личного с ним знакомства, никаких разговоров, прокламаций...

– Был суд?

– Нет, всё решило Особое совещание во внедиспансерном порядке. Пять лет высылки на Кавказ. Два года уже прошли, но ваши любят продлевать срок ни за что...

Разговаривая, Атаманцева ловкими пальцами привычно размотала повязку.

– Потерпите, сейчас будет больно.

Сильным рывком она оторвала запёкшийся кровью кусок. Лыков даже не вздрогнул.

– Вы сильный мужчина, – похвалила она его. – Не только в смысле

мускулатуры.

- Привычка.
- Скажите, это вы застрелили Гамзата-пушикчи?
- Да.
- В прошлом году он зарезал моего мужа на дороге в Гуниб. А тело сбросил в пропасть. Пришлось хоронить его в закрытом гробу.
- Мне очень жаль.
- А мне – нисколько! Если откровенно, я даже ему благодарна. Как ни страшно для вас это звучит... Мой супруг был домашний деспот. Тот факт, что мы там, на курсах, изучали анатомию... Значит, видели голых мужчин... Ну, вы догадываетесь – за это многие считают нас женщинами дурной нравственности. У моего благоверного это сделалось манией.

Озадаченный сыщик молчал. Между тем Атаманцева вынула из саквояжа иглу, нить и принялась деловито прокаливать жало иглы на пламени лампы.

– У входного отверстия рваные края, лучше их зашить, чтобы ткани быстрее срослись, – пояснила она. – А выходное отверстие почему-то аккуратное...

– Это я сделал, шомполом. Вытолкал пулю из канала, и куски материи затем.

Докторша поглядела на Лыкова с удвоенным интересом:

– Снова вы меня удивляете. Давненько уж мужчины меня не удивляли! Они обычно плохо переносят боль. Намного хуже, чем мы, женщины.

– Вы, кажется, вообще недолюбливаете мужчин?

– Вот ещё глупости! – фыркнула Атаманцева. – Для чего же ещё жить, если не для любви?

Лыков начал уже чувствовать неладное. Между тем Лидия Павловна в три стежка ловко и аккуратно стянула рану и заметала нить; осталось только отрезать её кончик. Однако эскулапка не стала прибегать к помощи ножниц, хотя Лыков и видел их в её саквояже. Она прижала к себе руку Лыкова, прильнула губами и ловко откусила нить возле самого основания. Сыщик не почувствовал никакой боли; ему даже было приятно. Закончив с шитьём, «жевешка» не отпустила руку сыщика, а продолжала прижимать её к своей груди. Алексей чувствовал, как под его пальцами часто-часто стучит сердце докторши. Ситуация сделалась весьма двусмысленной. Я же женат, подумал он. Я не должен! Ах, Варенька! Но отдергивать руку ему уже не хотелось...

– Ну, как? – Атаманцева требовательно заглянула в глаза коллежскому ассессору. – Всё хорошо?

– Да. Благодарю вас.

Наконец, Алексей решился освободить руку, но его держали крепко.

– Послушайте, – начал он просительным тоном, – отпустите уже меня.

Я женат. У меня двое детей. Два мальчика...

– Мне всё равно, хоть три девочки.

– Но я люблю свою жену!

– Да и любите на здоровье. Но только она там, далеко, а я здесь. Или я некрасива? Не в вашем вкусе?

– Вы очень интересная женщина! Но... я же не свободен!

– Какие глупости вы говорите. Это условности. Которые ничегошеньки не значат между прогрессивными людьми.

Не избалованный женским вниманием, Лыков был сильно озадачен. Никогда ёщё его не облазняли столь откровенно и настойчиво. Он решил действовать по-другому.

– Лидия Павловна! Там, за дверью, стоит барон Таубе. Он красавец, согласитесь, и он холост. Возьмите себе его! Право, Виктор Рейнгольдович много достойнее меня.

– Знакомый тип мужчины! – отвечала докторша недовольно. – Ваш барон смазливый развращённый самец. Он так на меня глядел, словно я должна была отаться ему тут же, на пороге. Оставляю его для светских потаскух. Мы, прогрессивные женщины, смотрим на душу мужчины. А не на его внешность. А вы, Алексей Николаевич, просто не знаете себе цену. Любли ли вас когда-нибудь? Скажу правду: ни одна женщина не устоит перед вами, увидев ваш торс! Любая! Любая станет хотеть вас, как хочу сейчас я. И не собираюсь этого стесняться, слышите? Не смеите больше говорить мне про вашего противного барона!

Но тут за дверью, совсем близко, дзенъкнула шпора Таубе. Лыков мягко, но настойчиво высвободил руку. Атаманцева тут же встала и принялась укладывать инструменты в саквояж. Потом насмешливо посмотрела на Алексея. Тот почувствовал, что его щёки краснеют, как у гимназиста. Чёрт! чёрт!

– Завтра в полдень явитесь ко мне на перевязку. Ходить вам вполне по силам, и даже полезно. Поняли?

– Так точно, Лидия Павловна.

– Я квартирую в доме вдовы Али-хаджи. Это неподалёку, возле рыночной площади. И не манкируйте медицинским уходом!

Атаманцева удалилась. При этом, в отличие от Алексея, она отнюдь не выглядела смущённой. Эта женщина знала, чего хочет, и шла к цели смело, не обращая внимания на условности. Лыков и Таубе проводили её до ворот,

после чего барон сказал:

– Ах, какая! До чего же ей должно быть здесь трудно! С одной стороны дикии-горцы, с другой – наше серое офицерство... И она. Независима, красива... Ты не знаешь, Лидия Павловна замужем? Держит себя весьма свободно, но всякое бывает...

– Вдова.

– Шайтан разбери, она ещё и свободна! Но я почувствовал, что не понравился ей. Уж как старался, стрелял глазами «двойным зарядом»^[83] – всё не в прок. Да, Лёха?

– Ну, не знаю. Ты всегда влюблял в себя женщин, толпами.

– Только не эту. Лидия Павловна отнеслась ко мне совершенно равнодушно. Ведь так? Наверняка сердце её занято! У подобных женщин всегда есть друг, наперстник...

Во двор, попыхивая на ходу трубкой, вошёл Артилевский.

– Эспер Кириллович, вы очень кстати! Кто такая Атаманцева?

– Это здешняя «жевешка».

– Понятно; но что она за человек?

– Эх... – войсковой старшина приосанился и тронул себя за ус. – Лидия Павловна дама в наших краях знаменитая. Настоящая эсприфорка^[84]! Женщина самостоятельного поведения. Не развратного, а именно самостоятельного.

– А в чём разница?

– Госпожа Атаманцева сама решает, кого ей любить, и не позволяет себя шапронировать^[85]. Очень разборчива и для большинства мужчин абсолютно неприступна. Мне, например, не удалось привлечь к себе её внимания... Но уж если любит, так любит! На зависть другим.

– У неё есть кто-то?

– У таких женщин, барон, всегда есть кто-то. Дроля, как это называется у казаков. Ей стоит только свистнуть. И всегда это человек достойный. Сейчас, к примеру, таковым является председатель казённой палаты Потков-Подкова. А до того был майор Рейнеке, георгиевский кавалер.

– И как же к этому относится общество?

– Общество? Оно завидует избранникам Лидии Павловны. Грязь к ней как-то не пристаёт. Во-первых, у нас на Кавказе нравы много терпимее, чем в ваших холодных столицах. Во-вторых, госпожа Атаманцева формальная вдова и вольна делать, что хочет. Она и делает, что хочет...

– Кстати, – вступил в разговор Лыков, – она сказала мне, что вдовой

стала как раз из-за Гамзата-пешукчи.

– Это так.

– И что она ему за это почти благодарна... Будто бы, её муж был домашний деспот.

– Ну... капитан Атаманцев не был, конечно, никаким деспотом. Просто ему досталась такая необычная женщина... А он совсем обычный, как все мы. Ему было с ней трудно.

– Зачем же он на такой женился? Зачем она за такого пошла?

– Очень даже понятно, зачем. Политическая ссылочная. Оторвана от дома, от родителей, одна в чужом kraю. Да кому хочешь на шею бросишься от такой тоски! Первому, кто пожалеет. Первым оказался капитан Атаманцев.

– Детей у них не было?

– Не было.

На этом разговор о докторше прекратился. Таубе с Артилевским ушли – они занимались поиском в ауле явок Лемтюжникова. В этом им помогал приехавший из Гуниба здешний исправник. Ильин с Даур-Гиреем тоже где-то пропадали, и Лыкова никто не тревожил. Весь вечер он думал, как ему повести себя завтра. Понятно, что у себя на квартире Лидия Павловна продолжит своё наступление, и звенеть шпорами под дверью там будет уже некому.

Алексей так ничего и не решил. В душе молодая интересная женщина, конечно же, волновала его. Сыщик давно был в отъезде и истосковался по ласке. Но что он скажет дома? Как ляжет потом, по приезде, с Варенькой в постель? Словно ни в чём не бывало?

Ночью ему, почему-то, снились грудастые русалки. Они были похожи на жриц любви с нижегородской ярмарки: красивые, наглые. И манили коллежского асессора за собою в море...

Утром Алексей встал, кое-как дотерпел до полудня, а перед самым выходом всё-таки обтёрся губкой с уксусом. Но ничего не произошло. Лидия Павловна едва успела сменить сыщику повязку. Лишь только их дело подошло к душевным беседам, лишь только она положила его руку себе на пышное колено, как вдруг прибежала взволнованная аварка. Оказалось, что у жены чанки^[86] Саида начались преждевременные роды. Атаманцева скрипнула зубами, схватила свой саквояж и ушла по вызову. Раздосадованный Алексей вернулся на этапный двор, где узнал, что ему надо срочно отбыть в Гуниб.

Глава 15

В крепости Гуниб

— Собирайся, едешь со мной, — приказал Таубе, надевая шарф^[87]. — Говорят, полковник Бонч Осмоловский настоящий кавказец, но лучше приодеться — как-никак, начальник округа. Так что, прищепи георгиевскую ленту.

Лыков начал прилаживать полоску чёрно-оранжевой ткани к черкеске.

— Зачем он нас вызывает?

— Лемтюжников прислал ему письмо.

— Ух ты! И о чём же?

— Собственно письмо адресовано мне. Полковник не счёл возможным вскрывать пакет в моё отсутствие, но желает знать, что в нём. Я его понимаю. Приедем, вскроем втроём и обсудим, что прочитаем.

— А Эспер Кириллович не едет с нами?

— У него есть дела в ауле. Они с исправником кое-что уже раскопали. Оказывается, у твоего приятеля Гамзата-пешикчи был в Карадахе кунак. Сейчас им занимаются.

— А Ильин с Даур-Гиреем?

— Ты ранен; ещё на пару дней мы задержимся здесь. Не назначать же им с казаками строевых занятий! Пусть отдыхают. В горах силы им понадобятся. Готов? Поехали!

От Карадаха до Гуниба всего четырнадцать вёрст по приличной дороге. Лыков уже бывал в крепости ранее. В 1878 году, излечившись от первого ранения, он получил направление именно сюда. Затем в составе отряда охотников ловил абреков в Андии и Ичкерии. Теперь он возвращался на место своей военной молодости уже зрелым человеком, мужем и отцом... На правах бывшего кавказца Алексей всё показывал барону, и рассказывал.

— В Гуниб ведут две дороги — эта, карадахская, и южная, со стороны Каракойсу. Шоссе, по которому мы едем, построено в 1871 году, к приезду государя. Он посетил крепость и бывший аул.

— Что значит бывший аул?

— Собственно аул Гуниб, который брали штурмом войска Барятинского, был уничтожен, а жители его переселены в другие части Дагестана. В наказание. Когда после бегства из Ведено в пятьдесят девятом

году Шамиль искал себе новое пристанище, от него отвернулись все. Отняли казну, ограбили обоз с оружием... Только жители Гуниба разрешили имаму найти у них приют. Это было смелое решение. Все понимали, что русские войска придут по следам Шамиля и добьют его, а с ним и тех, кто дал ему убежище. Гунибцы осознанно и добровольно пошли на жертвы. Сейчас они живут частью в Манас-ауле, частью в Аркасе. Бывший аул Гуниб находился на восточном склоне, самом пологом на всей горе. Там теперь одни развалины. Крепость же возведена в 1862 году в Нижнем Гунибе, ближе к Кара-Койсу. Высочайшая точка горы возвышается на 7718 футов^[88]! Само место чудо, как хорошо – триста солнечных дней в году! Здесь бы сделать санаторий для чахоточных, а не содержать укрепление...

Во время Второй Восточной войны^[89] в Дагестане вспыхнуло сильнейшее восстание. Крепость была окружена мятежниками и полтора месяца выдерживала осаду. Горцам не удалось её взять. Когда приедем – поймёшь, почему. Высота стен – три сажени, а длина более четырёх вёрст!

За разговорами приятели постепенно приближались к цели. Гуниб по-аварски – стог сена. Действительно, своей формой легендарная гора очень его напоминала. Было очень красиво. Дорога виляла между живописными грудами камней. Сверху вниз несколькими каскадами обрушивался водопад. Когда всадники приблизились к северной вершине, в её гряде неожиданно обнаружился тоннель. Длиной более пятидесяти саженей, он также был пробит к приезду сюда Александра Второго. По этому чуду инженерного искусства друзья проследовали в котловину и, неожиданно для Таубе, оказались в берёзовой роще.

– Смотри, – продолжил рассказ Лыков. – Края вершины загибаются наподобие полей шляпы. Внутри образуется тихая и солнечная лощина. Удивительное место. Альпийские луга, реликтовые берёзы. Обрати внимание, как они растут!

Действительно, деревья были необычные. Кора у берёз оказалась красно-розового цвета, а росли деревья пучком из одного корня, словно опята на пеньке.

Вскоре посреди рощи показалась обширная лужайка, вся изрытая какими-то валами, будто большими грядками.

– Это Царская поляна, – пояснил Алексей. – Именно здесь в семьдесят первом году государь устроил пир. Валы – это то, что было тогда столами, а вокруг них в земле выкопали скамейки.

Шоссе стало понижаться, и вскоре Таубе увидел развалины аула.

Среди них выделялся обширный, некогда весьма представительный дом, деревянный, в два этажа.

— Сакля Шамиля. А вон там, в склоне горы — мечеть-землянка; в ней его и окружили наши войска. Отсюда имам вышел, чтобы сдаться.

Затем Лыков показал приятелю и знаменитый камень, сидя на котором, князь Барятинский принял капитуляцию имама. Значительных размеров серый валун лежал неподалёку от развалин. Барон не удержался и тоже взгромоздился на исторический гранит. Приятно почувствовать себя покорителем Кавказа...

Через полчаса петербуржцы въехали в крепость. Она действительно впечатляла. Длинная лента высоких стен опоясывала площадь, на которой расположился целый город. Казармы, улицы форштадта, магазины, православный храм — всё на месте!

— В стене всего двое ворот — верхние и нижние. Ты видишь верхние; государь лично распорядился назвать их в честь Шамиля. Нижние, через которые идёт спуск к реке, называются воротами Барятинского. Ну, прибыли. Айда к начальству.

Полковник Бонч Осмоловский оказался, действительно, настоящим кавказцем. Высокий, шестидесятилетний, но ещё крепкий мужчина с прямой спиной и редкими седыми волосами. На крупном бульдожьем лице красовались длинные седые усы. Левый глаз полковника был выбит горской пулей, и вместо него на посетителей смотрел стеклянный муляж.

— Старший делопроизводитель Военно-Учёного комитета, флигель-адъютант Свиты Его Императорского Величества подполковник барон Таубе Виктор Рейнгольдович.

— Чиновник особых поручений восьмого класса Департамента полиции коллежский асессор камер-юнкер Лыков Алексей Николаевич.

— Флигель-адъютант и камер-юнкер... Хм! Я начальник Гунибского округа полковник Бонч Осмоловский Михаил Ильич. Прошу садиться, господа.

Полковник скользнул взглядом по гостям, заметил темляк на шашке барона и ленту на черкеске Лыкова, и взгляд его сразу потеплел.

— Такие флигели и юнкеры нам подходят! Но давайте о вашей экспедиции... Малдай из Бахикили много уже перепортил нам крови. Но, как я слышал от своего помощника, вы не его считаете главной фигурой в шайке. Так?

— Так точно, господин полковник.

— Для вас обоих — Михаил Ильич.

— ... Благодарю, Михаил Ильич. По имеющимся точным сведениям,

истинным руководителем шайки является некий Лемтюжников. Это пожилой уже человек, бывший подхорунжий. В 1842 году он изменил присяге и перебежал к Шамилю. С тех пор воюет против нас, почитай, без отдыха...

– Так давно? Он идейный?

– Да. Принял магометанство, был у Шамиля начальником разведки. Лично расстрелял русских пленных возле аула Дарго сорок лет назад.

– Экая скотина! Я был в том походе молодым подпрапорщиком, и видел этих несчастных!

– Лемтюжников не успокоится, покуда жив. Сейчас он имеет у османов звание сартипа и является главным резидентом турецкой разведки в Чечне и Дагестане. Согласно приказания генерал-адъютанта Ванновского, мы направляемся к Богоскому хребту с целью разорить базис абреков. А Малдая с Лемтюжниковым арестовать или уничтожить.

– Вы полагаете сделать это наличными силами? У вас осталось всего десять казаков!

– Большой эшелон напугает злодеев и они спрячутся или уйдут. А так мы выманим их на себя.

– Смело, Виктор Рейнгольдович, – покачал седой головой полковник. – Смело и рискованно. Но приказ есть приказ. Я вызвал вас потому, что сегодня ночью получил от Лемтюжникова письмо. Неизвестный туземец передал его часовому и ускакал. Конверт был адресован мне, но когда я его вскрыл, внутри оказался запечатанный пакет на ваше имя. Как начальник округа считаю, что вправе знать, о чём указанный злодей замышляет на вверенной мне территории.

– Полностью разделяю вашу обеспокоенность, – ответил Таубе. – Сейчас откроем и прочтём.

Он вскрыл пакет, вынул из него лист жёлтой турецкой бумаги и прочитал вслух:

«Настоящим объявляю подполковнику фон Таубе, что готов сдаться в его лице русским властям. Я уже стар и устал скитаться по горам. Ежели мне и моему окружению будет объявлено прощение, обязуюсь сложить оружие вместе с подчинёнными мне абреками, во главе с Малдаем из Бахикли. Для обсуждения условий сдачи предлагаю подполковнику фон Таубе явиться на личную со мной встречу на перевал Арида-Меэр к полудню 5 июня. При мне будет состоять лишь Малдай, фон Таубе может взять с собой Лыкова.

Сартип Османской армии Чифтчи-Хусейн-Ага-оглы Языджи-Али, он же Зиновий Лемтюжников».

— Полагаю, он приглашает вас в ловушку, — не раздумывая, прокомментировал Бонч Осмоловский.

Барон отхлебнул чая, подумал немного и сказал:

— От покойного государя я не раз слышал такую фразу: «Когда честный человек честно ведёт дело с бесчестным человеком, он всегда остаётся в дураках».

— Вы были лично знакомы его величеству? — поразился начальник округа.

— В течение двух месяцев даже коротко. Я состоял в его охране. Но у меня вышел спор с начальником этой охраны капитаном Кохом, о способах сбережения государя, после которого меня удалили.

— И государь погиб...

— И государь погиб. Но вернёмся к письму. С Лемтюжниковым, конечно же, нельзя вести дело честно. Мы с Алексеем Николаевичем не пойдём ни на какой перевал, а станем действовать, как наметили.

— Полностью одобряю. Со своей стороны готов, по первому вашему сигналу, выслать к Богословскому перевалу полусотню казаков. Когда вы рассчитываете там оказаться?

— Алексею Николаевичу понадобится ещё денёк отойти от раны, нанесённой ему абреком...

— Да, Алексей Николаевич, примите мою благодарность! — обрадовался Бонч. — От эдакого злодея округ мой избавили! Вот все бы камер-юнкеры были такими, уж я так бы их уважал...

— ...Послезавтра мы выступаем из Карадаха. Возле Голотля опять переходим на левый берег Аварского Койсу и подываемся к её верховьям. За аулом Кхиндакх сходим с дороги и идём по вьючной тропе к хребту. Далее карты кончаются. Считаем: три дня пути к хребту, три дня на поиск базиса абреков и четыре — на обратный путь. Ждите нас на одиннадцатые сутки.

Выйдя от полковника, Таубе первым делом потащил Лыкова на телеграф. Одну депешу он отоспал в разведочное отделение Кавказского военного округа, вторую в Петербург Енгалычеву. Алексей воспользовался случаем и отбил клерную^[90] телеграмму Благово. Написал, что всё в порядке, жив-здоров, и просил известить об этом жену.

На этом их служебные дела закончились. Друзья решили прогуляться по Гунибу и пополнить некоторые припасы. Когда они опять будут в цивилизации? Лыков ещё рассчитывал купить Вареньке обещанных украшений из кубачинского серебра. Поэтому первым делом столичные жители отправились в лавки форштадта. Внутри крепости торговля не

дозволялась, но снаружи раскинулся целый восточный базар. Как на всём Кавказе, тон в коммерции и здесь задавали армяне. Попался обязательный еврей с мехами – на этот раз маленький, лысый и невесёлый. Аварцы предлагали оружие и деревянные изделия, дидойцы – вязаные вещи; стояли целые возы, наполненные свежими черешнями и алычой.

Алексей разыскал кубачинского ювелира и за восемь туменов^[91] приобрёл у него отличные серьги и четыре браслета (два из них назначались сестрице). Ещё запасся чаем и сахаром для всего отряда. Таубе удивительно дёшево купил десять фунтов трубочного турецкого табаку (явно контрабандного), и долго присматривался к паласу.

– Смотри, – пытался найти он поддержку у Лыкова, – в Шуре такой же стоил вдвое дороже. Разложу у себя в гостиной – будет память!

– Ты собираешься таскаться с этим паласом взад-вперёд на волшебную гору?

– Да нет же. Оставлю в Карадахе, а на обратном пути заберу.

– Охота же тебе связывать себя тряпками...

– Так ведь вдвое дешевле! Ты у нас богач, потому и не хочешь меня понять. Нувориш хренов...

Но Алексей всё-таки отговорил друга от покупки. Сказал, что Артилевский по возвращении поможет ему получить у торговцев скидку. Повеселевший от такой перспективы Таубе затащил сыщика в духан, где они выпили портвейну и съели седло барашка. Потом вернулись в крепость, загрузили покупки в седельные чемоданы, и Лыков повёл барона на смотровую площадку.

– Там такой вид – половину Дагестана разглядишь!

Площадка располагалась позади небольшого сквера. Картина, открывшаяся им, действительно, поражала. С высоты четыре тысячи футов весь горный Дагестан открывался, как на ладони... На юге отчётливо различались вершины Главного хребта. К ним уходил горбатой дугой Нукатль. Из-за его отрогов высвечивалась, блестя на солнце глетчерами, волшебная гора Эдрас. Узкая серая лента Кара-Койсу проходила внизу и напротив Гергебиля вбирала в себя Казикумухское Койсу. Далее на запад, к морю, горы постепенно понижались. Прекрасное и величественное зрелище надолго приковало к себе внимание петербуржцев. Наконец, Алексей с трудом увлёк друга с площадки – пора было возвращаться в отряд.

Они проходили мимо памятника ашхеронцам, погибшим при взятии Гуниба, когда Лыков приметил странного туземца. Лет сорока семи, стройный, с привлекательными чертами лица, он стоял подле памятника и

скучающе глядел в небо. Во взгляде горца застыла такая усталость, словно он с утра до вечера таскал камни. Или сидел в камере смертников... Сыщик невольно замедлил шаг, однако незнакомец тут же испуганно от него отшатнулся. Немедленно из-за постамента выскочил коренастый русак с седою головой и рявкнул:

– Эй, джигит! Стой, где стоишь!

Коллежский асессор недовольно сдвинул брови, но через секунду радостно улыбнулся:

– Сергей Михалыч! Ты, что, шлётнуть решил земляка?

– Лёшка! Лыков! – ахнул сердитый русак. – Ты как тут оказался? И в черкеске. Сколько лет не видались!

– Семь.

– Де-ла-а... Тоже на Кавказе служишь? И кто это с тобой?

– Знакомьтесь, господа.

Барон подошёл и представился:

– Подполковник Таубе Виктор Рейнгольдович.

– Отставной старший унтер-офицер Кормишин Сергей Михайлович.

Немолодой, широкий в плечах, резкий в движениях, Кормишин производил впечатление весьма бывалого человека.

– Служу постоянно я в Петербурге, а сюда командирован, вместе с подполковником, – пояснил Алексей. – Ты-то как? Кем? Где?

– Я проживаю тут, в крепости. Охраняю одного человека, – ответил отставной унтер, и крикнул, полуобернувшись. – Камаль, это свои! Можешь подойти.

Горец тут же приблизился и улыбнулся – доброжелательно и чуть заискивающе:

– Рад познакомиться, господа. Меня зовут Камаль Мухаммадович, по фамилии Амирасулов.

Он говорил по-русски очень правильно, с едва заметным акцентом.

– Может быть, вы не откажетесь от чаю в моём доме? У нас редко бывают гости...

И Лыков с Таубе согласились. В туземце было что-то симпатичное, и одновременно болезненное – то ли подавляемое горе, то ли необоримый привычный страх. Амирасулов проживал в маленьком чистом домике возле самого плаца. Миловидная жена его вместе с дочкой вполне по-европейски встретили гостей, выставили на стол чай с небогатыми закусками, и тактично удалились в дальние комнаты.

– Мы расстались с Сергеем Михайловичем в семьдесят восьмом, – обратился Лыков к барону. – Он был начальником нашей группы

охотников. Мы лазили по Ичкерии и ловили абреков, довольно удачно. Решительный человек; многому меня научил.

Таубе понимающе кивнул.

– Расскажи, что было с тобой дальше, – попросил сыщик Кормишина. – Вижу, тут целая история.

Сергей Михайлович бросил быстрый взгляд на хозяина дома. Тот вздохнул:

– Да, история... Расскажи, Серёжа.

Кормишин тоже вздохнул, затянулся трубкой. На его загорелом обветренном лице густо собрались морщины.

– Всё началось здесь, в Гунибе, в день штурма аула войсками Барятинского...

– Утром 25 августа 1859 года, – пояснил Амирасулов.

– Да. Я был двадцатидвухлетним парнем, только что призванным из рекрутов. Молодой, глупый. А попал в Ширванский полк. В самое полымя, аккурат к штурму...

Если вы знаете, начиналось всё с ложной демонстрации. Вечером войска выстроились в колонны, ударили барабаны. Шамиль прибежал на стену, что перегораживала единственную дорогу, готовился атаку отбивать. А его просто отвлекали. Утром же, ещё в темноте, сто тридцать охотников-апшеронцев тайком полезли наверх. С южной стороны. Мюриды разместили свои посты по всей вершине – а это ж громада! Восемь вёрст в длину, и три в ширину. Там, где карабкались апшеронцы, тоже был сильный пост. Командовал им известный шамилевский наib Амирасул-Мухаммад Кудвалинский. Отец Камаля.

Тут хозяин дома кашлянул, отвернулся и быстро смахнул со скулы слезу.

– Часовые слишком поздно заметили солдат, – продолжил рассказ Кормишин, глядя с сочувствием на горца. – Тем оставался лишь последний бросок – двадцать саженей. Апшеронцы были смелые люди. Они пошли грудью на заряды, потеряли много своих, но пост сбили и взошли на вершину. Наиб и с ним ещё семеро погибли; среди них оказались четыре женщины. Почти сразу же с востока пошли штурмовать стену мы, ширванцы. Когда мюриды, расставленные по горе, увидали это, то бросились со всех ног в аул. Испугались, что мы их отрежем... Один такой пост улепётывал близко от нас. Там было восемь человек. Наше отделение дало залп, один упал.

Кормишин сделал затяжку, отхлебнул остывшего чаю, после чего продолжил:

— По ложбине течёт речка Гунибка. Видали её, наверное, когда сюда подымались. И вдоль речки пещеры. И вот те мюриды, видя, что им не убежать, залезли в такую пещеру. Мы им — «сдавайтесь!», а они в ответ стрелять. И убили первм же выстрелом нашего отделённого Кутырло, славного, храброго человека, которого уважал весь полк. Да... Солдаты, понятное дело, взъярились. А те, из пещеры, как раз и надумали после этого сложить оружие. Дураки-то! Уж не надо было стрелять, а коли выстрелил, то бейся до конца... Короче, шестеро из пещеры вышли, и их прямо там и закололи. Седьмой, что последним вылезал, увидел это и юркнул обратно в пещеру. Ему кричат — выходи, пёс, всё одно помирать! А он курками щёлкнул и отвечает: кто взойдёт — тут и останется. Да... Это и был Камаль.

А там, между прочим, бой гремит! Батальон атакует стену, рубка, пушки стреляют... И старые солдаты мне приказыли: ты, молодой, туда с нами не ходи, ещё подстрелят тебя. А стой здесь и карауль этого бусурманина. Полезет наружу — убей; не решится — мы вернёмся и выкурим его. И убежали, а я остался один. Да Камаль в пещере. Да...

Ну, и вскорости он мне оттуда кричит:

— Урус! У меня есть восемь золотых монет. Больше нету. Возьми их себе, и отпусти меня!

Я же совсем желторотый, мне и страшно, и любопытно. Вроде, как надо того человека в пещере убить. Но как-так — убить? Живую душу истребить, пусть даже и не христианскую? Жутко же! Опять, мне он ничего плохого не сделал. И начал я с ним разговаривать. А пленник мой опять кричит:

— Я в ваших не стрелял. Вон тот выстрелил, в белой бурке; вы его уж закололи. А я молодой, жизни ещё не видел. Отпусти меня, добрый человек; забери золото, и отпусти!

Ну, и дрогнуло во мне. А как увидал своего врага — Бог ты мой, он мальчишка ещё совсем! Такой же, как и я сам!

— Мы с Серёжей родились в один год и даже в один месяц, — вставил хозяин дома. — Но это уж позже выяснилось...

— И отпустил? — улыбнулся Лыков.

— Как видишь, — в тон ему ответил Кормишин. — Не поднялась рука убить. Потом-то я, конечно, многих кончил. Сердцем ожесточился. А в тот раз не смог. Бог отвёл от греха. И денег я с Камаля не взял, так отпустил.

— А что же ваши товарищи, когда вернулись? — спросил барон. — Как они приняли?

— Они бы плохо приняли, да только я словчил. Как выпроводил

пленника, сразу побежал замену ему искать, покойника. Благо их вокруг изрядно валялось.

– И поверили?

– Почему нет? Вот вам седьмой, лежит в общей куче. Я и выстрелить догадался, чтобы ружьё пахло. Убедительно соврал! Один ефрейтор Панов усомнился и обыскал меня. Кабы взял я у Камаля восемь золотых – тут бы мне и конец. Или трибунал, или солдаты бы меня сами кончили, на месте. А так обошлось.

Собеседники налили себе нового чаю, курильщики набили новые трубки, после чего Кормишин продолжил:

– Вот такая была наша первая встреча. Вторая же случилась спустя двадцать лет. В семьдесят восьмом мы с Лексей Николаичем гонялись по горам за абреками. В Дагестане главным местом восстания был аул Согратль. Неподалёку отсюда… И когда наши взяли его штурмом, началось наказание мятежников. До сих пор как было? Иные по два-три раза уходили в ссылку, возвращались, снова вредили и уходили, и опять возвращались. Нянчилось начальство с ними, как с малыми детьми. Отчески журило. Распустились ребята от такого обхождения в конец, и восстание семьдесят седьмого года это показало. Весь Дагестан полыхнул! Единицы только не изменили присяге. И в их числе Камаль.

– Я командовал милицейской сотней, оборонял вместе с русскими Гуниб, имею медаль, – вставил Амирасулов.

– В начале ноября всех пленных зачинщиков привели в Гудул-майдан и назначили им полевой суд. Двадцать дней шло следствие. Повесили и расстреляли 274 человека – всю головку. Только двое из главных спаслись, сбежали в Турцию – Сулейман Центороевский и Султан-Мурад Беноевский. Так вот, брата последнего, известного разбойника, Камаль взял в плен и лично привёз в Гудул-майдан. Где того и вздёрнули по его делам.

– Я, после того, как Серёжа меня отпустил, с русскими больше не воевал, – пояснил горец. – А вскоре начал и служить. В этой… слово такое трудное…

– Администрации, – подсказал Таубе.

– Да, в ней. Сначала переводчиком, а потом и старостой. То, что отец мой был у Шамиля наибом, все знали. И это не мешало. Многие его наибы остались местными начальниками и при русской власти. Перед самым восстанием я был назначен дубиром – старшиной над старостами. Когда в моё дубирство приехал Башир Беноевский – а он прорывался к турецкой границе – я исполнил свой долг. Арестовал его и доставил на суд. За это Султан-Мурад объявил мне кровную месть. В первое покушение я был

сильно ранен. Долго лечился, чуть не умер. Но меня хотели добить. Стал искать охранников, а все отказываются...

– Но родственники обязаны по горским законам вас защищать! – возмутился Лыков.

– Для них я изменник – выдал гяурам единоверца. Весь мой род от меня отвернулся. Меня давно бы убили, но появился Сергей Михайлович. Мы сразу друг друга узнали!

– Я вышел как раз в отставку и искал, чем заняться. Камаль мне рассказал, и я согласился остаться при нём. Человек долг исполнил, верность присяге сохранил! И вот уже шестой год, как мы с ним неразлучно живём в Гунибе. Камаль тут, как в тюрьме. Из крепости мы неходим – слишком опасно.

– Султан-Мурад Беноевский, сидя в Турции, имеет такую власть в здешних местах? – усомнился Лыков. – Не преувеличиваешь ли ты?

– Не преувеличиваю. Денег он увёз с собой много. За голову Камаля объявлена хорошая награда. А в горах всегда отыщется несколько бездельников, не желающих пахать землю, но ищущих поживы.

– Да, шесть лет в этих стенах – большой срок... И на базар не выходите?

– Говорю – опасно. Даже в крепости нельзя найти полного укрытия. Кого попало часовые внутрь, конечно, не пустят, но множество туземцев приезжают сюда по делам. Здесь же квартира начальника округа. И убийца может под видом подачи прошения сюда проникнуть. Поэтому на окнах вы видите ставни, и замки у дома крепкие – мало ли что.

– Я вижу, живёте вы не богато, – обратился с Амирасолову Лыков.

– Из аула я вынужден был уехать. Скот мой весь перерезали, имущество сожгли. Служу в канцелярии за небольшое жалование; это весь мой доход.

– Начальство помнит заслуги Камаля, но сделать ничего не может, – добавил Кормишин. – Кровную месть снять нельзя, а охрана ему не положена. Спасибо полковнику Бонч Осмоловскому, что разрешил пользоваться этим жилищем бесплатно. И сына поместили в кадетский корпус на казённый счёт.

– У вас сын? – обеспокоился Таубе. – Ему уже есть двенадцать?

– Да, – печально кивнул горец. – Ему идёт тринадцатый год, и значит, он уже подпадает под кровную месть. Когда Батырай уезжал в Тифлис, в корпус, Серёжа его сопровождал. И в Тлярате на них напали.

– Хотели напугать кавказского унтер-офицера, – усмехнулся Кормишин. – Дураки! Самого бойкого я насадил на кинжал, остальные тут

же обдристались и убежали.

– Значит, ты теперь тоже кровник Султан-Мурада? – спросил Алексей.

– Нет, считается, что я служу Камалю за плату; на таких законы канлы^[92] не распространяются. Но я собираюсь жениться на дочери Камаля Фариде. Хорошая девушка – вы её видели. Тогда стану родственником и попаду под канлы.

– Но это вас, я вижу, не пугает, – улыбнулся Таубе.

– Не пугает. Камаль мне, как брат. В России у меня всё одно никого нет. Его семья теперь моя семья, и за них я глотку перегрызу. Пусть только сунутся.

– Долго ещё вы будете жить здесь взаперти и при нескончаемой опасности?

– Пока Султан-Мурад не подохнет. Тогда мы сделаемся свободны – родни у него не осталось. Надо продержаться.

Глава 16

Енгалычев призывает Благово

Генерал-майор Енгалычев сидел за столом и бранился. Перед ним лежала расшифрованная телеграмма, присланная бароном Таубе из Гуниба. Телеграмма гласила: «Лемтюжников повсюду нас опережает. Явно утечка из Петербурга. Две засады за два дня. Проводники оказались изменниками и убиты. Главный предатель не разоблачён. Лыков ранен, но остаётся в кадре отряда. Идём на гору Эдрас. Ищите сообщника Иблиса в столице».

– Да... – выдохся, наконец, генерал. – Видно, ему там жарко...

Делопроизводитель ВУК штабс-капитан Сенаторов согласился:

– Ещё бы! Дикие горы, абреки. И шпион изнутри. Только и жди выстрела в спину.

– Отставить жалеть подполковника, – приказал Енгалычев. – Виктора голой рукой не возьмёшь. Начнём лучше выполнять его указания. Если Лемтюжников действительно так хорошо подготовился к встрече, значит, у него были и время, и нужные сведения. Тогда барон прав: Иблис знал о его миссии заранее. Возможно, он знает и другое: что все офицеры отряда находятся под подозрением. И не случайно назначены в экспедицию... В этом случае резидент обязан сделать так, чтобы его агент оставался вне подозрений, а заместо него изменником был выставлен невиновный. Так?

– Весьма вероятно, ваше превосходительство. Прикажете подготовить телеграмму подполковнику в таком духе?

– А то он сам этого не понимает! Нет, наша задача найти сообщника Иблиса здесь. Принеси мне срочно список тех, кто готовил экспедицию. Управление генерал-квартирмейстера, Азиатское делопроизводство, управление личного состава – всех. И себя не забудь вписать!

Через час Сенаторов принёс список из шестнадцати фамилий. Генерал глянул в него и хмыкнул: первым номером в списке шёл он сам.

– Молодец. А теперь пометь, кто из них ранее служил на Кавказе или воевал с турками на Балканах.

– Несвицкий, Гильдебрандт, Петров-третий, Редигер, Панюхин.

– Хм... Люди-то всё приличные... А кто участвовал в оперативной работе против англичан?

– Артлебен, я и Самохвалов.

Генерал-майор встал, минут пять молча ходил по комнате, потом

спросил:

- А писаря? Почему их нет в списке?
- Виноват, ваше превосходительство. Дайте мне ещё четверть часа.
- Приходи через час с расширенным списком, и прихвати с собой поручика Артлебена. Больше пока никому ни слова!

Втроём они просидели в неприметном особняке в Мытнинском переулке до вечера. С разрешения Обручева Енгалычев даже пропустил заседание Военного совета. К концу дня разведчики остановились на двух фамилиях. Штабс-капитан Панюхин из Азиатского делопроизводства в последнюю войну десять месяцев пробыл в плена у турок. Чёрт его знает! могли и завербовать... А сверхсрочнослужащий унтер-офицер Ерёменко из управления личного состава готовил справки по участникам отряда Таубе. В том числе и по всем трём офицерам, находившимся в подозрении. В восемьдесят втором году Ерёменко состоял писарем при канцелярии русского военного агента в Лондоне. Ни в чём предосудительном замечен не был, но – Лондон!

– Ищите деньги, господа, – сказал Енгалычев. – Большие, не поддающиеся объяснению суммы. Или дома с земельными участками. Паи в фабриках. Жёны, братья – проверить всю родню!

На следующее утро у Панюхина в отсутствии хозяина был проведён обыск. Пока люди из роты охраны Военного министерства отвлекали дворника и швейцара, поручик Артлебен обшарил все три занимаемые штабс-капитаном комнаты. И в стельках запасных сапог обнаружил талоны к ассигновкам! Оказалось, что у скромного штабса на депозите в Русско-Азиатском для внешней торговли банке лежит 39 000 рублей. Жалование за пятнадцать лет!

Енгалычев почувствовал вкус добычи. Но сначала нужно было выяснить происхождение денег. Поразмыслив, генерал-майор отправился в Департамент полиции.

Благово, как увидел своего друга детства, сразу сел и вцепился обеими руками в столешницу.

- Что с ним?
- Успокойся. Лёгкое ранение. Лыков даже не вышел из строя; продолжает выполнять свои обязанности.
- Уф... Вот стервец; в телеграмме о ранении ни слова. А ты не врёшь?
- Лампасами клянусь – пустяк. Твоему геркулесу что комариный укус.
- Смотри у меня! Твоя была авантюра!

Енгалычев отмахнулся:

- Ерунда! Тут такие дела, что не до твоих капризов. Похоже, что в

Военном министерстве шпион.

Благово осёкся:

– И он донёс об экспедиции старику в жёлтой чалме? Значит, Лыков в большой опасности.

– Дался тебе твой Лыков! – рявкнул Енгалычев. – Только о нём и слышу. Тут наша оборонная способность в большой опасности!

Два генерала – статский и военный – несколько секунд смотрели друг на друга, с трудом удерживаясь от резкостей. Благово уступил первым.

– Ладно. Рассказывай, зачем пришёл.

– У штабс-капитана Панюхина из Военного министерства обнаружилось в банке сорок тысяч.

– Записаны на его имя?

– Да.

– Тогда это не твой. Возможно, мой, но не твой. Не могут быть шпионы такими глупыми.

– Шпионы, Паша, разные бывают. Надо бы проверить.

– Хочешь, чтобы я разнюхал через сыскное?

– Да. Мне они ответят, только если я принесу запрос от министра на градоначальника. И очень неспешно. А тебе скажут всё сразу же, за рюмкой чаю.

– Мне взять Панюхина в оперативную разработку?

– Был бы весьма обязан. Образ жизни, знакомства, женщины, слабости, общение с иностранными подданными. Особенно с турками и англичанами.

– Англичанами? – удивился Благово.

– Имеется и такое подозрение.

– Для включения в разработку офицера Военного министерства понадобится письменное согласие вашего министра.

– Получи, – Енгалычев вынул из портфели бумагу за подпись Ванновского. – Но... утечек бы не желательно. Можно сделать так, чтобы твой директор не знал?

– Я открою сыскное дело по уголовной статье. Проверка агентурного сообщения. Например, подозрение в мошенничестве. Дурново подмахнёт не глядя, и тут же забудет. Его интересуют только политические преступления и те, где замешаны громкие фамилии.

– Очень хорошо. Я пришлю к тебе Сенаторова. Помнишь его? Который застрелил Чулошникова в восемьдесят третьем, буфчика из «Трёх Иванов».

– И чуть уха при этом не лишился? Помню молодца. Пусть приходит

завтра к открытию присутствия. Где проживает твой Панюхин?

– В Коломне, на углу Могилёвской и Садовой.

– Так. До четырёх я занят, а после загляну в сыскное к Виноградову. Он мой старый должник, ещё по расследованию убийства Макова. Визиту не обрадуется, но скажет всё, что знает.

Павел Афанасьевич не ошибся. Начальник петербургской сыскной полиции Виноградов при виде редкого гостя напрягся. Он встал, положил на стол крепко сжатые кулаки и спросил, глядя в сторону:

– Что на этот раз?

– Меня интересует, нет ли у вас чего на штабс-капитана Панюхина из Военного министерства.

– И только? – недоверчиво спросил главный столичный сыщик.

– И только.

– Панюхин, Панюхин... Не помню такую фамилию. В какой части он проживает?

– В Коломенской.

– Я наведу справку и пришлю вашему превосходительству. А в чём провинился штабс?

– Так... агентурные сведения. Имеет крупные суммы, не подтверждённые законным доходом. Возможно, шулер?

– Проверим, Павел Афанасьевич! – бодро заявил Виноградов. – Наизнанку вывернем, ничего не утаим. Чайку не соблаговолите?

– Спасибо, Иван Александрович, уже пил. Так я смею надеяться?

– И очень скоро, Павел Афанасьевич. Ваши просьбы для меня закон!

– Премного обязан вашему высокородию.

К удивлению Благово, утром следующего дня сыщик приехал к нему сам. Пролез боком в кабинет, сел на краешек стула и сказал, оглянувшись на дверь:

– А нельзя ли, ваше превосходительство, чуть поподробнее... насчёт агентурных сведений?

– Что такое, Иван Александрович? Зацепка какая есть?

– Не понимаю ещё, зацепка или не зацепка, но что-то в вашем штабс-капитане не так. Мутный он. Вы уж откройте, что сможете. А то возьмут голубчика на громком деле, а мне потом градоначальник фитиль вставит. За то, что департамент его открыл, а не я.

– Иван Александрович. Вам известно, что у меня очень хорошие отношения с Военным министерством?

– У вас, Павел Афанасьевич, хорошие отношения повсюду. Умный человек сеет друзей, а глупый – врагов.

— Так вот, они подозревают Панюхина в мздоимстве. Вот, взгляните: письмо Ванновского с просьбой взять его в разработку. Дружка имеет в Интендантском управлении; вместе гуляют. А дружок отвечает за справочные цены. Понимаете, о чём речь?^[93]

— Как не понять. Золотое дно!

— Вот-вот. Чтобы самому не маячить, интендант — его фамилия Суров — выставляет в посредники заместо себя господина Панюхина. Сведения эти, как вы догадываетесь, секретные...

— Буду нем, как рыба.

— Ну, их министр и попросил нашего помочь в расследовании. Так что, градоначальник на вас в обиде быть не может — военные преступления до него не касаются.

— Успокоили, Павел Афанасьевич; спасибо, — кивнул Виноградов, внимательно, тем не менее, изучив письмо за подписью Ванновского.

— Теперь давайте о деле. Вы сказали — штабс мутный. В чём это проявляется?

— Он точно не шулер — это подозрение не подтвердилось. Сами знаете — они у нас все в осведомителях. Но деньжата имеет значительные. Сыскной надзиратель Коломенской части доложил: гудит по вечерам, как колокол. И всё в нехороших местах. Предпочитает за городом да в отдельных кабинетах.

— Много, говорите, тратит?

— Давеча балалаечникам в «Самарканде» дал «на струны» семьдесят пять рублей.

— Сколько? — изумился вице-директор. — Однако...

— Судите сами — откуда подобные суммы у такой вшивоты?

— Ясно. Это всё?

— Нет. Агент «Дарья» — это проститутка из Фонарного — сообщила, что видела в кармане у Панюхина фальшивую бороду.

— А не врёт ваша Дарья?

— У меня, Павел Афанасьевич, никто никогда не врёт. С этим строго. Враз из столицы вылетят.

— Странно. На актёра-любителя он не похож?

— Не похож. Я и говорю: что-то тут не то...

Благово поднялся:

— Спасибо, досточтимый Иван Александрович; я отмечу ваше полезное содействие в рапорте министру. Честь имею!

Когда Виноградов удалился, вице-директор вызвал надворного советника Бутцефаля. Тот заведовал в Департаменте полиции секретной

неполитической агентурой и имел на связи в столице до полусотни осведомителей из всех слоёв общества. Составляя, таким образом, конкуренцию агентуре петербургского градоначальства. Бутцефаль уже получил от Благово задание проверить штабс-капитана по своим источникам.

– Ну, чем порадуете, Вильгельм Фёдорович?

– Времени больно мало дали, ваше превосходительство, – на всякий случай прибеднился надворный советник. – Но кое-что нарыли. Подозрение в шулерстве, высказанное вами давеча, не подтвердилось.

– Это я уже знаю.

– Хм... Тогда извольте то, что наверное не знаете. Панюхин большой кутила и проматывает в ресторанах огромные деньги. Недавно балалаешникам каким-то подарил...

– ...Семьдесят пять рублей. И это уже знаю, Вильгельм Фёдорович. А новенькое, новенькое что-нибудь скажете?

Бутцефаль был обескуражен:

– Времени так мало дали, ваше превосходительство. Что тут успеешь? Дозвольте ещё покопаться. Человек военный, не нашей епархии...

– Хорошо, продолжайте собирать на него сведения. Доложите, уж коли зашли, что нового по вашей епархии. Чем живёт преступный мир столицы?

Надворный советник приосанился:

– Это мы сей секунд! Новости такие. Федька-Шевяк сбежал с каторги и поселился где-то в Александровской слободе. Похвалялся в кабаке, что лично дал Виноградову «лапки»^[94] – полторы тысячи – и получил «амнистию» на год.

– Вот стервецы, что тот, что другой!

– Сашка Красный Туз повесил во втором Парголове цыгана.

– За что?

– Дачи тот подламывал. А Сашка с владельцами участков договорился, что на их дачах всё спокойно будет, если они ему за охрану заплатят.

– Дрянь дело, ежели хозяева за порядок уголовным платят, а не полиции...

– Так точно. А в Малой Московской улице у извозопромышленника Вертепова тройка новая появилась, с коляской. Лошади все перекрашены. Готовят их в Москву гнать.

– Тройка? Это, слушаем, не Антипкина лошади, которого в субботу зарезали?

– Его. Прикажете сообщить в градоначальство?

– Да, завтра. За подписью директора Департамента. Всё теперь?

– Пожалуй, что всё, ваше превосходительство. Банда вот ещё новая объявились. Вернее сказать, не то, что новая, а так... Раз в полгода кого почистят, и сразу на дно ложатся. Не из уголовных – тех давно бы уже забрали. Залётные какие-то, не здешние. Четвёртого дня ограбили артельщика Покровской биржевой артели на тринадцать тысяч.

– И что, концов никаких? Может, брусы?

– Я и говорю, ваше превосходительство, не фартовые. Со стороны затесались. Хабар сдают только одному маклаку с Никольского рынка. А на встречу с ним главарь всегда приходит в наклеенной бороде.

Благово несколько секунд молча смотрел на Бутцефала, потом сказал задушевным голосом:

– Вильгельм Фёдорович. Вы отношение про извозопромышленника подготовьте, пожалуйста, не на имя градоначальника, а на имя статского советника Виноградова. И не за подписью директора департамента, а за моей.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – удивлённо пробормотал надворный советник.

– И побыстрее. Также переписку всю по этой новой банде – литографируйте, и мне на стол. Как маклака зовут, кто жертвы, список похищенного, ежели имеется. Чем больше напишите, тем лучше. Пора уже этих ребят и за пищик брат...

Спустя шесть часов Кира Студнёва, торговца старьём с Никольского рынка, вызвали в участок для продления вида. Тот ушёл на полчаса – и исчез. К удивлению старьёвщика, его в закрытой карете доставили, вместо Спасской части, в Военную тюрьму на Компанейской улице. Там два суровых ефрейтора отодрали его плетьми, как сидорову козу. Ничего не объясняя и ни о чём не спрашивая. Когда после этой процедуры в комнату вошёл осанистый генерал со страшным, испепеляющим взглядом, Студнёв уже был готов сознаться в чём угодно. Представленный ему фотографический портрет офицера он сначала не признал, но когда прямо на карточке офицеру пририсовали бороду, тут же сообразил:

– Он, ваше превосходительство! Четыре раза мне купоны приносил! И из имущества ино чево: бурнус со стеклярусом ношеный, селебряная мыльница, портсигар кожаный ношеный и золотые очки. Одно очко разбито...

Это были вещи отставного майора Нирода, ограбленного и убитого неизвестными два месяца назад.

Вечером штабс-капитан Панюхин был арестован. При тщательном обыске в его квартире за кухонной плитой вскрыли тайник, не

обнаруженный Сенаторовым при первом осмотре. В тайнике нашли одиннадцать тысяч рублей из тех, что были отобраны у артельщика. Под давлением улик налётчик в офицерских погонах выдал своих сообщников. Ими оказались два запасных рядовых пехоты, служившие прежде во взводе у Панюхина, а ныне петербургские обыватели. Военный министр Ванновский в крайнем смущении поехал в Гатчину докладывать о вопиющем происшествии государю.

Енгалычев же не скрывал перед своим бывшим одноклассником разочарования.

– Ты, Паша, видно, одних лишь уголовных ловить умеешь. Ну, улучшил полицейскую статистику… А толку? Шпиона-то не нашёл!

– Подбери фалы, Ваня. Я тебе список подозреваемых вдвое сократил. Что, мало? Ладно, уговорил – будет тебе и шпион.

Глава 17

Разгром в столице

День у полового Ивана Иванова не задался с самого утра. Трактир «Бессарабия» на Большой Посадской улице открылся, как положено, в десять часов. Тут же, словно дожидался, зашёл «барин на вате» и занял лучший стол! Половые очень не любят этот сорт посетителей – с претензией, но без денег. Просидит такой полдня, а счёт ему подадут на тридцать копеек... Обычно прислуга начинает выживать незваного клиента. Так и сейчас: на требование чаю Иванов подчёркнуто грубо ответил, что плиту ещё не разогрели. И добавил:

– Вы бы, сударь, шли от нас в извозчиков трактир. Тут неподалёку, в Певческом. У них чай с утра до вечера; а у нас весёлые господа, они кушать и вино пить приходят. А не воду хлебать...

Как и ожидалось, «барин на вате» ответил:

– Я подожду, покуда плиту разожгут. Дай-ка мне, что-ли, газету.

– Про вашу честь у нас газет не запасено, – отрезал половой и отошёл к стойке. Но тут же побежал обратно к двери, навстречу новому посетителю:

– Чего изволите, сударь? Вина можем доставить пулею, и закуски – холодный стол уже открыт.

Вошедший, судя по крикливой жилетке и напомаженным волосам, Пажеского корпуса не оканчивал. Тем и лучше в трактире-то... Окинув весёлым взором пустой зал, дядя выбрал место у окна, плюхнулся на стул и ткнул пальцем в «шестёрку»:

– Только не говори, что ты – Иванов.

Половой сделал уморительно-виноватое лицо:

– Как есть Иванов, ваше степенство. Такая уж планида.

– Ха! – посетитель бесцеремонно хлопнул себя по ляжке. – Опять я угадал! Во дела... Ну, ладно. А звать тебя как?

– Иваном, ваше степенство.

– Экая ты, братец, скотина. Иван Иванов... Повеситься можно с такими именем-фамилией. А повесишься, так в газете пропечатают: «Удавился Иван Иванов». То-то будет смеху. А?

Половой кротко молчал, ожидая заказа. Всё лучше, чем ватошный барин; а при расчёте и за обидные слова с него можно слупить...

– Да. Тут звучало слово «водка». Хорошее слово, лучшее в великом русском языке. Принеси-ка мне, Иван Иванов, кошелевки графин.

– Слушаюсь, ваше благородие.

– Т-э-эк... Это главное блюдо... А к нему спроворь холодной осетрины, селёдочки с лучком и, само собой, вятского рыжика. Имеется?

– Так точно, ваше высокоблагородие, из самих Котельничей возим.

– Это ист гут, как говорят немцы-перцы. Чем ещё ублаготворишь, Иван Иванов? И ещё скажи – почему я тебя раньше здесь не видел? Новенький, что-ли?

– Второй день токмо, ваше высокоблагородие. На испытание взят. А вот рябчиков в майонезе не изволите заказать? И картофельный салат у нас хорош, господа всегда хваляют.

– Во! Молодец, «шестёрка», правильно живописуешь. Тащи всё бегом-бегом, одна нога здесь, а вторая там. Ежели понравишься мне – не обижу!

Половой убежал на кухню, а когда вернулся с рюмкой и графином, вдруг увидел, что весёлый господин уже подсел к ватному барину и о чём-то с ним тихо беседует.

– Ещё рюмку и прибор, да живо у меня!

Через два часа, выпив на двоих осмыху^[95] кошелевки и съев большое количество закусок, новые приятели удалились. Иван Иванов получил сatisfaction за перенесённые унижения – обсчитал весёлого барина на рубль семьдесят семь копеек. Как только дверь за гуляками закрылась, он стёр с лица гримасу подобостраствия и быстро прошёл на кухню, где доложил господину весьма крепкого сложения:

– Ушли.

– О чём удалось услышать?

– Они переменяли разговор, как только я подходил. Получилось разобрать только обрывки.

– Давай обрывки.

– Легализация, Кнопп, двести фунтов, корабельная артиллерия, передать посылку, квартира не должна долго пустовать, Шура.

– Шура? С ударением на последний слог?

– Так точно. Возможно, имелась в виду Темир-Хан-Шура?

– Ещё как возможно. Именно там сейчас Лыков по горам лазит. Всё?

– Из слов – всё. У Тейле при себе револьвер.

– А Кановцев?

– Кажись, пустой. Разве к ноге привязал...

Раздалось вежливое покашливание, и в дверях появился хозяин трактира:

– Господин Мукосеев! К вам человек.

– Пусти.

Вошёл старший филёр Пестов.

– Ваше высокоблагородие, Кановцев идёт домой. Тут ему три квартала всего. Выпимши сильно; по сторонам и не глядит. А Тейле часто проверяется! Очень осторожный. Как бы не учゅял...

– Вас для этого и отрядили шестерых! Меняйтесь чаще, переодевайтесь. Иди. Головой отвечаешь!

Филёрская группа Летучего отряда Департамента полиции взяла под наблюдение унтер-офицера Ерёменко вчера утром. В обеденное время писарь встретился в буфете Варшавского вокзала с облезлым господином в потёром пыльнике, и что-то ему передал. Господина быстро опознали. Им оказался некий Кановцев, бывший коллежский секретарь, выгнанный за взятки из акцизного ведомства. Сыскная полиция числила за ним всякие мелкие проделки. Лжесвидетельства на бракоразводных процессах, присвоение чужого звания, и даже нанесение передаточных надписей на «бронзовые» векселя... Кановцева стали вести. На углу Садовой и Вознесенского он дал прикурить какому-то франту в пёстром жилете. Филёру повезло: он оказался близко и услышал вполголоса брошенное слово «Бессарабия». К франту тут же приставили «хвост», и тут агентам Летучего отряда повезло вторично. По воле случая, этим «хвостом» оказался именно Пестов, старший группы наружного наблюдения. Попадись кто другой – он провалил бы операцию. Многоопытный Пестов быстро заметил, что «франт» ведёт себя высокопрофессионально. Он использовал зеркальные витрины магазинов и подворотни так, что делал слежку за собой положительно невозможной. Старший филёр принял самостоятельное и рискованное решение: не дожидаясь провала, прекратить вести объект. Следить только за беззаботным Кановцевым и приготовить группу слежения в «Бессарабии». С вечера там дежурили новый половой «Иван Иванов» и ещё два филёра.

Благово решение Пестова одобрил. Старшему филёру показали сорок шесть альбомов с фотографическими портретами уголовных, и он не опознал среди них «франта». Тогда Павел Афанасьевич под большим секретом отвёз Пестова в Военно-Учёный комитет, и там агент подробно описал Енгалычеву наружность неизвестного. Генерал порылся в железном ящике и извлёк оттуда кусок картона.

– Этот?

– Так точно, ваше превосходительство: он.

– Рехнуться можно... – пробормотал несолидно директор канцелярии

ВУК. – Сам Тейле объявился... Думал, никогда его больше не увижу. Вы учтите, что зверюга ещё тот, слежку чует за версту.

Благово отправил Пестова в коридор, и когда генералы остались одни, сказал:

– Колись, Ваня, что за зверь такой. Одно дерымо хлебаем.

– О-хо-хо... Ложки разные, а дерымо одно, ты прав. Мартин Тейле. Полунемец-полуфинн. В турецкую войну служил начальником передвижного телеграфного пункта в корпусе Гурко. Был разоблачён, как турецкий шпион. При попытке ареста застрелил двух жандармов и бежал в Румынию, где и исчез. Его перекупили англичане. Тейле закончил их секретную шпионскую школу в Лидсе и стал тайным курьером. Нам известно о четырёх его посещениях России; возможно, их было больше. В восемьдесят третьем при задержании убил помощника делопроизводителя ВУК подъесаула Власова. Хороший был офицер... Тейле снова скрылся, и с тех пор больше мы о нём не слышали.

– Опасный?

– Очень. А ещё хитрый, смелый, наблюдательный, осторожный. А гляди ж ты, вернулся!

– Арестовать твоего Мартына?

– Если пупок не развязется. Попробуй поводить его по городу. Тейле всего лишь курьер, хоть и высокого ранга. Интересны его связи. Если заметит слежку – сразу бери. Предупреди людей. Пусть стреляют! Лучше в ногу, но можно и в голову – заслужил.

Поэтому утром возле трактира «Бессарабия» дежурило уже шесть агентов при двух экипажах, в одном из которых было костюмно-гримёрное депо. Руководить операцией Павел Афанасьевич поставил самого надворного советника Мукосеева, начальника Летучего отряда. Вице-директор остался ночевать в своём кабинете. Выспался он плохо, встал поэтому раздражённый и старался не покидать здания департамента в ожидании новостей.

Мужчина в ярком жилете не спеша шёл по Александровскому парку. От него разило водкой, он курил папироску и фальшиво насвистывал «Стрелка». Зеркальных витрин в парке не предвиделось, гуляка не оглядывался, не завязывал шнурков и, казалось, вёл себя беззаботно. Вдруг он подошёл к группе парней в грязных фартуках, пивших на скамейке пиво. Сказал им несколько слов, сунул одному в руку бумажку и пошёл дальше. Парни, на вид хулиганы, принялись о чём-то спорить. Агент Ветошников, следовавший за Тейле на удалении пятидесяти саженей, заподозрил недоброе. И действительно, как только он поравнялся с парнями, те вдруг

молча и беспричинно набросились на него и начали избивать. Получив сильный удар в лицо, Ветошников упал. Его принялись молотить ногами... Наконец, закричала женщина, следом раздался полицейский свисток, и хулиганы убежали в сторону Сытного рынка. Агент с трудом поднялся. Из разбитой губы хлестала кровь, несколько рёбер, видимо, были сломаны. Сзади подбежал помощник – агент Майгородов, который и дал спасительный свисток.

– Иди за ним, – отмахнулся от предложения помочи Ветошников. – Я уж сам. Заметил он меня!

Слежка за Тейле превратилась теперь в погоню. Деваться ему, казалось, было некуда. По Кронверскому проспекту ехал экипаж с двумя филёрами, по шоссированной дорожке парка – второй экипаж с Пестовым; Майгородов поджимал шпиона пешком. Между тем, Тейле ускорил шаг и шмыгнул в балаган восковых фигур, расположенный возле цирка госпожи Рост. От проспекта немедленно выдвинулся агент Попов и стал у чёрного хода балагана. Через минуту он доложил старшему филёру:

– Перебежал в Зоологический сад.

– Ловко! Ты иди с Майгородовым туда, я здесь останусь, а твой напарник пусть едет по проспекту вперёд и встаёт у западного выхода.

Однако замысел Пестова не удался. Вскоре из ворот зверинца выбежал Майгородов и прыгнул в экипаж:

– Гони в объезд! Он через ограду перескочил.

– Попов где?

– Следом побежал.

Пролётка на бешеной скорости вылетела из ворот парка, что напротив Введенской, и повернула налево. Вскоре на углу Кронверкского проспекта и Татарского переулка филёры увидели своего товарища: тот сидел на тумбе и, как будто, отдыхал. Когда подъехали поближе, обнаружилось, что Попов держится за левый бок, а между пальцев у него вытекают алые струйки крови.

– К Мытнинскому побежал... – сквозь зубы, с трудом, выговорил агент. – На Зверинской свернул... направо...

И повалился без сознания.

– Майгородов, останься с ним, перевяжи, – приказал старший филёр. И сильно ткнул возницу в спину. – Гони!!:

Все дальнейшие усилия сыщиков ничего не дали: Тейле как в воду канул. Два экипажа с оставшимися в строю агентами перешерстили весь район между Большим проспектом и Малой Невой. Наконец Пестов звериным чутьём взял след. Он завалился на пристань у Тучкова буяна,

показал кассиру полицейский билет, а затем карточку шпиона.

– Был таковой?

– Были, – уверенно ответил кассир. – Убыли на Кронштадт. Водкою от них разило – страсть!

Из Департамента полиции полетела телеграмма на остров Котлин, но Благово сделал это больше для проформы. Он сразу заявил Енгалычеву:

– Не полезет ваш Тейле в мышеловку. На острове ему спрятаться негде.

Вице-директор не ошибся. Среди пассажиров парохода, встреченного в Кронштадте полицией, шпиона не обнаружили. На вопрос капитану, ссаживал ли он кого на берег, тот покаялся:

– Было дело. Херый^[96] один забузил. Выпусти меня, говорит, на Гутуевом острове, и всё! Приятель у него там, вишь-ли, служит; сюприз решился ему сделать. Приятелю.

– И ссадили?

– Так он сотельный билет давал! Как тут не ссадишь? Пьяный, денег без счёту. По-надле Морского каналу и ссадил.

Енгалычев успел распорядиться выставить возле британского посольства засаду, но Тейле в неё не пришёл. Миновали сутки. В больнице, не приходя в сознание, скончался агент Попов. О совместной операции Департамента полиции и военных пришлось доложить министру внутренних дел. Благово получил от начальства нагоняй, но отнёсся к нему равнодушно – его намного больше расстроила смерть филёра. Действительный статский советник заявил на Адмиралтейский проспект, 12^[97] и спросил у хмурого, тоже не выспавшегося Енгалычева:

– У посольства по прежнему?

– Да. Пусто.

– Где собираешься его искать?

– Город большой... А ты что бы посоветовал?

– Насчёт Кноппа не думал?

Енгалычев нахмурился.

– А ты ведь прав. В «Бессарабии» они об нём говорили!

– Расскажи мне про эту личность.

– Ну... там уже целое семейство этих Кноппов наплодилось. А началось всё с Людвига. Он приехал в Россию в 1840 году и основал известный торговый дом. Сейчас дедушка уже старенький, живёт под Бременом в замке Мюленталь. В России бывает лишь наездами. Здесь он сильно разбогател, стал бароном. А ведь сын торговца табаком и дочери

красильщика! Сейчас Кнопп владеет контрольными пакетами акций в десяти предприятиях, и ещё в пятнадцати состоит крупным акционером. Высоковская, Вознесенская, Екатерингофская, Кексгольмская мануфактуры, Московский купеческий и Учётный коммерческий банки, Андреевское торгово-промышленное товарищество. Дедушка Людвиг контролирует всю доставку хлопка в Россию, ввоз всех станков для текстильной промышленности, да и почти всю эту самую промышленность.

– А откуда у него такие деньги?

– Добрые люди помогли. Скажем так: через Кноппа британский капитал влияет на нашу купеческую среду. Чтобы хлопок брали только американский, а станки покупали только английские. И чтобы не совались, куда не надо. Например, на азиатские рынки.

– Понятно. А шпионство?

– И шпионство, конечно. Но так, что не подкопаешься. Из русских Кнопп выбирает в компаньоны исключительно старообрядцев: Хлудовых, Солдатенковых, твоих любимых Морозовых. Им и кредит, и скидки...

– Чего же в этом плохого? Наши, русские капиталисты. Какая разница, как они крестятся – двумя перстами, или тремя? И кредит – дело полезное...

– Ты не задумывался, почему это одним кредит, а другим – хрен с мылом?

Благово желчно рассмеялся:

– Что, Ваня, ты уже и Хлудова с Морозовым в шпионы записал? Лечиться тебе надо.

– А некогда пока. Ты хоть знаешь, что твои любимые беглопоповцы даже слова «Россия» в разговорах не употребляют? Перекашивают их от этого слова. Говорят: «Палестины». Эвфемизм у них такой. Морозовы все в Англии учились. Викула Елисеевич на острове годами живёт, совсем своим там заделался. У Тимофея Саввича прозвище Англичанин. А у Михаила Абрамовича – Джентльмен. Неплохо? Арсений Иванович, твой конфидент, по-английски шпарит без малейшего акцента. И думает тоже по-английски.

– Это что значит?

– Это значит, Паша, что всё не просто так. Особливо скидки с кредитами. Головка беглопоповцев, как тебе известно, проживает в Австро-Венгрии, в Белой Кринице. И поддерживает тесные отношения с разведочным отделом австрийского Генерального штаба.

Благово окончательно разволновался:

– Иван! Опомнись. Ты точно в своём уме? Старообрядцы – шпионы?

Враги России? Они, конечно, многим недовольны в державе, и понятно, почему. Их прижимают, ограничивают в правах, не позволяют свободно отправлять свои обряды. Это самую инициативную часть населения! Становой хребет русской промышленности и торговли. Ты желаешь его пересибить, что ли? У тебя просто мания развивается от чрезмерного служебного рвения! Одни шпионы вокруг мерещатся.

– Пойми. Тут всё тоньше. Прямого шпионства чаще всего нет. Но есть не менее опасная вещь: влияние. Идёт тихая, незаметная, ползучая экспансия. Как из Лондона, так и из Берлина. Своих свободных капиталов у русских, как ты знаешь, нет. На этом и ловят! Дают кредиты, и даже дешёвые, и даже весьма охотно. Вот только не за просто так. Указывают, у кого покупать станки, у кого хлопок, какого управляющего взять на фабрику. То есть, привязывают к себе очень крепко. Конкретно Кноппы этим очень славятся: в оплату поставки берут у наших купцов не деньги, а пакет акций. И те, дураки, радостно соглашаются. Что выходит? В совете директоров командуют англичане, и управляющий англичанин. Купцу делать уже ничего не надо – сиди да пей водку и получай дивиденды. Мишка Хлудов вон уже и дорогу на свои фабрики забыл – зачем ему? Фабрики только называются русскими, а сами давно уже чужие. Я, как человек, поставленный государем охранять наши национальные интересы, считаю такое положение опасным. Представь себе, что завтра начнётся война. Хоть с немцами, хоть с британцами. По сигналу из-за границы управляющие-иностранные закроют фабрики. Причём, в полном соответствии со своими полномочиями. Предлогом сделают какой-нибудь кризис, который сами же для этих целей и придумают. Десятки, сотни тысяч рабочих, враз оставшихся без средств к существованию, куда пойдут? В Сент-Джеймский дворец, что ли? Нет, они направятся на Дворцовую площадь. А что может сделать правительство? Поставки сырья прекратятся по той же невидимой команде. Кредиты остановят. Запасные части к станкам застрянут на таможнях. Всё, катастрофа! Ты думаешь, я тебе страшилку детскую рассказываю? Нет. Такой план уже пишется, причём, сразу в двух местах – Лондоне и Берлине.

– Пусть даже ты прав – но при чём тут старообрядцы?

– А у них интересы совпадают. Пока. Морозовы твои только и мечтают, что о парламенте да республике. В которой они станут правящим сословием. Свобода религии, свобода слова, представительские органы власти... Дурни. Россия может быть сильной только под властью самодержавного монарха. Как только эту конструкцию станут менять – России конец! На волне пугачёвщины поднимется всякая грязная pena,

такая, что смоет и нас с тобой, монархистов, и их, республиканцев. Ты читал рассуждения немца Маркса про диктатуру пролетариата?

– Слышал, но не читал. Какое отношение эта теория может иметь к России? Мы крестьянская страна, и будем ею ещё долго.

– Понадобится – насилино пришьют. И денег дадут, чтобы появились «пролетарские» партии. Сильная развивающаяся Россия никому не нужна, кроме нас с тобой. Да ещё небольшого количества порядочных людей. Либералы, льющие помои на самодержавную власть, хуже любых шпионов...

– Скажи, Иван, ты действительно считаешь, что ничего в стране менять не надо? Ты всем доволен?

– Только дурак может быть доволен тем, что твориться сейчас в России. Конечно, нужны большие переделки. Но какие? По чьему образцу? Согласись, что тут нужна особенная аккуратность.

– С этим соглашусь. Реформы в России могут быть успешными, только если они проводятся сверху. Иначе пугачёвщина. Но вернёмся к Кноппам. Поехали?

– Да. Ты прав – нужно срочно обыскать их контору и склад.

Но генералы опоздали. Пока окружной прокурор выписывал постановление на обыск, со складов общества «Л.Кнопп и К°» выехали ломовые дороги, гружёные длинными сосновыми ящиками. Багаж без помех прибыл в британское посольство. Карабульщик склада на Калашниковской набережной подтвердил, что человек в яркой жилетке сутки прожил в комнатке старшего приказчика. Много курил. А наутро исчез, хотя в ворота не проходил...

– Он в посольстве, – констатировал Енгалычев. – И очень скоро его попытаются вывезти с дипломатической почтой.

Генерал не ошибся. Уже на следующий день на таможне появился большой, обитый по углам белой жестью, сундук. Он был опечатан сургучом британского посольства и потому не подлежал вскрытию.

Енгалычев в сопровождении штабс-капитана Сенаторова и двух унтер-офицеров прибыл на таможенный пункт. Возле сундука уже стояли начальник пункта статский советник Фохт и первый секретарь английского посольства Мак-Кулох. На впалых щеках дипломата горел нервный румянец.

– Вот он, голубчик. Попался! – сказал генерал, обращаясь к соотечественнику.

– Кто попался, Иван Филиппович? – спросил недоуменно Фохт.

– А шпион британский, по фамилии Тейле. Второго дня, убегая,

зарезал филёра Департамента полиции. Сейчас оттуда их вице-директор явится.

– Я протестовай против этого клевета! – вмешался Мак-Кулох. – Мы будем подавайт нота!

– А я ответственно заявляю, что Тейле там. Вскрывайте сундук, Сергей Францевич.

– А разрешение Министерства иностранных дел у вас есть?

– Нет. Гирс, собака, струсили. Не дал.

– Чего же вы тогда хотите от меня? – изумился таможенник.

– Чтобы вы вскрыли этот сундук.

– Как же я могу? Помилуйте! Меня со службы турнут без пенсии, и правы будут. Неприкосновенность дипломатического багажа утверждена Венским конгрессом 1818 года.

– Значит, никак, Сергей Францевич?

– Никак, Иван Филиппович. Извините. Будь там хоть десять шпионов – не имею права. И вам не могу позволить – здесь я начальник.

Раздались торопливые шаги, и на складе появился запыхавшийся Благово.

– Не опоздал? – спросил он у всех сразу, здороваясь общим кивком.

– Они, Паша, мне его не отдают, – грустно сообщил ему Енгалычев. – Неприкосновенность дипломатического багажа.

– А что Гирс?

– Обделался Гирс. Он всегда англичанишек боялся. Но...

Енгалычев расправил крепкие плечи, вытаращил глаза и грозно повёл усами.

– Но я человек военный, и просто так этого не допущу. Чтобы шпионы и убийцы безнаказанно из России убегали. Сенаторов!

– Здесь, ваше превосходительство!

– Дай-ка мне свой револьвер.

Штабс-капитан на секунду замешкался, но потом торопливо снял с шеи шнур, вынул из кобуры «смит-вессон» и протянул его генералу.

– Что вы задумали, Иван Филиппович? – опешил Фохт. – Это ж какой скандал будет...

– Я протестую самым энергическим образом, – быстро сказал Мак-Кулох без малейшего акцента. – Сент-Джеймский двор этого не допустит.

– А как он этого не допустит? – с ухмылкой поинтересовался Енгалычев.

– Мы пришлём такую ноту... такую, что вас отдадут под суд! Отношения между нашими государствами обострятся до предела!

– Из-за одного дрянного шпиона? Ха-ха! Присылайте. Бумага у вас хорошая – будет чем подтереться...

Генерал шагнул к сундуку и взвёл курок. Сразу стало очень тихо. Фохт попытался вырвать револьвер, но Сенаторов грубо оттеснил статского советника. Британский атташе продолжал возмущаться. Тогда унтер-офицеры взяли его под руки и просто переставили на пару саженей в сторону.

– Кулох! Велите ему выходить. Я не шучу!

Британец стоял, глядя в землю, и щёки его горели румянцем чахоточного.

– Ну?

Благово пнул сундук ногой:

– Вылезай, тварь! У нас смертной казни нет, пойдёшь на каторгу. Иначе Енгалычев пристрелит тебя без церемоний.

Никто не отозвался изнутри.

– Самый последний раз говорю: вылезай! – рявкнул генерал и прислушался. – Нет? Ну тогда получи!

И четырежды выстрелил в середину сундука. Изнутри раздался сдавленный стон. Мак-Кулох не выдержал и зарыдал в истерике. Фохт молча крестился, губы его дрожали.

– Я....я... рапорт на имя... – пробормотал он.

– Да будет вам, Сергей Францевич, – будничным голосом сказал директор канцелярии ВУК. – Багаж не вскрыли? Не вскрыли. Печать цела? Цела. О чём рапорт-то? Ну, повредили немного тару. Пустяк. Эй! Грузите. Куда нести-то, мистер Мак?

Унтер-офицеры отпустили британца, подошли к сундуку и подняли его на руки. Из щелей на пол обильно лилась кровь.

– Погодь! – скомандовал генерал. Подошёл поближе и смачно харкнул на крышку. – Вот! Это тебе за Власова.

Благово приблизился и тоже плонул:

– А это за Попова.

– Теперь несите. Привет Сент-Джеймскому двору!

Генералы – статский и военный – удалились вместе. По дороге в департамент, в коляске, Павел Афанасьевич спросил:

– Ерёменко раскололся?

– И Ерёменко, и Кановцев. У последнего брат, оказывается, служит в Дербенте на телеграфе. Через него и пересыпалась сведения Лемтюжникову. Так что, барон оказался прав: тот знает всё о походе.

– Надо предупредить Таубе!

– Поздно. Отряд уже возле горы Эдрас. Молись Богу, Паша...

Глава 18

Покушение

Когда Таубе и Лыков выехали из Гуниба, уже начало смеркаться.

– Не пойму, зачем Лемтюжников прислал нам своё письмо, – громко рассуждал Лыков, ведя Мухаррама ровной рысью бок о бок с бароном. – Не допускал же он, что мы действительно явимся вдвоём к перевалу! Просто решил напустить туману?

– Есть одно объяснение, менее приятное, – ответил Таубе, на скаку вынимая из чехла «винчестер». – Лемтюжникову нужно было выманить нас с тобой из аула.

Под ложечкой у Алексея засосало. Он быстро нагнулся, но успел только взяться за цевьё «берданы», как впереди грохнул выстрел. Пуля прожужжала как шмель и чиркнула сыщика по плечу. Таубе вскрикнул за его спиной. Лыков с похолодевшим сердцем повернулся – барон в струнку выпрямился в седле, схватившись за шею.

– Прячься! – скомандовал Алексей. Они укрылись под нависающей скалой и прислушались. Далеко впереди стучали копыта одиночного коня.

– Уходит на Телетль. Скоро стемнеет; не догоним. Ты как? Он попал в тебя?

– Крови нет, – ответил Таубе, рассматривая ладонь. – Ударило по касательной.

– Айда в Карадах!

Манежным галопом друзья помчались в аул. Сумерки стремительно сгущались. Внезапно Таубе захрипел и повалился на холку своей кобыле. Тут же оправился, остановил бег, торопливо расстегнул крючок воротника и принял осторожно тереть шею в месте удара.

– Что произошло? – подскакал встревоженный Лыков. – Жжёт или ноет? Лучше бы жгло...

– Шея стала опухать. Будто петлю на горло накинули...

– Быстрее в аул, к докторше!

Они снова понеслись вперёд. Алексей шёл теперь на рысях позади подполковника и не спускал с него глаз. Вскоре тот бросил поводья, схватился обеими руками за горло и стал валиться на бок. Сыщик успел подхватить его сзади за шарф, но слабая ткань лопнула. Тогда он обнял друга, одним рывком выдернул его из седла, посадил перед собой и ещё

пришпорил абазинца. Виктор хрюпал и прерывисто дышал; он был без сознания. Лыкову пришлось удерживать его левой здоровой рукой, а правой вести коня. Жеребец начал под тяжестью двух седоков замедлять бег. Тогда Алексей встал на секунду, мгновенно обрезал кинжалом торока и сбросил свои чемоданы на дорогу. А потом так жахнул Мухаррама плетью, что тот в один миг домчал до аула.

Лыков осадил коня перед домом Атаманцевой, соскочил с седла, подхватил валящегося барона на руки. Одним ударом ноги выбил калитку, ворвался на двор и принялся молотить сапогом по входной двери.

— Лидия Павловна! Скорее открывайте, это я, Лыков! Лидия Павловна! Очень срочно!

В доме зажглась свеча, дверь распахнулась и показалась Атаманцева в ночном капоте.

— Алексей Николаевич, это вы? Что случилось?

Лыков оттеснил хозяйку плечом, ворвался в тёмный дом и ринулся по памяти в смотровый кабинет. Растряянная докторша бежала следом и светила. Сыщик положил друга на кушетку.

— Кто это? — Атаманцева поднесла огарок. — Барон! Что случилось? Он ранен? Я не вижу крови.

— Контузия в шею. Не понимаю, как пуля могла ударить в мышцу, но не пробить её. Видимо, стреляли из старого ружья, ещё гладкоствольного. То-то пуля так жужжала... Гортань опухает и сжимается, он теряет возможность дышать. Быстрее! Я видел у вас днём пиявок!

«Жевешка» поняла его с полуслова. Она бросилась к окну, схватила большую банку с плавающими в ней пиявками и запустила туда руку.

— Так... пять... Нет, лучше шесть! Посветите мне.

Быстро и без суеты Атаманцева поставила барону шесть крупных пиявок на правую сторону шеи. При свете стало заметным большое красное пятно в месте касания пули. Шея сильно распухла. Подполковник лежал на боку и с трудом дышал. Из горла его вылетали чуть слышные хрипы и свисты. По лбу, высокому и чистому, беспрерывно катились капли пота. Бледное красивое лицо стало быстро синеть и приобрело новое, скорбное выражение. Из барона уходила жизнь...

Атаманцева кинулась во внутренние комнаты. Лыков стоял на коленях перед кушеткой.

— Виктор! Виктор, держись! Дыши, дыши сколько есть сил! Продержись всего десять минут, и пиявки сделают своё дело. Не умриай, слышишь?

Откуда-то вынырнула «жевешка». Она подложила барону под другую

сторону шеи свёрток со льдом, потом обняла Лыкова и силой оттащила его к стулу. Усадила, сунула в руки стакан и приказала:

– Пейте!

Тот машинально выпил – оказалось, в стакане был спирт.

– Сидите и молитесь. Больше ничего сделать нельзя. Он или выживет, или умрёт... Если ваш барон продержится ещё четверть часа, то всё обойдётся.

– Ещё как продержится! – без всякого сомнения заявил коллежский асессор. – Он из таких передряг выскакивал!

И тут же ударил себя кулаком по лбу:

– Ну зачем мы поехали в этот Гуниб! Ну зачем он так поздно догадался про засаду!

– Тихо! – одёрнула сыщика докторша. – Будьте мужчиной!

Алексей замолчал, потом подкрался к Таубе и прислушался к его дыханию.

– Он дышит. Едва-едва, но дышит!

Атаманцева опять оттащила его от кушетки.

– Поймите же: вы создаёте излишнее тепло, а ему сейчас нужен холод.

Они молча сидели напротив Таубе и не отрывали от него глаз. Алексей покосился на Лидию Павловну. Капор на ней распахнулся, сорочка съехала с плеча, обнажив грудь, но сыщика это нисколько не заинтересовало... Наконец, синее лицо барона начало снова бледнеть, а затем и розоветь. Потом он вдруг кашлянул и принялся жадно хватать воздух полным ртом. Две пиявки слетели с шеи больного. Атаманцева тут же подскочила и поставила на их место новые. Подполковник открыл глаза.

– Лидия Павловна... Чудо... Где я?.. Где Алексей Николаевич?

– Я тут, – вышел из-за плеча докторши Лыков. – Ты уже разговариваешь. Значит, всё в порядке!

Таубе с трудом поднял руку, потрогал шею под правым ухом.

– Что у меня там? Липкое...

– Не тормоши их. Это пиявки.

– Кто?

– Пиявки, Виктор Рейнгольдович, – пояснила Атаманцева. – Они вам жизнь спасли. Опухоль сняли. Уменьшается прямо на глазах. Часа через два уйдёте отсюда на своих ногах. Я не знаю, откуда Алексей Николаевич знает этот способ, но он вас с того света вытащил. Ещё бы пятнадцать минут, и было бы уже поздно.

– У нас в батальоне так поручика одного спасли, под Кобулетом. Я сегодня днём был у вас на перевязке, увидел банку и вспомнил. А если бы

вы меня сюда не вызвали, не знаю, сообразил бы в той суете...

– Пиявки... Какая гадость... – прошептал барон. – Я их с детства боюсь.

Лыков с докторшей одновременно рассмеялись; Таубе тоже улыбнулся.

– Ну, они уже глазки строят, – сказал сыщик. – Лидия Павловна! Оставляю вам этого симулянта. Делайте с ним что хотите. Клизма, говорят, хорошо помогает от контузий... В Пятигорске с началом войны ходило немало таких офицеров; в народе их называли «сконфуженные». А мне нужно идти.

– Куда же вы, Алексей Николаевич?

– Разбираться, кто нас так подставил. А вы, извините, пока бы оделись. А то барон сейчас придёт в себя и... Я за него не ручаюсь!

Атаманцева со смехом выгнала коллежского асессора на улицу. Он быстро добрался до этапного двора, спросил стоящего на часах казака Одинцова:

– Господа офицеры все на месте?

– Господин подполковник вот как с вами уехали, так боле и не появлялись. Прочие все тута.

– Кто-нибудь из них отлучался?

– Так точно. Ротмистр Даур-Гирей вернулись час назад.

– А остальные?

– Да, с обеда никуда не выходят, в карты режутся. Господин войсковой старшина, слышно, под два-на-сто рублей у господина капитана выиграли!

Лыков прошёл в ту часть караульного помещения, где стояли казаки, и приказал уряднику:

– Возьми с собой двоих, и факелы. Езжайте по дороге на Гуниб. Сыщите там лошадь подполковника Таубе. Ещё где-то на тропе лежат его «винчестер» и мои седельные чемоданы; их подберите.

– Что случилось, ваше высокоблагородие? – встревожился Недайборщ.

– Нас обстреляли по дороге в аул. Подполковник получил контузию в шею. Сейчас он у доктора. Опасности нет.

– Опять засада! – сжал крепкие кулаки урядник. – Не всех, значит, давеча перебили!

– Не всех. Ну, иди, возьми всё с тропы, покуда местные не растащили.

– Есть!

Недайборщ с двумя казаками уехали, а Лыков отправился в офицерскую половину. Артилевский и Ильин в одних рубахах сидели за столом. Перед ними стоял сосуд с кизляркой, валялись куски хлеба, сыра и смятые

банкноты.

– А вот и Алексей Николаич пожаловал! – обрадовался войсковой старшина. – Садитесь с нами. Будьте свидетелем переменчивости фортуны. Два часа кряду выигрывал я у Андрей Анатолича, и счёт подбирался уже к третьей сотне, как вдруг – фуй! – и ничего не осталось. Вот такие дела... Остаётся теперь только дрозда зашибать^[98]. Судьба-индейка, язви её так!

Он был под турухом^[99], но держался крепко. Глянул на коллежского асессора хмельными глазами и взялся за чупурку^[100].

– Совершим единоточие. Выпьете с несчастной жертвой обстоятельств?

– Десять капель разве...

Даур-Гирей сидел с краю стола и при свете фотогеновой^[101] лампы чистил свою винтовку.

– Что, Иса Бечирович, не любите оставлять нагар в стволе? – спросил его Лыков.

– Да выстрелил вчера всего-то раз, а отдраить потом поленился. Хоть сегодня приберусь. Оружие любит чистку, ласку и смазку!

– Я искал вас днём, и не нашёл. Куда-то ездили?

– В Телетль. Там живёт мастер Джамболат, который хорошо восстанавливает накладки. У меня отлетела одна с ножен кинжала, ещё на первой переправе. Хорошо хоть, совсем не потерялась. А где Виктор Рейнгольдович?

– Господа, подполковник Таубе получил контузию.

– Как контузию? Где? Куда? – все трое офицеров повскакали со своих мест.

– Нас обстреляли на обратном пути из Гуниба. Пуля ударила Виктора Рейнгольдовича по шее. Та стала опухать; пришлось заехать к госпоже Атаманцевой, поставить пиявки. Всё обошлось благополучно.

– Контузия в шею... – проворчал Артилевский. – У нас в семьдесят восьмом попало так поручику Лабынцеву. Из старого карамультука приложили, поэтому шею не пробило, а только контузило. Но ему хватило! Пиявок в походе, конечно, не оказалось и поручик задохся. Господа офицеры! Все немедля идём к Лидии Павловне.

Глава 19

Вверх по реке

– Значит, Ильин и Артилевский полдня играли в карты на глазах казаков, и с этапного двора не выходили?

– Совершенно определённо.

Лыков с Таубе прогуливались по узким улочкам аула в стороне от чужих глаз и разговаривали вполголоса.

– А Даур единственный отлучался...

– Да. И когда я вошёл к офицерам, раздумывая, как бы мне обнюхать его винтовку, ротмистр её уже дочищал. Но это всё равно не он. В тебя явно стреляли из гладкоствольного ружья. Знаешь, такие старые, однозарядные, на сошках. Пуля из Дауровской берданы пробила бы тебе шею навылет, а не оконтузила.

– Похоже, ты прав. А что насчёт истории с поездкой в Телетль?

– Никакого инобытия^[102]. Сегодня утром я сам туда прискакал, нашёл этого мастера Джамболата и расспросил его...

– На каком языке, Лёха? Ты же не знаешь аварского!

– Мы говорили на «балмаце»^[103]. Я его хорошо понимаю ещё с семьдесят восьмого года. Так вот. Старик подтвердил, что, да, был у него вчера молодой черкес. Мастерставил ему на кинжал накладку. Сколько времени ставил? Ну, может, час... Когда? Между вторым и третьим намазом. То есть, до захода солнца.

– Значит, ротмистр мог успеть и кинжал починить, и в меня выстрелить?

– Именно. Скажи мне, как Даур-Гирей оказался в военной разведке? И чем навлёк на себя подозрение?

– Ну, разведке на Кавказе такие люди очень нужны. Абадзехов, получивших наше военное образование, единицы. Редкий и полезный комбинат^[104]... Когда началась война, османы, как ты помнишь, сформировали из мухаджиров так называемые Хамидие – полки иррегулярной конницы. Основу их составляли именно черкесы. Дауру тогда было всего семнадцать лет, и он учился в Тифлисском кадетском корпусе. Нам требовался связник, не вызывающий подозрений. Наш агент сидел в Карсе под видом учёного-алима, толкователя китаба^[105]...

– Говорили, что когда наше войско пошло на штурм, в колоннах были

точные крошки и схемы всех казематов и фортов Карса.

– Правду говорили. План срисовал подъесаул... ну, это тебе знать не положено. А вынес его из крепости Даур-Гирей. Для этого мальчишке пришлось тайно проникнуть в Турцию и вступить там под чужим именем в Хамидие. У Даура орден Святой Анны третьей степени с мечами за это дело.

– Хм... В семнадцать лет?

– Да. Он получил офицерский чин и орден, ещё не доучившись в кадетском корпусе.

– Настоящий подвиг. Как же после этого вы смогли заподозрить Даур-Гирея в измене?

– Видишь ли, Алексей, разведка – особый вид деятельности. Человек вводится в ряды противника. Его невозможно контролировать, когда он на той стороне. Резидент вербует агентов, сам может притворно продаться врагу. А грань очень тонкая; все агенты-двойники ненадёжны. Большие соблазны... Турки или англичане готовы отдать огромные деньги, чтобы заполучить офицера такого калибра, как Даур-Гирей. А тут ещё личный мотив. Помнишь, что и, главное, как он рассказывал нам о смерти своих родителей? Ильин прав – ротмистр нам такого никогда не простит... Поэтому, когда началась утечка секретных сведений, на Даура не могло не пасть подозрение.

– А что за утечка? Какого характера? Как вы об этом узнали?

– Как-как! Сам догадайся.

– У вас в Константинополе свой человек?

– Нам сообщили: туркам стала известна полная дислокация русских войск в Дагестанской области.

– Только в Дагестанской?

– Да, но зато во всех деталях.

– А при чём тут Даур-Гирей? Он же служит в Тифлисе?

– Но курирует в штабе Кавказского военного округа именно Дагестан.

– Ну, пускай так. С ним понятно. Ильин – тоже. Всё-таки начальник секретного отдела областного управления. А Эспер Кириллович как оказался в вашем списке? Помощник начальника Гунибского округа. Не Бог весть какая фигура – в Дагестане ещё восемь таких округов. Почему именно Артилевский?

– Необъяснимо высокий доход – раз. Отмечены его тесные связи с турецкими коммивояжерами – два. Даур-Гирей объяснил нам это участием войскового старшины в контрабанде, но вдруг это лишь прикрытие? И шайка Малдая-Лемтюжникова вот уже два года благополучно квартирует

именно в Гунибском округе – три.

Разговаривая, они дошли до джумной мечети, которая по случаю пятницы была полна народу. Аварцы выглядывали из открытых настежь дверей и провожали кафиров неприязненными взглядами.

– Давай уйдём от храма; какие-то они недоброжелательные. Ты не считаешь, что нам нужно поговорить с офицерами по одиночке?

– О чём?

– Я скажу им: противник подозрительно много знает об отряде. Ему известны имена, маршруты, планы. Кто-то внутри изменник; как думаете, кто?

Лыков поёжился:

– Поганое у нас ремесло. Сродни отходникам^[106]. Понятно, что кто-то должен этим заниматься, но почему именно мы с тобой?

– В чистоплюи решил записаться, Лёха? – рассмеялся барон. – Поздно уже. А отмывают родину от деръма именно те, кто не боится, что к ним пристанет. Самые чистые, значит. А ежели ты кукомоя^[107], то за такое лучше не берись.

Какое-то время они шли молча, потом Лыков спросил:

– Ты как себя чувствуешь?

– Абсолютно здоров. Полон сил. Странная получилась контузия: вчера чуть не помер, а нынче бегаю, что таракан от керосина. Лиdia Павловна сказала, что я обязан тебе жизнью.

– А и хорошо. С тебя бутылка.

– Ещё она велела тебе напомнить, что ждёт на перевязку.

– Я не пойду.

– Что, рука уже зажила? – в голосе подполковника перемешались ирония и надежда.

– Рука в порядке, излечивается. Не пойду, и всё. Тогда смалодушничал, но больше себе этого не позволю.

– У тебя с ней что-нибудь было? В тот раз...

– Не было. Но потому лишь, что нам помешали. Liдию Павловну позвали к роженице, а то бы... Зато я увидел и запомнил пиявок, и это спасло тебе жизнь. Думаю, тут был Высший промысел.

Друзья опять замолчали. Минут через пять Таубе сказал:

– Знаешь, я, кажется, влюбился. Давно такого не случалось.

– А что же в этом плохого? Ты свободен, она тоже.

– Но, похоже, Liдию Павловна любит тебя.

– Это не любовь, Вить, а страсть. Скучно умной женщине в этой дыре,

вот она и напридумала себе... Поверхностно и ненадолго. Пройдёт. Не могу представить себе даму, способную устоять перед бароном Таубе. Кроме моей Вареньки, конечно!

Они рассмеялись, потом подполковник спросил:

– То есть, я могу рассчитывать?..

– Да. Сходи к докторше вместо меня. С этими контузиями опасно шутить. Я знаю такие случаи...

– Но Лидия Павловна заявила, что её врачебная помощь мне более не нужна.

– А ты прикинься! Тут болит, там покалывает. Тоже ведь весь израненный. Сними мундирчик, пусть она тебя прослушает. Мне ли тебя учить?

– Ежели я разденусь, то лишусь последних шансов. После твоих-то бицепсов, да мои мощи...

– А обаяние ума?

– Жаль. Жаль, что я не могу сейчас позволить себе влюбиться без оглядки. Впереди гора Аддала-Шухгельмеэр. Кто знает, как там всё обернётся? Лемтюжников сильный враг, и на руках у него козырь – изменник в составе отряда. Живы будем, на обратном пути...

Опрос офицеров не дал Таубе и Лыкову новых значимых сведений. Наиболее словоохотливым оказался Ильин. Он подтвердил, что Артилевский связан с контрабандой пряностями. Но занимался войсковой старшина этим, оказывается, с ведома военного губернатора князя Чавчавадзе! Поскольку контрабандисты использовались нашей разведкой для передачи донесений от русской секретной агентуры в приграничных районах Турции. Чавчавадзе, как человек восточный, лично санкционировал такую схему «почтовых ящиков». И запретил Ильину сообщать об этом тифлисскому начальству... Ещё Андрей Анатольевич рассказал, что Артилевский жуир, бабник и картёжник, но любим женщинами и друзьями. Да, лечится ртутью^[108] – что ж такого? Ошибки молодости. Капитан снова высказал подозрение в адрес Даур-Гирея.

– Он прикидывается обычным фарсёром с чувством собственного довольства. Эти бесконечные намазы, во время которых целый отряд вынужден его дожидаться. Это высокомерие к русским. Постоянное напоминание о нашей вине... Но всё глубже. Создав себе удобную маску, Даур-Гирей прячет за ней хитрость и коварство. Заметьте: вечерами он беспрестанно где-то пропадает. То для встречи с агентом, то для починки кинжала. Характер же службы у ротмистра таков, что он может разъезжать

по всему Кавказу! Имеет доступ к секретным сведениям. Тёмная личность...

Артилевский на расспросы Таубе ответил коротко, что шпионить за своими не обучен. И предоставляет заниматься этим начальнику отряда вместе с полицейским чиновником... Причём сказал он это без высокомерного жеманства, а просто, даже со смешком. Увольте, мол, и всё...

– Но вы признаёте, что имеет место измена? Противнику о нас всё известно.

– Вы, барон, для чего-то сгущаете краски. Была измена, пока не открыли предателей-лезгин. А после? Засада на утёсе? Я и сам там бы её поставил; больше и негде. Выстрел по вас при возвращении из Гуниба? Ещё проще. Тот гонец, что передал конверт полковнику Бонч Осмоловскому, и дожидался вас на тропе. Совсем не хитрая мысль. Полковник вызовет вас к себе, чтобы передать письмо; обратно вы поедете уже в сумерках... Где же здесь измена изнутри?

Даур-Гирей, наоборот, сразу согласился с подозрением барона.

– Конечно, лезгины были только связниками. Предатель – кто-то из нас троих. Если это не я, то, получается, или Артилевский, или Ильин. Но и то, и другое невозможно!

– Почему же?

– Если честно, оба они мне неприятны. А Ильин наверняка записал в изменники именно меня. Так? Но никого из них я не могу представить в роли предателей. Как к офицерам, не имею к ним никаких претензий.

По итогам бесед Таубе собрал весь начальствующий состав отряда и заявил:

– Вводим усиленный режим. Впредь из отряда отлучаться только по двое. Как говорят в здешних краях: на Аллаха надейся, а осла крепче привязывай...

Ещё сутки они проскучали в Карадахе. Артилевский продолжил, согласно собственным словам, «играть в вист до первого обморока». Также он выдвинул известный армейский тезис, что недопой хуже перепою, и сильно налегал на чихирь. Алексей долечивал руку. Лидия Павловна, обманувшись ожиданием, сама пришла к нему менять повязку. Процедура проходила на людях, поэтому не завершилась ничем интересным. Атаманцева ударила обиженная и на барона даже не взглянула.

Казаки раздобыли где-то селёдку «духовного звания»^[109] и провоняли ею весь двор. К удивлению питерщиков (так терцы за глаза называли Таубе и Лыкова), ни у кого из казаков не случилось даже лёгкого расстройства.

Воистину, у нашего воинства лужёные желудки!

Недайборщ уличил казака Лумаря в хищении и распитии казённой винной порции. В результате Лумарь три часа маршировал на солнцепёке с полной пешей выкладкой, включая полустойку, приколыш и полотнище палатки.

В четыре часа утра подполковник неожиданно поднял отряд и дал всем полчаса на сборы. Артилевский тихо бранился и пил айрат. В установленное время они покинули аул и вновь двинулись по дороге на Голотль. Утёс, на котором их в тот раз поджидала засада, миновали благополучно. До переправы было двадцать вёрст. Уже в девять часов дополудни они были на месте, и Лыков понял причину таких предосторожностей барона. Аварское Койсу у Голотля протекает по такому же узкому ущелью, что и возле Карадаха. Подвесной мост длиной в тридцать саженей охраняют две каменные башни, поставленные по обоим берегам реки. Отличная позиция для нападения! Отряд прошёл её без происшествий. Они вновь оказались на левом берегу Койсу. Начался длинный, утомительный подъём, занявший шесть часов. Сам Голотль миновали без остановки и дневной привал сделали уже на плато.

Это была их первая, с момента выхода из Темир-Хан-Шуры, полевая стоянка. Казаки сняли с ослов и разбили три палатки: две для себя и одну для начальства. Земля вокруг кишила фалангами и скорпионами, но в эшелоне подобрались опытные кавказцы, и на опасных соседей никто не обращал никакого внимания. Ещё на тропе подобрали хворост и конский помёт, и теперь разожгли из них костёр. В кипящую воду бросили просо, бульонные плитки, мясной порошок и сухари. Пить алкоголь барон запретил, и все довольствовались клюквенным экстрактом Мартенса. Казаки расселись по горячим камням; курящие затянули свой «сам-кроше»^[110]. Офицеры залезли было в палатку, но скоро выскочили оттуда. Палатки для тепла были подбиты сукном, и в них оказалось неимоверно жарко.

— Ничего, — сказал Таубе, — на Богоском хребте это станет их достоинством, а не недостатком!

Им предстояло подняться по левому берегу Аварского Койсу на семьдесят вёрст. Это был последний участок дороги вдоль реки, самый длинный и самый трудный. Приходилось двигаться на высоте три тысячи футов по безлюдной местности. В двух часах езды находился единственный крохотный аул из десяти саклей, под названием Датуна, и больше до самого поворота на хребет жилья не предвиделось. Наибольшими тяжестями были фураж и топливо; и то, и другое

приходилось теперь экономить.

В нескольких местах на семидесятивёрстном пути дорога делала спуски и подъёмы, а напротив аула Гоор подходила к самой воде. Тут был самый тяжёлый участок, и наиболее подходящий для засады. Но и на всём остальном протяжении идущий по узкой тропе, растянутый в линию отряд был уязвим. Справа скала, слева обрыв, а за поворотом, быть может, враг...

Таубе долго сидел над картой, расспрашивая Артилевского. Войсковой старшина, как местный администратор, единственный знал путь. Он указал опасные точки – таковых оказалось шесть. Барон помрачнел.

– Недайборт! – кликнул он урядника. – Выдели смышлённого казака в хвост колонны. Сам пойдёшь в голове на удалении ста саженей. Ближайшие два дня будешь бессменным авангардом.

– Есть!

– Всем расчехлить винтовки и быть всегда наготове.

Глава 20

Ловушка для Таубе

После долгого отдыха отряд двинулся вверх по тропе. В ауле Датуна, куда они пришли через два часа пути, Даур-Гирей отпросился в мечеть. Ох уж этот Дагестан! Весь аул – десяток саманных хижин, но при них имеется собственный храм. На гадекате, где расположились русские, к барону подошёл благообразный аварец в белой войлочной шляпе.

– Ас-саляму алайкум! – сказал горец.

– Ва алайкум ассалам ва рахмату-лахи ва баракатуху, [\[111\]](#) – ответил Таубе, приподнимаясь с камня.

Далее разговор уже пошёл на русском, и удивительный разговор! Незнакомец заявил:

– Я хочу говорить с офицером, которого не любят англичане.

– Англичане? – изумился подполковник. – Какие такие англичане?

– Которые живут в море на острове. Вы что, испытываете меня? Не надо думать, что мы, горцы, ничего не знаем про англичан. Я алим [\[112\]](#) и знаю. Про англичан. Скажите честно, среди вас есть офицер, который навлёк на себя их гнев?

– Если и есть такой, то это я. Меня зовут Таубе, я начальник этого отряда.

– А меня зовут Абас. До самой Бежты никто в округе не знает лучше меня шариата. Я очень умный. Меня зовут разрешать споры даже в Кумух. Вот я какой!

– Очень хорошо. Но вы говорили про англичан.

– Да. Здесь вчера проходили два байгуша... [\[113\]](#)

– Байгуши?

– Ну, бездомные, которые ходят туда-сюда.

– И что байгуши?

– Перед тем, как посетить мечеть, они умывались из этого колодца. А я стоял рядом. И один, молодой, спросил второго, что постарше: «А ты уверен, что это английское золото настоящее? Говорят, они великие мастера обманывать. Не сунули бы они нам свинец, крытый медью!». А второй ему ответил: «Когда мы убьём того офицера, который навредил англичанам, то придётся бежать через хребет в Грузию. Доверься мне. У меня есть знакомый ювелир в Телави, большой мошенник, он поможет нам продать

даже свинец за золото». Вот, слово в слово. У меня замечательная память!

Таубе выслушал алима очень внимательно.

– Значит, два человека проходили через ваш аул вчера?

– Да.

– Откуда и куда они шли?

– Так же, как вы: вверх по Койсу.

– И они говорили, что англичане дали им золото за то, чтобы они убили русского офицера?

– Да. Именно это я и сказал.

– Почему, уважаемый Абас, вы решили, что тот офицер должен быть в нашем отряде?

– Потому, что старший байгуш сказал: «Завтра они будут здесь».

– А почему тогда они вели такой секретный разговор открыто, не боясь, что их подслушают?

Абас-алим самодовольно улыбнулся:

– Я же вам сказал, что я очень умный. Однажды меня вызывали даже в Хунзах! Так вот, байгуши эти были чамалалы и говорили на своём наречии. Они думали, что здесь, в нашем маленьком ауле, никто не может знать их наречия. Но моя мать была чамалалка. Она научила меня своему языку, и я понял байгушей. Они же никак не могли предположить, что здесь найдётся такой умный и хитрый человек, как я.

– Очень хорошо. Но как же два человека рискнут напасть на военный отряд?

– Я тоже думал над этим и понял, что они задумали, – важно ответил алим. – В часе езды отсюда тропа делает изгиб. И спускается к самой воде. Вам придётся спешиться в этом месте и вести лошадей в поводу. Если байгуши встанут на подъёме, им останется только выстрелить, сесть на коней и ускакать; вы не успеете их преследовать.

– Очень хитро! А как байгуши узнают меня в колонне?

Абас нахмурился:

– Об этом я не думал. Может быть, им описали вашу наружность?

– Ну, хорошо. Что вы хотите за ваше сообщение?

Алим приосанился:

– Это очень важное сообщение, ведь так? Поэтому я желал бы за такую помощь русскому начальству быть назначенным муллой в джумную мечеть Гуниба. Или Хунзаха. Или Кумуха. Или...

– Понятно. Подобные назначения делаются в Тифлисе, в Закавказском шиитском муфтияте. Но благосклонное слово начальника области является решающим. Я сообщу о нашем разговоре генералу князю Чавчавадзе и

попрошу исполнить вашу просьбу.

Абас важно и одновременно подобострастно простился с подполковником и ушёл в мечеть. Проходя мимо офицеров, он вежливо раскланялся с Артилевским. Тот небрежно кивнул туземцу и отвернулся.

Таубе тут же подошёл к воинскому старшине:

– Эспер Кирилович, что это за чудак? Ему можно верить?

– Это некий Абас Кактаев, известный бездельник. Он постоянно околачивается в приёмной начальника округа со всякими неуместными просьбами. Хочет стать муллой.

– Он назвал себя алимом.

– Абас сам присвоил себе это звание, по глупости и самодовольству.

– Так ему нельзя верить? Он сделал важное сообщение и сказал, что хотел бы в благодарность за него получить назначение муллой.

– Тогда всё серьёзно. Как бы ни был недалёк этот туземец, но подобными вещами он шутить не станет. Сделаться муллой – его давняя мечта. Он не посмеет обманывать русского офицера.

– Понятно. Мы с Лыковым отправимся проверить полученное сообщение. Если через три часа не вернёмся, подымайте отряд и идите нам на выручку. Это в часе езды отсюда, там, где тропа спускается к реке.

Таубе и Лыков начали седлать лошадей. Алексея распирало от любопытства.

– Скажи, что за зуб на тебя может быть у англичан? Давным-давно ты застрелил кого-то в Лхасе. Они что, такие злопамятные?

– Есть более свежая история.

– Расскажи!

– На обратном пути.

– А почему нас едет только двое?

– Ты хочешь, чтобы я подставил весь отряд под пули двух бояков? Вдруг они кого-нибудь зацепят... Нет, справимся с ними вдвоём, так проще.

Алексей ослабился:

– Ух, я сейчас с них шкуру-то спущу! Променять русского подполковника на британское золото... Да ещё барона!

– Вот он, – сказал Лыков, останавливаясь.

Крутой спуск дугою изгибался к реке. Действительно, идти здесь можно было только пешком. Тропа тянулась вниз на две сажени и скрывалась за огромной каменной глыбой.

Они спешились и оставили лошадей наверху. Взяли винтовки

наизготовку и начали осторожно спускаться, не сводя глаз с валуна.

С самого начала Алексей понял, что без боя не обойдётся. Ощущение опасности было разлито в воздухе. Таубе тоже был серьёзен и собран. Он шёл первым и, время от времени, касался ладонью виска, словно прислушиваясь к внутреннему голосу. Через десять минут они дошли до поворота и остановились. Заходить за валун никому не хотелось; напряжение возрастало.

– Ну? – спросил коллежский асессор осипшим от волнения голосом.

– Прикрой.

Таубе вскинул «винчестер» на уровень груди и решительно шагнул вперёд. Лыков вылетел следом, поводя стволом винтовки из стороны в сторону. Им открылось продолжение спуска. Каменная осыпь, скалы и наброшенные на тропу валуны, словно великаны играли тут в куличики... Ещё в ста саженях ниже ревела Койсу. От неё спуск переходил сначала в ровную площадку, а затем в подъём. Таким же дугообразным изгибом тропа шла наверх и скрывалась за скалой, немного не доходя до плато.

– Смотри, – шёпотом сказал барон. – Если они ждут нас под скалой, то дадут сначала спуститься к реке. А нападут, когда мы начнём подыматься.

Они начали сходить к воде по очереди: один идёт, второй держит местность на прицеле, затем роли меняются. Когда оказались на площадке, Алексей попытался найти на ней следы байгушей, но битый камень не дал такой возможности.

Идти снизу вверх было ещё страшнее, чем спускаться. В случае чего, бежать некуда: позади бешеная река, а в гору к лошадям под пулями не прорвёшься.

Они поднялись по тропе всего на двадцать саженей, и тут началось... Наверху мелькнула чёрная папаха, и Алексей выстрелил навскидку. В ответ грянул залп не менее, чем из десяти ружей. Пули звонко щёлкнули по камням, высекая из них мелкие осколки. Сильный удар в грудь сбил Лыкова с ног; сердце на миг остановилось. «Вот и убили...» – отрешено подумал он. Потом увидел над собой сосредоточенное лицо Таубе. Подполковник под выстрелами оттащил его за большой валун, усадил, прислонив спиной к камню, и осторожно раздвинул бурку.

– Аккуратно угодил, – сказал он с облегчением. Лыков схватился за грудь. Напатронники на левой стороне черкески были разодраны в клочья. Два серебряных газыря от сильного удара вогнулись в грудь, почему она сильно в этом месте болела. Однако крови не было, и сердце стучало исправно.

– Похоже, газыри меня спасли.

– И ещё бурка ослабила удар. Повезло тебе, Лёха!

Между тем, стрельба не утихала. Пули били в валун и, как огромные шершни, ралетались с жужжанием в разные стороны.

– Вот тебе и два байгуша! – весело подмигнул подполковник сыщику. – А их там, как вшей на гашнике...[\[114\]](#)

– Барон, – укоризненно произнёс Лыков, – что за словечки... И вообще, чего это ты такой весёлый?

– А не убили нас, вот и весёлый. Когда тебя за валун тащил, думал, всё, отбегался Лыков. Дыра прямо в сердце, и взгляд отрешённый, куда-то на небо нацеленный. Бр-р-р...

– Да, – признался Алексей, – я и сам перепугался. Ну-ка!

Он повёл плечами и со стоном сел на корточки.

– Всё шевелится. Жить буду. А где моё ружьё?

– Вот, я его тоже приволок.

– Пора нам и огрызнутся.

Валун, за которым укрылись Таубе и Лыков, оказался на их пути весьма кстати. Два аршина в высоту и три сажени в длину, он давал надёжное прибежище. Нападавшие немного поторопились. Выше по тропе таких камней не было, и петербуржцы оказались бы там совсем на виду. Теперь за их спинами оставалась река. Спуститься вниз, чтобы напасть, abreкам будет затруднительно. А через три часа подойдёт Артилевский и прогонит врага. Следовало только продержаться...

– Эй, Лыков! – раздался сверху голос с сильным туземным акцентом. – Отдай нам офицера и уходи! Ты нам не нужен – мы не будем стрелять!

– Как тебе верить? – ответил сырщик. – Ты же обманешь!

– Я? Хочешь – Аллахом клянусь! – abrek обрадовался возникшему диалогу и чуть-чуть высунулся из укрытия. До него было пятьдесят саженей. Лыков мгновенно выстрелил навскидку. Раздался стон, и сверху вниз полетела, скользя по камням, винтовка.

– Хороший выстрел, – одобрил Таубе. Тщательно выщелил и тоже нажал на спуск. В ответ кто-то вскрикнул, и послышались хриплые ругательства.

– Так-то, сволочь... – снисходительно прощедил барон. – Это лишь начало. Надо было первым залпом попадать, а теперь уж чего...

Пули снова обрушились на их валун, но уже не так густо.

– Что-то не то, – забеспокоился Алексей. – Стреляет шесть или семь ружей. А начинали десять или одиннадцать. Пусть в двоих мы попали; а где остальные?

– Ты прав. Они отрядили людей зайти нам со спины. Следи за рекой, а

я продолжу воевать по фронту.

Завязалась энергическая перестрелка. Абреки жарили, не жалея патронов. Таубе отвечал экономно и вскоре снова в кого-то попал.

– Да, плохо у них со стрелковой подготовкой, – констатировал Лыков, не сводя глаз с берега. И тут же увидел две крадущиеся фигуры. Упёрся, прицелился – и положил абреков крест-накрест. После этого стрельба сверху стихла совершенно; нападавшие были озадачены ходом дела.

– Не понравилось ребятам угощенье, – хихикнул барон.

– Я бы на их месте уже бы пятки салом мазал.

– А так сейчас и будет. Сию секунду они совещаются. Потом оставят одного стрелка на тропе, а сами кинутся наверх к лошадям.

– Отпустим их?

– Вот ёщё! Чем больше оставим здесь, тем меньше ружей встретят нас на волшебной горе.

– Но мы под прицелом. Головы не высунуть!

– Ждём пять минут, дадим основным силам удалиться. Потом валим стрелка и – в погоню. Придётся попотеть.

Через пять минут Лыков с «берданой» наизготовку осторожно высунулся из-под дальнего конца валуна.

– Давай!

Таубе поднял над своей позицией папаху, надетую на ствол винтовки. С тропы полыхнул огонёк, пуля пробила папаху насовсем.

– Засёк?

– Да. Повтори ёщё разок, только медленно.

Коллежский асессор лёг щекой на ложе, поймал в прицел напряжённое бородатое лицо, замедлил дыхание и мягко надавил на спуск.

– Пошли, бегом!

Они рванули в гору, каждую секунду ожидая выстрела, но было тихо. Только высоко на тропе слышались торопливые шаги и сыпались вниз камни. Лыков в своих постолах^[115] обогнал Таубе. Вот и утёс, за которым исчезает тропа; здесь могла быть засада. Но абреки оказались слишком напуганы полученным отпором. Все, кто уцелел, собрались на плато, сели на лошадей и ожидали только оставленного внизу стрелка. Вместо него из-за утёса показался Лыков.

– Шайтан! – взвизгнул один из разбойников и выстрелил с седла в сторону Алексея. Остальные ударили лошадей плетьями и бросились прочь.

Последний рывок сыщик сделал, уже валясь с ног от напряжения. Когда он выскочил на плато, до всадников было уже двести саженей. А у него руки дрожат, и сердце колотится о рёбра... Сыщик сел, положил

винтовку на камень. Где-то внизу пыхтел и ругался отставший подполковник.

Абреков удирало пятеро. По узкой тропе они вынуждены были скакать в затылок друг другу. Прицельная дальность винтовки Бердана № 2 – 2250 шагов^[116], скорострельность – 15 выстрелов в минуту. Дела беглецов были плохи...

Однажды, когда он воевал с турками в составе Рионского отряда, черкесы днём захватили их охотника^[117], ехавшего с донесением. Это случилось на ничейной полосе. Горцев, как и сейчас, было пятеро. Когда пластуны подоспели на крики, было уже поздно: их товарищу выкололи глаза и распороли живот, обмотав кишку вокруг шеи... Лыков рассердился. Пехотинцы Рионского отряда были вооружены однозарядными винтовками Крнки, но пластуны уже успели добыть себе от турок магазинное оружие. У Лыкова был замечательный «винчестер-мушкет» образца 1873 года, с магазином на 17 патронов. Утром следующего дня он на лошади выехал на ничейную полосу и поскакал вдоль боевой линии. Тут же, словно ждали, появились вчерашние черкесы. Алексей узнал их по приметным лошадям – это были те самые! С гиком и устрашающими криками горцы бросились на смельчака, но тот повёл себя странно. Вместо того, чтобы убегать, он замер, подпуская противника поближе. Когда до атакующих осталось всего сто саженей, Лыков соскочил с седла, спрятался за кобылу, положил винтовку ей на холку и открыл огонь. Обученная лошадь вздрогивала, но стояла... Когда упал первый черкес, остальные ещё ничего не поняли и продолжали сближаться на рысях. Повалился второй... Оставшиеся замешкались, и тут слетел с седла третий. Два оставшихся развернулись и попытались уйти из-под огня, но приблизились уже на такое расстояние, что лишили себя шансов на спасение. Алексей добил их в полной тишине, на глазах у двух войск: нашего и турецкого. Потом он спокойно ходил по полю, собирая коней и оружие убитых. С той стороны никто не осмелился в него выстрелить... Вечером перед строем 161-го Александропольского полка Лыкову вручили Георгиевский крест. Больше на ничейной полосе до самого завершения компании черкесы не появлялись.

Сейчас ситуация отчасти повторилась. Но противники успели уже значительно удалиться, и у него дрожали руки. Первая пуля не нашла жертву. Лыков чертыхнулся, упёрся покрепче и прицелился более тщательно. Абрек взмахнул руками и на полном скаку полетел с седла. Остальные вжали головы в плечи и ускорили ход, но всё было напрасно. Четырьмя последующими выстрелами Алексей свалил ещё двоих. Но тут

клацнул пустой затвор – в магазине кончились патроны.

– Уйдут, сволочи! – стукнул сыщик кулаком о камень, но тут рядом появился взмыленный Таубе.

– Я вот им сейчас уйду... – выдохнул он и вскинул винтовку...

Затем они сидели на раскалённых валунах и отдыхали.

– Там раненые могут быть, – лениво предположил Алексей.

– Казаки разберутся... – махнул рукой подполковник.

– Тогда рассказывай.

– О чём изволите?

– Почему на тебя англичане охотятся.

– А, об этом... История любопытная. Но секретная, так что, не болтай... Началось всё в июне 1878 года. Завершилась война, уже был подписан Сан-Стефанский мирный договор. Но он являлся предварительным и нуждался, как тогда говорили, в утверждении Европой. А Европа – известное дело; им наши победы как кость в горле. Более других неистовствали Австрия и Англия. Британцы вообще готовы были открыть против нас военные действия. Их броненосцы стояли в Мраморном море, а парламент срочно выделил огромный кредит на войну. Покойный государь был уверен, что миром договориться не удастся, и будет, как уже случилось в 1853-м: начинали против турок, а закончили биться со всей Европой... Притом, армия устала, финансы расстроены, резервов нет. И тут на приём к военному министру Миллютину приходит некий ирландец по фамилии Мак-Адарас. Он представляется бригадным генералом французской армии, утверждая, что получил этот чин в франко-прусскую войну. А до этого долго служил в Ост-Индии.

Таубе забил в трубку новую порцию табаку, не спеша раскурил, после чего продолжил:

– Мак-Адарас предложил ни больше, ни меньше, как поднять в Ирландии восстание против британской короны. А также уничтожить основу военного могущества королевства – флот. Поскольку-де на каждом из кораблей обязательно служат несколько ирландцев, которые по сигналу взорвут пороховой погреб.

Генерал-адъютант Миллютин, конечно же, этому странному человеку не поверил. В двух имевших место встречах он довёл до сведения Мак-Адараса, что, до разъяснения ситуации в Европе, никаких диверсий в сторону Англии Россия поддерживать не намерена. Но спросил на всякий случай, как можно связаться с ирландцем при необходимости. Тот оставил два адреса: парижского банкирского дома Пилигрини, и американского консула в Неаполе. Так это дело ничем и не закончилось.

Когда на трон взошёл нынешний государь, Милютин подал в отставку. Сдавая дела своему преемнику, он вспомнил и про ирландца. Мы, разведка, заинтересовались той историей. Осенью 1881 года я приехал в Париж и зашёл в банк Пилигрини. Владелец дома принял меня очень нервно, сказал, что не знает, где искать Мак-Адараса, и почти выгнал. Оказавшись на улице, я заметил за собой слежку. Ну, от хвоста я быстро избавился и поехал – куда?

– В Неаполь.

– Правильно, лапоть нижегородский. В Неаполь.

– До чего красивая жизнь у вас, шпионов, – вздохнул Лыков. – Я вот никогда не был на Средиземном море, да ещё на казённый счёт.

– А ты дослушай, а уж потом завидуй. Явился я на квартиру к американскому консулу, а там меня уже ожидала торжественная встреча.

– С розами и шампанским?

– Ага! Тroe мордоворотов со свинцовыми трубами, и ещё четвёртый, в шляпе и с фиалками в петлице сюртука.

– Начальство?

– Да. Его-то я и атаковал.

– Почему его? Тон фиалок не понравился?

– Во-первых, он имел револьвер, и уже поэтому был самым опасным в той компании. А во-вторых, устранивая его, я лишал остальную армию руководства. Им бы оставалось только разбежаться; так оно и вышло.

– А как же ребята с трубами допустили тебя до шефа?

– Ну... я прошёл, а они упали.

– Видал я такое однажды в Нижнем Новгороде! И что дальше было?

– Дальше господин в шляпе совершил главную ошибку в своей жизни: он вынул ствол.

– И ты его убил, – констатировал Лыков.

– А что мне оставалось?

– Англичанин оказался?

– И не просто англичанин, а руководитель русского отдела секретной службы её величества.

– Да... Крепко они, видать, на тебя осерчали.

– Как видишь. Даже на русской территории, в нашем Дагестане, подстроили засаду.

Тут снизу, от реки, донеслись крики. Таубе всмотрелся: на тропе стоял Артилевский и махал руками.

– Что-то он раньше срока появился...

– Значит, происшествие, – догадался Лыков. – Полагаю, с нашим

алимом случилось несчастье.

Он не ошибся. Когда войсковой старшина, весь красный от напряжения, появился на плато, то пояснил, вытираясь платком:

– Абаса зарезали! Валялся посреди собственной овчарни весь в навозе... Как только это обнаружилось, я собрал отряд – и сюда. Но, вижу, вы управились без нас. Сколько их было?

– Одиннадцать.

– Ого! И сколько из них убежало?

– Да никто не убежал; все здесь, только лежат по разным местам.

– Скажите, Эспер Кириллович, а как был убит алим? – вступил в разговор Лыков. – Свидетелей нет?

Артилевский был обескуражен таким нехитрым вопросом.

– Видите ли, Алексей Николаевич... его зарезали ножом из моего кинжала. Вот из этого.

Повисла долгая пауза. Потом Лыков спросил:

– Когда вы в последний раз видели нож у себя в ножнах?

– Не помню. Я редко им пользуюсь. А кармашек такой, что не видно – есть он там, или нет.

– Понятно. А кто мог убить алима? Кто отлучался с площади?

– Даур-Гирей долго пропадал в мечети. Но мы все отлучались.

– Я же запретил ходить по одному! – поразился Таубе.

Войсковой старшина молча понурил голову.

– Стало быть, и вы лично тоже могли зарезать Абаса?

– Мог. Но не делал я этого!

– Эспер Кириллович! Вы и сейчас считаете, что в отряде нет измены?

– Вы были правы, барон. Среди нас предатель.

Глава 21

Богосский хребет

Предположение Лыкова оказалось верным: один из абреков, подстреленных на плато, оказался не убит, а только ранен. Казаки притащили его к начальству. Небольшого роста, крепкий и жилистый, абрек походил на пойманного волка: смотрел с ненавистью, хрипло дышал и скрипел зубами. Пуля угодила ему между правым лёгким и почкой; ранение тяжёлое, но для жизни не опасное. При условии ухода...

Первым делом Таубе велел перевязать пленного. Потом сказал ему на «балмаце»:

– Тебя отвезут в Голотль и оставят там на излечение. У них хороший хаким. На обратном пути мы тебя заберём.

После чего повернулся и пошёл. Его догнал капитан Ильин:

– Виктор Рейнгольдович, вы разве не будете его допрашивать?

– Он ничего не скажет.

– И что теперь? Мы действительно поместим этого головореза в Голотле?

– Вы предлагаете сбросить его в пропасть?

Ильин было смешался, но потом упрямо продолжил:

– Это совершенно неуместный гуманизм! Нас и без того мало. А чтобы отвезти пленного, потребуется отрядить с ним казака. Мы не можем идти на ослабление отряда!

– Что же вы предлагаете?

– Оставить его на тропе. Без лошади и оружия, конечно, но с запасом провизии. Кто-нибудь, да подберёт злодея.

Барон задумался, потом сказал:

– Нет, это слишком опасно для него. Может умереть, если помощь запоздает.

– Тогда отвезём его хотя бы в ближайший аул, в Датуну.

– В Датуне нет хакима.

– А и чёрт с ним, пусть подыхает! Вы не забыли, что он только что в вас стрелял?

И офицеры, и казаки столпились вокруг и ждали разрешения спора. Раненый прикрыл глаза веками и старался казаться безразличным, но это плохо ему удавалось. Решалось, жить ему или мучительно умирать... И

вопрос этот зависел исключительно от начальника отряда.

– Недайборщ! – кликнул Таубе урядника.

– Здесь, ваше высокоблагородие!

– Выдели казака доставить раненого в Голотль. Пусть обеспечат лечение, уход и охрану до нашего возвращения.

– Есть!

От одиннадцати качагов остались лошади и целая куча оружия. Что получше, казаки разобрали себе, а остальное выбросили в пропасть. Одного жеребца конвойный прихватил с собой, чтобы заплатить им за лечение пленного; остальных отогнали в Датуну. Закончив со всеми этими делами, отряд двинулся дальше вверх по тропе.

Теперь до самого Кхиндакха им не предстояло встретить человеческого жилья. Шестьдесят пять вёрст по выючной тропе, которая делалась всё хуже и хуже. Узкое ущелье Аварского Койсу постоянно угрожало опасностью. К вечеру первого дня туда свалился осёл с грузом палаток. Ещё через час поскользнулся на камнях приказный Раков. Его успели подхватить уже над самой бездной, но лошадь, которую он вёл в поводу, не спасли.

Таубе был вынужден объявить привал. Отряд сгрудился на крохотной площадке. На всех развели один небольшой костёр. Дров было мало, и в огонь пошли даже коновязные колья, которые по уставу обязан возить с собой каждый кавалерист. Всё одно кругом сплошные камни – не вобьёшь... Вскипятили в котле воду, высыпали туда сухарей и несколько жестянок с пеммиканом^[118]; этим и поужинали. Барон приказал выдать всем по чарке водки, чтобы согреться. Люди закутались в бурки, прижались плотнее друг к другу и заснули, как убитые... Что же будет на ледниках Богоссского хребта? Как они станут ночевать там без палаток? Лыков извлёк из перемётных сум постовые кеньги на меху и отдал их часовым; те были признательны.

Утром Алексей проснулся самым первым. Костёр давно потух, по голым камням серебрился иней. Лошади и ослы, как и люди, спали вповалку, положив головы друг на друга. Вдоль тропы прохаживался Чоглоков с винтовкой на плече. Из пропасти подымался клочьями туман вперемежку с водяной пылью. Ревела река. Перекрывая её, над самым ухом сыщика богатырски хралел Мелентий Лавочкин. Вдруг слева, оттуда, откуда они пришли, раздался удар копыта о камень. Чоглоков сдёрнул винтовку с плеча и кинулся на звук. Лыков поторопился за ним следом, выхватывая на бегу револьвер.

Тревога оказалась ложной – их нагнал казак Зеленов, отряженный

давеча сопровождать раненого абрека.

– Имею важное донесение до господина подполковника, – тут же доложил он Лыкову. И добавил:

– Секретное.

Алексей разбудил Таубе. Тот быстро встал, растёр ладонями посиневшие от холода уши, отошёл на самый край тропы и приказал:

– Докладывай.

Шум реки заглушал все звуки. Если кто-то из отряда и притворялся спящим, всё равно ничего бы не услышал.

– Так что, ваше высокоблагородие, сдал я злодея ихнему старосте. Велел лечить и караулить. Коня ему за это вручил.

– Что тебе сказал абрек на прощание?

– Знаете уже... Откудова?

– Ты говори суть. Про изменника в наших рядах?

– Так точно. Когда уж я на коня садился, то он и сказал... Передай, мол, своему наибу, что у него в отряде предатель.

– Кто именно?

– Он так баял: «Предатель – офицер, а который из них, мне то не известно».

– Понятно. Теперь про их лагерь.

– И это знаете? Чудно; будто со мною рядом стояли... А баял он, что лагерь ихний за перевалом, что идёт через хребет, севернее, значит, волшебной горы. Вот. На западном склоне лощина особая имеется, которую ниоткудова не видать. С трёх сторон окружена ледниками. Один токмо подход туда и есть. В ней и лагерь.

– Молодец, Зеленов. Ты пока ляг поспи, мы ещё два часа никуда не двинемся. А про изменника молчок! Никому ни единого слова!

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

Зеленов откозырял и ушёл заниматься своим конём. Лыков и Таубе остались стоять на краю обрыва.

– Плохо! – сказал барон. – Теперь начнутся подозрения, шпионство друг за другом.

– Согласен, что Зеленов языка за зубами не удержит. Но что случилось, то уж случилось. И ещё: скоро бой. Люди начнут оглядываться. Мы в свои четыре глаза не всё заметим, а казаки догадливые – могут и помочь в разоблачении.

– Всё равно жаль. Не вовремя это.

Действительно, обстановка в отряде переменилась. Казаки сразу сделались подозрительными и недоверчивыми. Только к петербуржцам их

отношение не ухудшилось. «Благородия» же быстро почувствовали на себе новые веяния. Первым не выдержал войсковой старшина. Он наорал на своего денщика, а тот неожиданно сквозь зубы, но ответил ему! Да ещё такое сказал... Артилевский тут же подвёл казака к начальнику отряда и заявил:

— Так впредь продолжаться не должно! Если нижний чин грубит в походе офицеру, то что же будет в бою? В спину выстрелят?

Подполковник отоспал офицеров «погулять», а сам выстроил казаков во фронт и заявил:

— Все разговоры об измене в отряде отныне запрещаю! Может быть, предатель действительно есть. А если нет? Если это лишь хитрость, уловка, на которую горцы большие мастера? С задачей посеять рознь в отряде... И получилось! В любом случае, оскорблять честных офицеров ни у кого нет права. Всем ясно? А поиск изменника уж доверьте вашему командиру. Отныне любая грубость, а, тем паче, неисполнение приказа будут караться мною беспощадно. И не отсылкой в Шуру, а арестом и военно-полевым судом. А там одно только наказание... Вот, смотрите все!

Таубе снял фуражку, перекрестился.

— Перед Всевышним клянусь: шлётну любого! Не на прогулку идём; завтра бой!

Внушение возымело действие. Все уже понимали, что подполковник Таубе слов на ветер не бросает. В условиях похода он был полным распорядителем солдатских судеб и, действительно, имел право казнить любого из своих подчинённых. А публичная божба показывала, насколько серьёзны были угрозы барона... Дисциплина в отряде мгновенно сделалась образцовой.

Три дня партия шла вверх по реке. Голые скалы, рёв потока в бездонном ущелье, снежные шапки пиков, холод, постоянная опасность и скудный паёк... За всё время пути им попались только один странствующий накшбандийский дервиш^[119] и один торговец сукнами. И больше ни одной живой души!

Когда до аула Кхиндакх остался день пути, отряд подошёл к горе Обода. Огромная, девять тысяч футов высотою, она уходила прямо в небо^[120]. У её подошвы в Койсу впадала незначительная речка Ратлубор, образуя место, удобное для засады. На всякий случай, подполковник пустил вперёд разведку.

Лыков, Чоглоков и Лавочкин осторожно спускались в лощину в

утреннем тумане. Остальные силы отряда стояли наверху в боевой готовности. Когда до Ратлубора оставалось совсем немного, с противоположного берега грянул залп. Пуля пробила сухарную сумку Алексея и едва не уронила его с обрыва. Лавочкину сбило с головы папаху, а приказному Чоглокову свинец угодил прямо в живот... Целый час продолжалась ожесточённая перестрелка через овраг. Разведка не могла принять в ней никакого участия – по ним били так, что нельзя было поднять головы. Наконец, несколько казаков обошли лощину. Абреки бросили свою позицию и отступили, оставив на тропе два тела. Тогда лишь Лыков смог подойти к Чоглокову, но тот был уже мёртв.

До полудня отряд простоял под Ободой. И казаки, и офицеры долбили заступами в каменистой почве могилу для убитого приказного. Безлошадному Ракову достался чоглоковский четырёхлетка. Потом из собранного в овраге хвороста разожгли большой костёр, сварили на нём шурпу из проса с вяленой бараниной и молча поели. Без лишних слов помянули покойника и двинулись дальше.

Через несколько часов отряд пришёл в Кхиндакх. Небольшой аул стоял в стороне от реки, в полугоре над широкой долиной. Зрелище, открывшееся людям, поражало. Справа возвышалась Обода, слева – ещё более высокая гора Горта, иначе называемая Тлимкапусли. А прямо перед ними уходила к хребту долина, поросшая забытым уже густым сосновым лесом. В дальнем конце её несколькими мощными подъёмами, словно этажами, вздыпалась огромная, вытянутая с севера на юг, вершина, вся в сплошном обрамлении ледников. Это и была волшебная гора Аддала-Шухгельymeэр, или Эдрас, как она обозначалась на русских военных картах. Выглядела гора сказочно, и одновременно устрашающе. Сияющая на солнце шапка глетчеров резала глаза. Насколько хватало взора, нигде в округе не обнаруживалось равной по высоте вершины. Тринадцать тысяч футов высоты!^[121]! Крохотные белые пятнышки обозначали аулы, кое-где разбросанные у подошвы гиганта. А в обе стороны от колосса расходились вдаль белые вершины. Эти отроги Богоссского хребта в другом месте казались бы значительными горами, но рядом с Эдрасом они выглядели, словно дети в присутствии взрослого.

– Эх-ма... – говорили казаки, снимая папахи и почёсывая давно немытые головы. – В энту дуру рази влезешь? Силов таких у человечества нету...

Лыков с офицерами тоже жадно разглядывали заветную вершину, путь к которой занял столько дней. Только Артилевский, уже бывавший здесь ранее, равнодушно покручивал ус.

В Кхиндахе партия сходила со «столбовой дагестанской дороги» и направлялась в безлюдные горы. Тропа же шла дальше вдоль течения Аварского Койсу а затем разделялась. Одна дорога вела через Кодорское ущелье в Грузию; вторая сворачивала на восток, в Закаталы, и выходила затем к Каспийскому морю.

Лыков впервые увидел типический лезгинский аул, каких ещё не попадалось ему в Центральном Дагестане. Всё селение было опоясано одной сплошной каменной оградой, составленной из наружных стен домов. Вместо окон в этих стенах имелись узкие бойницы, пригодные для обороны. Аул имел единственный въезд, фланкированный высокими башнями. Собственно дома горцев были трёх-, а чаще двухэтажными: внизу хлев, а над ним сеновал или сразу же жилые комнаты. Селение было разделено на несколько кварталов, принадлежащих каждый одному тухуму^[122]. Внутри квартала имелись собственная мечеть и боевая многоярусная башня. Вокруг последней группировались дворы единокровных родственников, объединённые общим тыном. Особо выделялся дом главы тухума – пусел-бетера. В центре аула возвышалась джумная мечеть и был главный годекан.

Родство в тухуме ведётся только по отцовской линии. Фамильные союзы объединяются в джамаат – старинную общину родственно-дружеских родов; джамаат и образует аул. Несколько аулов, чувствующих между собой историческую, языковую и иную связь, соединяются в горские общества. Некоторым из таких обществ – шесть или семь веков! Аул Кхиндакх входил в общество Анцух. Общества, в свою очередь, объединены в союзы. Анцух состоял членом союза Антль-Ратль, то есть, Семиземья. В него входило сначала семь окрестных союзов, потом количество их выросло до девяти: Анцух, Джурмут, Капуча, Таш и ряд других. Раз в году в урочище Череле собирался сход, в котором участвовали все мужчины Семиземья. В обычное же время горцы жили интересами только своего тухума и редко собирались даже на аульные сходы.

И люди здесь были одеты не так, как во всём остальном Дагестане. Близость высоких гор, покрытых вечными снегами и глетчерами, диктовала свою моду. Мужчины носили зимние бешметы на вате, а поверх них ещё и ергаки – тулупы из короткошёрстых шкур (косули или сурка) мехом наружу. На ногах у них были уже знакомые Лыкову по дидойцам вязаные шерстяные сапоги с шерстью же стёганой подошвой. Женщины тоже были одеты в шубы, только с короткими рукавами. Их чухту – мешочки для укладывания волос – были связаны из толстой шерсти. Чухту полагается спускаться за спину до пояса. Жительницы Кхиндакха прятали их под

воротник шубы, а сверху ещё повязывали чепец-накосник. Платье-рубаха и шальвары тоже были подбиты сукном, отчего лезгинки теряли свою знаменитую стройность и все казались толстушками.

Как выяснилось, в ауле жил мазун, то есть староста всех окрестных селений, по имени Фейруддин-эфгенди. До занятия административной должности он преподавал в медресе, почему и получил столь уважаемый титул. Артилевский повёл всё отрядное начальство представляться аксакалу. В огромной кунацкой, застеленной камышовыми циновками, гости расселись по маленьким скамеечкам. Им поднесли по чашке горячей вкусной шурвы, затем по дюжине япраги на деревянных плоских блюдах; всё это обильно сопровождалось чепалгашами^[123]. Когда гости наелись, их угостили плохим чаем. По завершению трапезы четыре рослых джигита внесли за углы роскошный персидский ковёр, на котором восседал щуплый старичок с властными глазами. Войсковой старшина представил ему прибывших. Особо он отметил, что Таубе и Лыков приехали из самого Петербурга, а Таубе ещё и барон. Пояснив, что этот титул сродни беку... Фейруддин-эфгенди проникся после этих слов уважением к гостю, и между ними завязалась беседа. Оба хорошо говорили по-арабски и могли бы объясняться без посредников, но восточный церемониал требовал присутствия переводчиков. Это, по мнению горцев, придаёт разговору солидности и торжественности...

Естественно, что Таубе тут же попросил помочи проводниками, чтобы обследовать волшебную гору. Фейруддин-эфгенди видимо смущился и замахал руками со старческими синими прожилками:

– Нет и нет! Мы сами никогда не ходим на Аддалу-Шухгельмеэр! Там живёт злой джин, прикованный цепью. Много лет тому назад два легкомысленных джигита напились бузы и пошли на гору искать джина. Чтобы на него посмотреть... Они не вернулись! И не проси, русский бек. Всё, что мы можем, это довести вас до богосского аула Дагбаш и вручить его жителям. Но предупреждаю тебя, что все богосы колдуны!

– Скажи, мудрый Фейруддин-эфгенди, а сами богосы ходят на волшебную гору?

Старик нахмурился.

– Мы здесь, внизу, всегда удивляемся, как они осмеливаются жить так близко от злого джина. Видимо, потому, что, как я только что сказал, богосы поддерживают отношения с шайтаном. Они оседлали хребет и соединяют через перевал два горских союза: Дидо и наш Антль-Ратль. Но сами при этом держатся особняком и не входят ни в один союз. Вах, нехороший народ! Когда нам случается проходить мимо богоса, мы,

анцухцы, плюём ему вслед и говорим: «Твои козни пусть ходят за тобой!». Это лучший способ защититься от их колдовства!

– Я понял и сделаю так же, когда увижу этих людей. Скажи, а слышал ты про шайку абреkov, что обитает где-то за волшебной горой? Их главари – Малдай из Бахикли и старик в жёлтой чалме, называющий себя Языджи-Али. Но на самом деле он русский дезертир.

Старый мазум прикрыл глаза веками, на которых уже не осталось ресниц, и надолго замолчал. Потом словно проснулся, открыл глаза и, пристально глядя на подполковника, сказал по-русски:

– Да, эти люди скрываются за волшебной горой. Никто не укажет тебе, где именно их лагерь. Слишком опасно. Ищи сам.

Таубе встал, вежливо поклонился хозяину и сказал:

– Завтра после первого намаза проводники пусть будут здесь. И фураж на три дня.

Фейруддин-эфенди опять прикрыл глаза, чуть повёл бровью. Джигиты споро ухватились за концы ковра и вынесли аксакала из кунацкой.

Глава 22

На перевале

Утром следующего дня, отдохнувшие и пополнившие запасы, люди Таубе выступили из аула. Два угрюмых анцухца указывали им путь. Сначала тропа вела вверх, и уже через три часа отряд вошёл в значительный аул Мекдатль. За своей стеной он объединял до двадцати тухумных кварталов. Немного переведя дух и сменив проводников, снова двинулись в гору. За время, что стояли в ауле, войсковой старшина успел напиться чернее государевой шляпы... Когда Таубе попробовал сделать ему внушение, Артилевский глупо икнул и сказал, глядя на барона дерзкими пьяными глазами:

– Извините-с, но не смог!
– Что не смогли, Эспер Кириллович?
– Пр... как его? Присутствие сохранить. Да! Этого... духа, вот! Тяжело, знаете ли. Казаки за спиной шепчутся, предателя угадывают. Тяжело... А я... я...

Тут Артилевский шмыгнул носом, словно обиженный ребёнок.
– А я пр... предчувствие имею. Что не вернуться мне с этой чертовой горы, как пить дать. Пить дать, вот.

– Почему же, Эспер Кириллович? Что ещё за ерунда? Вы же опытный, бывалый офицер; столько переделок прошли.
– Не знаю, – ответил вдруг войсковой старшина совершенно трезвым голосом. – Но не вернусь. Страшно, барон. Я ведь не трус. Дважды ранен. Гуниб брал, Карс штурмовал, и никогда так не переживал, как сейчас. Из-за дюжины поганых абреков...

Таубе велел привязать Артилевского покрепче к седлу и смотреть за ним повнимательнее. И ничего! Бывалый кавказец мотался, но не падал и строя не нарушал!

От аула Мекдатль тропа очень скоро свернула влево и пошла в полугоре над долиной. Дошли до небольшого аула Чарах, и подполковник снова объявил непродолжительный привал. Отсюда начался самый сложный отрезок пути. Тропа круто подымалась вверх, пересекала огромную плоскую вершину Ободы и спускалась потом в аул Дагбаш, населённый богосцами. Весь переход считался в двадцать вёрст и был чрезвычайно утомителен. Уже на подъёме к Ободе Артилевский прозрел

и попросил отвязать его. Он ехал теперь серьёзный и молчаливый. Старше всех в отряде, войсковой старшина смотрел на товарищей так, словно прощался с ними... Лыкову приходилось видеть на войне такие взгляды, и часто они оказывались пророческими.

Даур-Гирей, наоборот, оживился. Близость развязки, видимо, возбуждала его. Ротмистр ехал впереди колонны, пытался сократить время привалов, часто отлучался в разведки.

Только капитан Ильин не сменил повадки. Постоянно настороже, очень сосредоточенный, он следил за проводниками, чертил крошки местности и что-то записывал в тетрадь.

На вершине Ободы лошади увязли по колено в снегу. Офицеры надели синие очки. Страшный ветер чуть не валил с ног и людей, и животных. Стало трудно дышать, голова шла кругом, но от красоты увиденного у Алексея захватило дух. Тонкая лента Койсу извивалась где-то далеко внизу, уходя за горизонт. Казалось, вся горная страна открылась, как на ладони. На северо-западе едва заметно маячили заснеженные пики Андии, на юге, словно огромный барьер, возвышался Главный хребет. Вот она, жизнь! Ты стоишь на высоте, куда большинство людей даже и не мечтают взобраться. И любуешься картиной, доступной только избранным путешественникам. Редко кому в обыденной жизни выпадают такие минуты... Гляди, столичная штучка, упивайся, ешь глазами роскошное блюдо! Расскажешь потом жене и детям, когда те подрастут. Но нет таких слов, чтобы описать красоту и величие дагестанских гор...

Таубе, заметив небольшую ложбинку, свёл туда отряд и приказал разжечь костёр. Все уже валились с ног от усталости, а в яме было тихо. Даже проводники повеселились, особенно после чашки водки. Лыков подкрепился, выпил винную порцию, намотал покрепче башлык и опять вылез наверх. Когда ещё увидишь такое зрелище! Алексей стоял и любовался панорамой, когда к нему подошёл Таубе. Он выглядел немного смущённым.

– Давно хочу тебя попросить... – начал барон как-то нерешительно.

– Ты желал бы, чтобы мы с Павлом Афанасьевичем сняли с Лидии Павловны полицейский надзор? И она снова могла бы вернуться в Петербург. Так?

– Чёрт возьми! – поразился Таубе. – Ты действительно хороший сыщик...

– Что сумеем – сделаем. Негласный надзор, вероятно, всё же останется, но из ссылки попробуем её вернуть.

– Спасибо!

Подполковник ткнул друга кулаком в плечо и пошёл обратно к отряду. Вскоре они продолжили путь. Через час с четвертью впереди открылся уже знакомый ручей Ратлубор, а за ним – аул Дагбаш, конечная цель перехода. До него оставалось всего пять вёрст по вполне сносной тропе. Анцухцы опять повеселились и развернули коней – дальше урусы дойдут сами. Лыков вручил им по серебряному рублю, и проводники удалились. Уже начинало смеркаться, когда партия входила в аул. Внезапно Таубе что-то заметил.

– Лыков за мной, остальным размещаться! – приказал он и пришпорил уставшего коня.

Если бы человек, которого разглядел вдалеке подполковник, тоже был верхом на коне, то ушёл бы от преследования. Но горец передвигался на медлительном осле, и они скоро догнали его. Низкий, вертлявый и какой-то пришибленный, туземец покорно слез с ишака и подготовился к худому.

– Как тебя зовут и куда ты едешь? – спросил его Таубе на «балмаце».

– Меня зовут Аль-Гани. Я еду в аул Цабадагара на ту сторону хребта.

– Для чего тебе туда?

– Я хочу продать там голубей.

Лыков обыскал тощий выюк горца и действительно нашёл в нём только три голубиные тушки.

– Из-за этой малости ты едешь в такую даль? – усомнился коллежский асессор. – Поклянись, что не обманываешь нас!

– Клянусь Аллахом! – вскричал Аль-Гани.

– Нет, – ответил Лыков, – ты поклянись настоящей клятвой. Скажи: «Да не увижу я никогда могилы моих предков. Пусть кровь нечистых животных прольётся на могилы моих предков, если я обманываю вас!». Ну?

Аль-Гани молчал.

– Это самая страшная клятва для горца; её нельзя нарушать, – пояснил Алексей по-русски подполковнику. Потом оглянулся – до аула было более трёхсот саженей, а вокруг – ни души. Тогда он вынул из кобуры револьвер, взвёл курок и приставил ствол к голове горца. Того сразу же начало трясти...

– Мы сбросим твоё тело в пропасть, и его никогда не найдут, – зловещим голосом сказал сыщик. – А плоть съедят шакалы. Ты готов умереть за этого старого противного уруса?

– Нет, господин! – вскричал Аль-Гани в страхе. – Нет! Но... я боюсь его.

– Мы пришли за стариком из самой Темир-Хан-Шуры. Завтра тебе некого будет бояться. Говори, где он!

– Господин, я маленький человек! И очень беден. Моё имя – как насмешка!^[124]

– Ага! – догадался коллежский асессор. – Сколько ты рассчитывал выручить за голубей?

– По абасу^[125] за каждую птицу.

– Вот тебе серебряный рубль, и не ходи сегодня к абрекам. Расскажи нам, как их сыскать, и получишь ещё три таких рубля.

– А... вот столько рублей можно? – Аль-Гани показал пять пальцев.

Лыков сделал вид, что задумался.

– Ты хочешь целых пять рублей? Ну, за такие деньги тогда расскажи нам всё, что знаешь об абреках. Сколько их? Где стоит их лагерь? Какие там выставлены караулы? Кто в вашем ауле служит им? Начинай.

– Дайте деньги вперёд!

Коллежский асессор выдал горцу пять серебряных рублей. Тот полюбовался ими, сунул в карман бешмета и сказал, воровато оглядываясь:

– Наконец-то я действительно Аль-Гани! Теперь об качагах. Ружей у них больше, чем у человека пальцев на руках и ногах...

Туземец рассказывал минут десять, после чего сел на осла и отправился обратно в свой аул. Таубе дал ему отъехать, а потом спросил:

– Как ты догадался, для кого эти голуби?

– На Кавказе считают, что мясо голубей полезно при глазных болезнях.

А Лемтюжников старый уже человек, у него должны быть такие болезни.

– Не знал. Молодец! Теперь мы впервые можем нанести упреждающий удар.

Из слов Аль-Гани следовало, что всех абреков около двадцати пяти человек. Их лагерь находится на западном склоне горы Аддала-Шухгельмеэр. Там, не видимая ниоткуда, располагается большая котловина необычной формы: сама большая и круглая, а посередине её стоит холм. Как будто шляпа с высокими полями и тульей... Вот на этом самом холме и живут абреки. Местные жители их отчасти опасаются, но и пользуются соседством. Продают фураж, провизию и носильные вещи. А те расплачиваются добычей. Недалеко от стоянки, в склоне волшебной горы, находится пещера. Та самая, в которой живёт джин. Поэтому все богосыцы обходят эту местность стороной. Сам Аль-Гани никогда не ходил дальше сторожевого поста, а про котловину в форме шляпы слышал от своего деда. Давным-давно, ещё при Ярмуле^[126], в ней тоже укрывался абрек, и дед носил ему туда еду. Попасть в котловину можно по единственной тропе, которая сходит с перевала по левую руку сразу за

узким ледником, поверх которого течёт ручей. На расстоянии часа ходьбы эту тропу пересекает стена с проходом; здесь и стоит караул. Что за ним, Аль-Гани не знает. Старика в жёлтой чалме видел единожды. Очень страшный: сверлит взглядом, точно буравом... Малдая видит часто, всякий раз, когда абреки выходят из лагеря на разбой. Он шумный, весёлый и любит выпить. Но тоже страшный: однажды, когда возвращался из набега, вёз в тороках две отрубленных человечьих головы. Ещё из абреков Аль-Гани знает одного, по кличке Ифрит^[127] – он большой и ужасно сильный; из других не знает никого.

В ауле абреки появляются или по пути в набег и обратно, или иногда приходят за женщинами и для покупок. Заглядывают к двум вдовам, а ещё к Сулейману. Сулейман хитрый и жадный. Он берёт у разбойников ганиму^[128], а взамен даёт им огневые припасы и немного еды. Добычу он потом увозит за Главный хребет и торгует там с большой для себя выгодой. Абреки это знают, не любят Сулеймана, но он им полезен, поэтому его терпят.

Выдержав паузу, Лыков и Таубе вернулись в аул. Все люди были уже размещены. Во дворе старосты горел костёр, казаки жарили на шомполах куски барабанины. Уже вечерело. Даур-Гирей бесшумно молился в углу кунацкой, Артилевский курил трубку под навесом, а Ильин записывал что-то в тетрадь.

Таубе объявил, что он даёт сутки отдыха: люди и живой инвентарь должны подкрепиться. Перевал Арида-Меэр всего в шести верстах отсюда; торопиться теперь некуда. Терцы радостно загадали. Вот боевой народ! Знают, что днями будет схватка, и для кого-то из них, быть может, последняя. Но сегодня у них отдых, и казаки беззаботны...

В четыре часа утра Лыков разбудил барона, они тихо оседлали лошадей и поехали к перевалу. Сумерки усиливались туманом; тропа была едва видна. После долгой езды показался перевал. Неглубокая лощина между двумя кряжами Богосского хребта вся была завалена снегом. В одном месте сумёт^[129] был расчищен, и виднелся большой гранитный валун с искристыми, красивыми вкраплениями лабрадорита. В камне кто-то высек площадку, а в ней – углубление круглой формы. В углублении этом, словно в каменном котле, были навалены различные мелкие вещи: пуговицы, патроны, подковные гвозди, мелкие монеты, женские украшения и прочая всячина.

– Что это? И для чего ты меня сюда привёз в такую рань? – с любопытством спросил барон.

– Наблюдай пока вокруг, а я пороюсь в этом хламе. Горцы, когда идут за перевал, всегда кладут что-нибудь сюда, чтобы задобрить духов. Очень удобно, чтобы оставить почту.

– Ясно! – подполковник взгромоздился на камень с «винчестером» наизготовку и принял караулить. А Лыков начал вынимать из углубления вещи по одной и внимательно их разглядывать.

– Есть! – очень скоро сказал он.

Таубе резво спустился с камня и подбежал к нему. Сыщик аккуратно вынул из ржавой гильзы сначала пулью, затем ружейными плоскогубцами извлёк свёрнутый в трубочку кусок папиросной бумаги.

– Тут снова по-арабски. Читай.

Барон развернул листок и перевёл:

– «Уведи их к аулу Цабадагара. Держись в середине. Когда начнётся, падай и притворись убитым». Ну, вот и ладненько! Нужно дать ему возможность забрать почту, а вечером устроить военный совет. Тот, кто предложит идти в Цабадагару, и есть предатель.

– Только нельзя за ним следить! Спугнём.

– Да, в горах наблюдать трудно. А нам и незачем: всё поймём на совете.

Друзья вернулись в аул и снова легли спать.

День прошёл тихо. Казаки чинились, смазывали оружие, выхаживали заморённых лошадей. Офицеры разбрелись по аулу. Вечером Таубе собрал военный совет и открыл его следующими словами:

– Мы пришли на место. Ещё один-два перехода, и встретим противника. Сейчас нужно решить, куда нам идти. Где начать поиски. Ясно, что богосы помогать нам не станут. Карт данной местности не существует. Прошу каждого из вас доложить свои соображения.

К удивлению Таубе и Лыкова, все трое офицеров высказались за переход в Цабадагар! Первым это мотивировал Даур-Гирей:

– Я весь день ходил по аулу, выспрашивал. Прямо никто не говорит, но намекают, что абреки поместились в котловине Дибо, на той стороне хребта. Между жителями и разбойниками есть хозяйствственные отношения. А Цабадагара очень для злодеев удобна: большая, и находится в труднодоступной местности. Они или в самом ауле, или поблизости от него.

– Я согласен с ротмистром, – заявил Ильин. – Лемтюжников – пожилой человек. Трудно представить, что он будет ютиться по пещерам или жить в голых горах, в палатке – здоровье уже не то. Я тоже говорил с жителями аула. Они, конечно, настроены против нас, но простодушны и

пробалтываются, если начать их расспрашивать. Надо идти в Цабадагар ночью, с тем, чтобы с рассветом окружить селение. И устроить там повальный обыск. Как найдём следы – угрожать сжечь весь аул за укрывательство. Кто-нибудь, да не выдержит!

Артилевский был не менее категоричен:

– Конечно, нужно идти в Дидо. Жить при волшебной горе совершенно невозможно; ваши разведчики стали жертвами слухов. На такой высоте постоянный холод. Тридцать человек должны истопить за год целый лес – а где его тут взять? Весь Дагестан знал бы о таких значительных поставках дров. Абреки в Цабадагаре или ещё дальше, у самого Водораздельного хребта. Но только не надо никого сжигать! Нас тут просто перережут за такие фокусы. Лучше заплатить за сведения. Самый надёжный способ! Продажная душа всегда найдётся...

– Хорошо, – подытожил Таубе. – Я соглашаюсь с общим мнением. Завтра идём через перевал. До Цабадагары около двадцати вёрст. Палаток у нас нет. Карты тоже нет. Поэтому никакихочных переходов по незнакомой местности! Выступаем в шесть поутру, чтобы вечером быть на месте. И действовать там будем не мечом, как предлагает Андрей Анатольевич, а златом, как советует Эспер Кириллович. Всё, начинайте собираться.

Так ничего и не выяснив, разведчик и сыщик тоже начали укладываться. Когда уже стало темнеть, Лыков вышел за ограду по малой нужде. Неожиданно за ним увязался Артилевский.

– Алексей Николаевич, надо бы поговорить...

– Прямо здесь?

– Лучше бы ещё отойти, вон, хоть в переулок. Дело такое...

Заинтересованный Лыков отмерял три десятка шагов. Они с Артилевским укрылись в тесной улочке между двумя тухумными кварталами.

– Слушаю вас, Эспер Кириллович. Что случилось?

– Я сегодня заметил одну... несообразность. Весьма подозрительную, если учесть, что среди нас есть изменник. Сегодня утр...

Внезапно прямо над головой Лыкова грохнул револьверный выстрел. Войсковой старшина всхлипнул, схватился за сердце и повалился на колени. Алексей развернулся: над стеной вился лёгкий дымок, и слышались быстро удаляющиеся шаги. Стреляли из их двора! Первой мыслью сыщика было бежать туда и искать изменника, но это означало бросить раненого товарища. Да и шансы найти стрелка, когда Лыков добежит, были сомнительны. Коллежский асессор присел, подхватил валяющееся на него

грузное тело.

– Эспер Кириллович! Куда попало?

Артилевский только хрюпел и конвульсивно вздрагивал.

– Эспер Кириллович! Что за несообразность вы заметили? Это очень важно!

– Я... я... не предатель...

– А кто, кто предатель?

Но изо рта Артилевского уже обильно полилась чёрная густая кровь. Он закашлялся – и умер.

Глава 23

На волшебной горе

– Итак, круг подозреваемых сузился, – с горечью сказал Таубе. – Мы потеряли честного офицера, да ещё и отравили его последние дни подозрением.

– Остались теперь двое. Ильин или Даур-Гирей. Револьвер, из которого убили Эспера Кирилловича, нештатный. Определить, кому он принадлежал, невозможно. Свидетелей нет, и времени на расследование тоже нет.

– Военный совет, на который мы так надеялись, не помог. Нам остаётся только бой. Единственный козырь в наших руках – это секретная тропа в котловину. Предатель не знает, что нам о ней известно. Когда повернём туда отряд, он должен себя выдать.

– Ой ли? – усомнился Лыков. – Нервы у него, видать, железные. Застрелил человека у меня на глазах, бросил револьвер в конюшню и, как ни в чём не бывало, вышел покурить во двор. Нет, этот выдаст себя только в самый последний момент. Но мне уже надоели эти ребусы. Пойдём, перебьём их всех нахрен!

– Перебьём… Это легче сказать, чем сделать. У них численный перевес.

– Не думаю. По всем сводкам, у Малдая в шайке было человек двадцать пять, может быть, тридцать. Значительную их часть мы уже постреляли по пути сюда. Думаю, на горе сейчас не более десятка. От силы, дюжина. То есть, формально силы равны. Но за ними знание местности, а также выбор точки и времени боя.

– И предатель.

– И предатель. За нами – только эта несчастная тропа. Думаю, надо поступить так...

Похоронив войскового старшину, отряд готовился выступить на перевал. Но произошла неожиданная заминка. Мрачные, озлобленные терцы сначала шептались, потом что-то долго говорили своему уряднику. Наконец, тот решительно подошёл к Таубе и сказал:

– Ваше высокоблагородие! Казаки требуют, чтобы эти двое остались в ауле. Без оружия и под конвоем.

Подполковник нахмурился:

– Нижние чины уже начали ставить условия? Отставить! Вернись в строй. Иначе – я предупреждал...

Но урядник смотрел в землю и не двигался с места. Напряжение повисло в воздухе. Ильин отступил к своей лошади и взялся за винтовку. Даур-Гирей тоже держал одну руку на кобуре, а вторую на рукояти шашки. Отступать никто не собирался...

– Пойми, Недайборщ, – сказал барон, понизив голос. – Так надо. Мы с Лыковым ещё в Шуре знали, что в отряде имеется предатель. Но кто? Всю дорогу следили, искали. И не нашли. Хитрый, собака. Если сейчас офицеров отделим – так и не същем. Покажет лишь бой.

Урядник поднял глаза и слушал, ловя каждое слово.

– Понимаю, как опасно идти на гору с изменником внутри. Выхода нет. Мы солдаты. Пойдём и всё разнесём там к чёртовой матери, и тайны выясним. Командуй «на молитву»...

Недайборщ постоял ещё секунду, потом молодцевато козырнул и побежал к казакам.

– На молитву становись!

После молитвы Таубе прошёл вдоль строя, внимательно вглядываясь в терцев.

– Идём в бой, ребята, – сказал он без ложного пафоса, спокойно и доверительно. – Учить вас – только портить. Не дрефь, прикрывай товарища и помни долг – вот и вся наука. Только от нас зависит наказать разбойников. За Богом молитва, а за царём служба не пропадают. По коням!

Отряд выдвинулся из аула и пошёл по тропе к перевалу. Как-то само собой получилось, что и Даур-Гирей, и Ильин ехали в середине колонны. Казаки явно договорились между собой присматривать за офицерами. Ну и хорошо, подумал Лыков; лишние глаза не помешают, сложнее будет вредить.

Показался перевал. Проехали знакомый камень с тайником и двинулись дальше. Из-за тумана, сползшего с вершины Аддалы-Шухгельмеэр, было сумеречно и зябко. Люди ехали молча, настороженно поглядывая по сторонам и машинально трогая расчехлённые винтовки. Так прошло более двух часов. Волшебная гора осталась чуть сзади, когда появился ледник со стекающим по нему ручьём. Отсюда влево уходила едва заметная тропа. Таубе встал на неё и скомандовал:

– Сворачивай!

Лыков впился глазами в лица офицеров. Оба одновременно встревожились.

– Мы разве не идём в Цабадагару? – подъехал к подполковнику Даур-Гирей. – Что это за тропа?

– Она приведёт нас к горе.

– Зачем нам туда? На совещании сошлись ведь во мнении, что на горе жить невозможно. Мы потерянем время.

– Выполняйте приказ, – лаконично ответил барон.

Ильин молча пожал плечами и первый свернул на незнакомую тропу. Тут же два казака встали – один впереди, а второй позади капитана. Ротмистр сжал губы и последовал за остальными членами отряда.

Всадники растянулись на узкой и убогой тропе, соблюдая полную тишину. Через полчаса Таубе махнул рукой. Все остановились. Лыков спрыгнул с седла, передал винтовку Мелентию Лавочкину и кивнул уряднику. Тот тоже спешился и вручил свою «бердану» ближайшему казаку. Вдвоём они пошли по тропе дальше, не производя ни единого шороха.

Через двадцать минут ходьбы Лыков разглядел впереди завал. Сложеный из камней, он перегораживал дорогу, оставляя только узкий проход для всадника. Туман не рассеивался, а становился даже гуще. Лыков указал Недайборщу направо, а сам сошёл налево и стал пробираться по скальной гряде вдоль тропы к завалу. Он двигался в мягких ноговицах совершенно бесшумно. Довольно скоро коллежский асессор обошёл завал и осторожно высунулся из-за гряды. Два абрека, выставив вперёд винтовки, караулили проход, неотрывно глядываясь в туман. Недайборщ, если и находился поблизости, никак себя не обнаруживал. Алексей вынул кинжал и стал подкрадываться к посту.

Они так и не почувствовали его. Когда до часовых осталось два шага, Лыков прыгнул. Сунув булат одному качагу под лопатку, он мгновенно набросился на второго. Схватил за горло, чтобы не закричал, вырвал винтовку и повалил на землю. Разбойник извернулся и вытащил кинжал. Тут из-за плеча Лыкова протянулась рука, и тонкий клинок вонзился абреку прямо в глаз...

Всё было кончено. Алексей отоспал урядника к отряду, а сам остался обронять проход. Вскоре подтянулась вся партия. Караульные были без лошадей – это означало, что лагерь совсем близко. Таубе знаками приказал спешиться и идти дальше уже пешком.

Внезапно из тумана показались две бородатые фигуры. Смена часовых! Медлить было нельзя, и сохранить тишину уже стало невозможно. Лыков двумя выстрелами свалил абреков, и бегом бросился вперёд.

Котловина открылась ему быстро. Огромная, чуть не с версту в диаметре, она была залита рваным редким туманом, позволявшим видеть стоявший посредине холм. Действительно, будто шляпа с загнутыми вверх полями и высокой тульей! Опоясывавшее холм открытое пространство служило, видимо, элементом обороны лагеря. Когда казаки побежали вперёд, с холма по ним открыл огонь одиночный стрелок. Пятьдесят саженей неприкрытой местности долго дались атакующим: один терец был убит и двое ранены. В конце концов Лыков догадался встать на одно колено и застрелил abreка. Когда отряд ворвался на холм, кроме единственного трупа, там не обнаружилось ни души.

– Да где же они все? – выдохнул разгорячённый боем Ильин, обежав лагерь и не найдя, с кем биться.

– Поджидают нас возле аула Цабадагара, – ответил Таубе и выразительно поглядел на Даур-Гирея.

– Да, – сказал Лыков, осторожно опуская раненого в плечо Зеленова на землю. – Если бы они были здесь в полном составе – всех бы нас положили. Идеальная позиция!

Действительно, осмотр укрепления показал его высокую инженерную подготовку. Вершина холма была срезана и выровнена. Образовалось круглое плато диаметром в сто саженей. На этом пространстве были поставлены четыре каменных горских дома, провиантский склад, большая утеплённая конюшня с каминами внутри, а также рубленная русская изба с отдельно стоящей баней. В самом центре возвышалась мечеть; подле неё в каменный жёлоб бил прямо из-под земли родник с чистейшей водой. Лагерь был окружён по периметру каменной стеной с бойницами; в стене имелся единственный проход.

– Все условия для упорной обороны, – констатировал Таубе, завершив осмотр укрепления. – И, кстати, открылась тайна, как abreki жили на таком холоде.

Действительно, во дворах строений лежали груды каменного угля. Видимо, разбойники обнаружили в окрестностях волшебной горы пласт, и тем разрешили проблему с топливом.

Отряд собрался внутри укрепления. Подполковник пересчитал наличных людей. Из дюжины казаков, выступивших из Темир-Хан-Шуры, осталось только семь. Причём, двое из них были ранены. С урядником, Лыковым и офицерами набиралось двенадцать ружей. Таубе устроил военный совет, в котором, впервые на равных, принял участие Недайборщ.

Барон заявил:

– К вечеру, не дождавшись нас возле Цабадагары, противники

возвратятся. У нас есть пять часов, или даже меньше. Какие имеются предложения?

– Надо устроить засаду на тропе между перевалом и караульным постом, – предложил Ильин. – Рассыплемся цепью вдоль тропы за камнями. Когда голова колонны дойдёт до завала, открываем огонь. С двадцати саженей мы уничтожим всех первым же залпом.

Предложение было столь очевидно разумным, что Таубе тут же утвердил его, закончив на этом совет. Оставшееся до засады время каждый занимался своим делом. Лошади и ослы отряда были помещены в лагерь. Их накормили трофейным фуражом из склада, и напоили водой из родника. К завалу был выставлен часовой. Опытный в военных делах Лыков достал из выюков батальонный хирургический набор и принялся перевязывать раненых. Таубе, Даур-Гирей и Ильин разбирали обширный архив, обнаруженный в русской избе. Видимо, тут проживал сам Лемтюжников. Переписка велась на арабском и турецком языках. Офицеры быстро просматривали бумаги и укладывали их в суконный чемодан. Барон больше наблюдал за подозреваемыми – не попытаются ли чего спрятать – нежели вникал в содержание бумаг.

Внезапно с улицы раздался крик:

– Сюда! Все сюда!

Алексей отложил пакет с корпией и выбежал на двор. Урядник Недайборщ стоял, ошеломлённый, возле родника, и показывал на валявшиеся вокруг туши животных.

– Видите?

Все лошади и ослы были мертвы.

Алексей не успел даже осознать случившееся, как из-за ограды послышался отдалённый выстрел. Коллежский асессор схватил винтовку и побежал к воротам; остальные последовали его примеру. Взобравшись на стену, они увидели, как в лощину кубарем спускается их часовой, поставленный около завала. Лыков тут же взял тропу на прицел. Часовой бежал что было сил, поминутно оглядываясь. Когда до спасительного укрытия ему оставалось тридцать саженей, на тропе появились абреки. Алексей немедленно открыл по ним убийственный огонь. Потеряв одного человека, разбойники смешались и отступили за камни. Казак воспользовался этим и благополучно проскочил в ворота укрепления.

– Что случилось? – подбежал к нему встревоженный Таубе.

– Так что, ваше высокоблагородие, они возвернулись! – доложил часовой, вытирая пот рукавом. – Цельная колонна подошла, верховые.

– Чёрт, Лемтюжников снял засаду раньше, чем мы предполагали! –

ругнулся подполковник. – Плохо. Ты догадался их пересчитать?

– Так точно, ваше высокоблагородие. Двадцать три человека.

– Так много? Откуда? Ты, братец, может быть, выдумываешь? Задал стрекача, а сейчас врёшь с перепугу?

– Напрасно изволите так говорить, ваше высокоблагородие, – обиделся казак. – Я службу знаю, хоть у урядника спросите. Было двадцать три. Головного я сшиб. Ещё одного их высокоблагородие господин Лыков порешили, когда мой бег прикрывали.

– Двадцать один. А нас – на девять меньше. Мы в окружении, в незнакомой местности, без лошадей и с двумя ранеными на руках... Слезай, приехали!

Глава 24

Последний бой

Укрепление было в осаде. Абреки блокировали единственную тропу и расставили стрелков по всему периметру котловины. Время от времени с их стороны звучал выстрел, и пуля летела через двор. Однако положение обороняющихся было вполне безопасное: каменная стена хорошо их прикрывала. За весь день никто не был задет: разбойники только зря переводили огнеприпасы. Наши отвечали экономно. Наконец, Лыкову это надоело. Он засел с винтовкой у бойницы и стал выслеживать стрелков. Вскоре обнаружил двоих. Пуля, выпущенная из «берданы» №2, пробивает дюймовую доску с расстояния в четыре тысячи шагов... В три заряда Алексей справился с абреями, после чего обстрел лагеря тут же прекратился.

В рубленой избе устроили лазарет. Положение обоих раненых было – средней тяжести. Чем быстрее будет доставлен врачебный уход, тем больше шансов, что люди выживут. А в осаде остатки отряда могут просидеть две недели, пока Бонч Осмоловский не забеспокоится и не вышлет подмогу. И ещё пять дней этой подмоге на то, чтобы добраться досюда! Необходимо было придумывать, как самим выбираться из ловушки. Да ещё имея внутри предателя... Понятно ведь, что конский состав был отравлен кем-то из своих. И куда теперь уйдёшь без лошадей? До Гуниба – сто с лишним вёрст по горным тропам. Можно, конечно, вернуться в аул Кхиндакх и купить живой инвентарь там. Но для этого требуется сначала прорвать кольцо абреев.

Таубे провёл совещание с Лыковым и Недайборщом, демонстративно игнорируя обоих офицеров. Подозрение, казалось, объединило двух недавних врагов. Они теперь держались вместе, говорили преимущественно друг с другом и старались быть всегда на виду. Даже выражение лиц сделалось у капитана и у ротмистра одинаковым – бесстрастно-угрюмым. Казаки обходили Ильина и Даур-Гирея, как прокажённых; оружие у обоих отобрали.

– Надо послать охотника к Бонч Осмоловскому, – сказал Таубе Лыкову и уряднику.

– Двух охотников, – поправил его Алексей.

– Людей итак мало, – возразил барон.

– Надо двоих, – поддержал сыщика Недайборщ. – Дело такое... Один может не дойти.

– Хорошо, – согласился Таубе, – пошлём двоих. Как, по-вашему, им лучше прорываться?

– Полагаю, ваше высокоблагородие, – рассудительно сказал урядник, – что обратно к перевалу их не пустят. Надо идти в другую сторону. Через Богосский хребет ведь два перевала?

– Молодец, Недайборщ – сразу уловил его мысль Таубе. – Правильно думаешь. Охотники пойдут туда, где их на ждут – не на восток, а на запад. Обогнут волшебную гору и по Цунтинскому перевалу вернутся обратно к Аварскому Койсу. Строй казаков.

Подполковник встал перед кучей шеренгой уцелевших терцев и сказал им:

– Надо, ребята, к своим пробиваться, донесение передать. Дело опасное, не хочу приказывать. Есть ли промеж вас охотники?

Тут же вперёд вышел казак Панченков, человек опытный и решительный.

– Мелентий, – сказал Алексей своему денщику, – и ты ступай. Силушка твоя может пригодиться.

– Точно, – одобрили казаки, – сия мысля справная! Эй, махонький! колокольне деверь! выходи из строю.

– А и то, – крякнул Лавочкин, – где наша не пропадала? Решаюсь!

Охотники долго внимательно рассматривали западный край котловины в подполковничий бинокль – искали удобное место для прорыва. Там, где белел ледник в форме подковы, обнаружили неприметную канавку. Алексей отдал Панченкову свои поршни на железных шипах – сподручнее лезть ночью по глетчери.

Мелентий тепло простился с Лыковым, охотники курнули напоследок с товарищами и, дождавшись темноты, ушли. Таубе снабдил их запиской к Бонч Осмоловскому и суммой для покупки двух лошадей. До полуночи люди прислушивались и вглядывались в ночь, но было тихо. Охотники либо проскочили, либо нарвались на кинжалы и погибли без стрельбы.

В полночь Таубе вызвал к себе урядника и впервые обратился к нему по имени-отчеству:

– Вот что, Василий Полуектович! Остаёшься здесь за главного. У тебя четыре ружья и хорошая позиция – продержись, пожалуйста!

– Отчего не продержаться? Смогём. А вы-то куда? И что мне с энтими делать?

И кивнул на безоружных офицеров.

– Они уйдут с нами, со мной и Лыковым. Будем ловить Лемтюжникова.

Недайборщ с сомнением покачал головой:

– Вчетвером на двадцать ружей? Одумайтесь, ваше высокоблагородие.

– Заодно и шпиона выявим, наконец.

– А по мне, стрельнуть обоих и не опасаться, что в спину ударят, – пробурчал, понизив голос, урядник.

– Один из них – честный офицер. Его тоже предлагаешь стрельнуть?

Урядник смущился и переменил тему:

– Так как же вы ловить будете ту паскуду? На тропу не пустят.

– Ты думаешь, старый душегуб сидит сейчас на холодных камнях у костерка и честит нас по матери? Нет. Он в пещере.

– В какой ещё пещере? – удивился Лыков.

– В которой живёт джин.

– Извини моё невежество, но почему ты решил, что такая пещера существует?

– Лагерь, который мы захватили, хотя и хороший, но по сути представляет собой ловушку. При серьёзной опасности отсюда не выбраться. Лемтюжников хитёр; у него не может быть только одно убежище. А пещера на склоне волшебной горы очень подходит – ни один горец туда не сунется.

– Пусть так, но где она, эта пещера? Как мы её отыщем?

– Вы с Василием Полуектовичем не наблюдательны. Осматривая днём лагерь, я обнаружил цепочку угольной пыли, которая уходит в сторону Аддала-Шухгельymeэр.

– Ну, и что? Я тоже видел ту цепочку. Абреши таскали уголь в мешках с горы в лагерь. Видимо, раскоп прямо на склоне.

– Ты плохо рассмотрел следы. Уголь таскали не оттуда, а туда.

Озадаченный Лыков задумался:

– А ты не ошибся?

– Нет. Онсыпался по ходу движения.

– Хм… Ну… тогда ты прав. И пещера существует. Запас угля снесли в неё?

– Именно. Сейчас, ночью, в пещере сидят Лемтюжников, возможно, ещё Малдай из Бахикли, ну, и два-три абреши. Для охраны и услужения. Не больше. Остальные осаждают наш лагерь.

– Да, это правдоподобно.

– Поэтому, если мы вчетвером ввалимся туда, силы окажутся примерно равны. А, учитывая твои боевые качества… да и мои тоже… то у нас будет

перевес. Предатель неизменно выдаст себя в этой схватке – ему уже некуда будет отступать. Главное, вовремя это увидеть и противодействовать.

На этом военный совет завершился.

В четыре часа утра подполковник разбудил офицеров и протянул им их револьверы и кинжалы.

– Берите.

– А винтовку? – сразу спросил Даур-Гирей, засовывая «смит-вессон» в кобуру.

– Будут только у нас с Лыковым, а вы обходитесь этим. Сейчас идём в пещеру брать Лемтюжникова с Малдаем. По ходу пьесы и выясним, кто из вас двоих честный офицер, а кто предатель.

Ильин посмотрел на подполковника с интересом, принял оружие и стал молча одеваться.

Вскоре они уже крались по едва нахоженной тропе. Таубе, хорошо видевший в темноте, шёл впереди. Время от времени он садился и разглядывал угольные крошки. Когда группа выбралась на край котловины, начало быстро светать. Отчётливо различимый след вёл вверх. Ещё через пятнадцать минут им открылась пещера. До неё было сто саженей. Из большого отверстия в горе тихо выползал чёрный дым и стелился по камням.

– Здесь, голубчики, – прошептал Таубе. – Вижу часового.

– Я вижу двоих, – сказал Лыков. – Второй левее; из-за валуна высовывается ствол его карамультука.

– Да, правильно... Осторожный, старый чёрт! Придётся разделиться. Покамест получите вот это.

Подполковник порылся в карманах и вынул три маленьких металлических предмета.

– Это же «кри-кри»! – удивился Алексей. – Зачем они в горах?

«Кри-кри» было французское изобретение, недавно проникшее в Россию. Конструкция из двух железок при нажатии издавала резкий, неприятный звук, который и дал название игрушке. Всеобщая мания, подобно заразной болезни, охватила города империи. И мальчишки, и даже взрослые люди ходили по улицам и с утра до вечера развлекались, запуская противный визг в толпу. Лошади пугались, дамы вздрагивали, младенцы рыдали... Городские думы запрещали заграничное изобретение своими постановлениями, полиция ловила и штрафовала нарушителей, но эпидемия не проходила. И вот теперь Таубе выдаёт им «кри-кри» перед штурмом пещеры...

– По этому звуку мы будем опознавать друг друга. Свист или крик

можно подделать. А такой визг не повторишь. Теперь часовые. Лыков берёт правого, Даур-Гирей левого. Мы с Ильиным наступаем по фронту. По вашим сигналам атакуем пещеру. Рассыпься!

Алексей оценил позицию и пошёл в обход своего часового. У него ушло на этот манёвр двадцать минут. Подкрался. Абрек в белой щегольской бурке, наброшенной поверх ергака, прислонился к скале и лениво поглядывал на тропу. Нападения он явно не опасался. Одним быстрым движением коллежский асессор перерезал ему горло и ткнул лицом в бурку, чтобы заглушить хрип. Прислушался, извлёк из кармана железку и подал сигнал.

– Кри-кри! – отозвались ему в ответ три игрушки. Значит, Даур-Гирей тоже успел разобраться со своим караульщиком. Алексей быстро смеялся ко входу в пещеру, опять нажал устройство. Тут же из-за камней вышли Таубе и Ильин, держа оружие наготове.

– Кри-кри! – раздалось из пещеры.

– Даур уже там. Вперёд! – скомандовал барон, и все трое ворвались внутрь убежища. Больше они ничего сделать не успели: в грудь им упёрлись стволы винтовок.

Сопротивление было бесполезным. Добрый десяток абреков окружил русских со всех сторон, держа их под прицелом.

– Бросай оружие! – раздался из глубины старческий неприятного тембра голос. Таубе, помешкав секунду, положил винтовку на землю, отстегнул пояс с шашкой и кинжалом, бросил следом револьвер. Ильин с Лыковым неохотно последовали его примеру. Немедленно всем троим связали руки за спиной и повели внутрь.

Пламя костра осветило пожилого человека среднего роста, с редкой седой бородой на худом морщинистом лице. Голову старика украшала папаха, обвитая куском жёлтого шёлка^[130]. Лемтюжников! Он подошёл к своим пленникам и злобно ухмыльнулся:

– Ну, вот и свиделись! Заждался я вас. Теперь повеселимся!

И засмеялся так, что у бывалого Лыкова мороз по коже прошёл...

Турецкий резидент оглянулся:

– Где наш брат?

Вдруг Лыков увидел возле костра ротмистра. Тот был с револьвером, саблей и кинжалом на поясе! Лемтюжников что-то сказал ему по-арабски.

– «Спасибо тебе, любезный наш брат», – бесстрастно перевёл Таубе. – «Теперь ты у своих и можешь сбросить ненавистную личину».

Даур-Гирея тут же учтиво, но настойчиво увели; лицо у него было, почему-то, растерянное.

– Сволочь! – успел крикнуть ему вслед Алексей, и тут же получил сзади увесистый удар прикладом в спину.

– Посадите их покамест в яму; я зайдусь этими гяурами позднее, – приказал Лемтюжников и вышел вон.

Пленников проводили внутрь пещеры. Там обнаружилась яма глубиной много больше сажени. По лестнице офицеров и Лыкова спустили в неё. Лестницу тут же убрали, а наверху встал часовой.

– Я ведь вам говорил... – с горечью выдохнул невидимый в темноте Ильин.

– Прошу простить нас с Алексеем Николаевичем, Андрей Анатольевич, – ответил ему грустно Таубе. – Мы оскорбили вас незаслуженным подозрением. Мне очень жаль.

– Сейчас чего уж... Вы хоть понимаете, что нас ожидает? Лемтюжников захочет узнать все наши секреты. И понятно, каким способом он станет этого добиваться...

Капитана даже передёрнуло при мысли о предстоящих неизбежных мучениях.

– Да... – сипло произнёс Лыков. – Влипли. И казаков загубили – они без нас долго не продержатся.

Он попытался освободить руки, но сыромятный ремень хуже любой цепи – его нельзя порвать.

– Дай я попробую зубами, – шёпотом предложил Таубе, но сверху послышался окрик часового:

– Плетей захотел, кяфир? Стоять молча! Иначе завяжем рты.

Они провели в холодной яме четыре долгих часа. Однажды Лыков крикнул караульному:

– Эй! Мне надо в уборную! Развяжи мне руки!

– Ха! – рассмеялся тот. – Потерпи ещё немного. В аду будет тебе уборная.

Наконец, им спустили лестницу, вытащили наверх и повели обратно к выходу из пещеры. Руки у Лыкова затекли; казалось, в пальцы ему насовали иголок. Пленников поставили к жарко пылающему костру. В огне, малиновая от нагрева, лежала кочерга.

Лемтюжников надел рукавицу, взял кочергу и подошёл к строю пленников.

– Охо-хо... Ты, значит, главный. Таубе. Барон! Не собачий хрен! Знаешь, почему я сорок пять лет назад перешёл к Шамилю? Из-за другого барона. Батальонный был наш командир, Меллер-Закомельский. Невзлюбил он меня, немчура! Заставил ходить пешком за фронтом

полка^[131]. Из-за того лишь, что в рот я этой гадине не смотрел! Ты мне за него и ответишь. Как барон за барона, хе-хе! Повесим тебя на твоём же флигель-адъютантском аксельбанте. Так... А ты Ильин. Горцев ненавидишь. Все они звери, по твоему... Вот и попал к зверям! Надеюсь, будешь не в претензии, как почуешь на себе все наши дикие фантазии! Дальше идём. Лыков. Иса сказал – ты больше всех наших перебил. Вот за то мы с тебя и начнём. Окажем такую честь. Ну? Заявки какие есть? Глаз тебе выжечь, или морду подпалить?

Лыкова стала бить мелкая дрожь, которую он, как ни старался, не мог унять. Положение было безвыходным. Десяток вооружённых до зубов абреков столпились вокруг беззащитных пленников, предвкушая удовольствие увидеть их муки. Среди разбойников выделялся толстый кряжистый мужчина лет пятидесяти, в нарядной жёлтой чухе^[132], с дорогим кинжалом, висевшем на поясе с серебряными насечками.

– Давай, гяур, покричи! – сказал он на добротном русском языке. – Малдай из Бахикли любит такие звуки – они ему, как музыка.

– Гази^[133], а можно и мне потом пожечь кяфира? – вышел вперёд детина огромного роста, с покатыми могучими плечами и простым наивным лицом. – Никогда ещё не жёг – хочу попробовать.

– Только после сартипа и меня, Ифрит. Но их трое – и на тебя останется!

– Спасибо, Гази. Начну пока думать, какое место ему жечь, чтобы получилось больнее...

Лемтюжников заметил, что кочерга в его руке успела уже несколько остыть, и снова положил её в костёр. Затем вернулся к Лыкову и принялся буравить его маленькими, но удивительно злыми глазами.

– Ты можешь избавиться от мучений, если правдиво ответишь на мои вопросы. Тогда мы тебя просто убьём. А можешь и остаться в живых! Произнесёшь шахаду^[134] – и станешь одним из нас. Аллаху нужны храбрые джигиты. Иса очень тебя хвалит. Только... тебе придётся лично кончить этих двух. Чтобы мы тебе поверили. Ну?

У Лыкова от ужаса и безысходности ныло в низу живота, в висках стучали молотки. Боясь выдать своё состояние противнику, он только молча отрицательно покачал головой. Более всего сыщика страшило – хватит ли у него сил выдержать пытку? Не сдастся ли он на глазах у товарищей?

– Отказываешься? Ха! Так это даже к лучшему – не лишаешь меня удовольствия! Посмотрим, что ты запоёшь через минуту. Я стану мучить тебя несколько недель, ежедневно. Если только Аллах не сжалится над

тобой и не лишит разума. А когда устану, отдам Ифриту.

Лемтюжников вернулся к костру, вновь взял из огня кочергу. Раскалённая уже добела, она распространяла вокруг себя сильный жар. Старый дезертир плюнул на металл – в воздухе раздалось шипение.

– Самый раз. Начнём. Ифрит! Держи его ты – Лыков очень здоровый.

Великан зашёл Алексею за спину и схватил его так крепко, что тот не мог пошевелиться. Варенька, Павлука, Николка! Прощайте! Господи Боже, дай мне силы...

Вдруг в проходе появился высокий статный горец в скромной черкеске и сказал вполголоса на «балмаце»:

– Именем Аллаха милостивого, милосердного^[135]... Останови пытку, сартип. Я забираю Лыкова.

Лемтюжников тут же отступил на шаг и опустил свою страшную кочергу.

– Что это значит, Аз-Захир? Ты полагаешь, что можно вот так вот придти ко мне, без приглашения, и отобрать моего пленника? Убирайся! Лыков умрёт, потому, что я так решил.

Алексей, не соображая ничего от волнения, глянул на вошедшего горца. Лицо его показалось сыщику знакомым. Через секунду он вспомнил: это был торговец сукнами, что встретился им мельком на тропе три дня назад. Что он тут делает? Теперь мирный торговец оказался вооружён до зубов, а голову его украшала шапочка с вышитой розой с тремя рядами зелёных лепестков.

– Лыков не умрёт. Ты мне его отдашь, потому, что это пожелание Сухраб-бека.

– А иди-ка ты к шайтану вместе со своим Сухраб-беком! – в ярости вскричал дезертир. – Гяур мой! Я никому его не отdam!

– Он не гяур. Лыков – ахль аль-китаб^[136]. Братство Кадирия берёт его под свою защиту.

Лемтюжников в ярости подскочил к дервишу и взвизгнул, схватившись за кинжал:

– Никто в целом свете не смеет приказывать Языджи Али! Прочь отсюда, пока не порезали тебя на куски!

Абреки тоже возмущённо загудели и угрожающе обступили Аз-Захира со всех сторон. Сердце у Лыкова опять сжалось: он не знал, кто такой ахль аль-китаб, но ему почудилась надежда и теперь угасла.

Однако загадочный дервиш в шапке с зелёной розой не собирался ни пугаться, ни уходить прочь. Переждав крики, он ухмыльнулся и

насмешливо, с угрозой и издёвкой спросил разбойников:

– Что такое? Вы собираетесь перечить Сухраб-беку? Мне не послышалось? Глупцы... Он только щёлкнет пальцем, и ваши кости пойдут на пропитание шакалам. Я, Аз-Захир, правая рука великого шейха, говорю вам: склоните голову. Покуда её не снесли наши шашки...

Суфий не хватался за оружие и не принимал устрашающих поз, но его тон был столь грозен, без рисовки, что абреки сразу же расступились.

– Развяжите пленника!

Малдай из Бахикили посмотрел на Лемтюжникова. Тот молча кивнул. Тогда главарь абреков подошёл к сыщику и сам разрезал ремень на его запястьях. Руки у Алексея сразу заломило, будто он обморозил их; сынок принял энергически разминать затёкшие пальцы.

– Пойдём, – сказал ему Аз-Захир.

– А они? – Лыков показал на своих товарищей.

Дервиш покачал головой:

– Только ты. Они не находятся под защитой братства Кадирия.

– Алексей, немедленно уходи, – быстро приказал Таубе.

– Прощайте, Алексей Николаевич, – добавил Ильин. – Помолитесь за нас.

Лыков и не верил своему нежданному счастью, и не решался бросить товарищей. Но ему не дали долго рассуждать: суфий взял сыщика под руку и вывел из пещеры наружу. У входа стояли две осёдланые лошади.

– Садись.

Как только они отъехали на десяток саженей, Лыков сказал, оборачиваясь к своему спасителю:

– Дай мне свою винтовку и уезжай. Я заплачу тебе десять тысяч рублей.

Горец смотрел холодными глазами сквозь него и молчал.

– Сто тысяч! Могу собрать и больше, только не сразу! Отдай винтовку и кинжал...

Аз-Зазир молча отрицательно покачал головой.

– Пойми: там мои друзья. У тебя есть друзья? Ты бросил бы их в беде? Сейчас их жгут там калёным железом. Как же я уеду?

Словно в подтверждение его слов, со стороны пещеры раздался нечеловеческий крик боли – это кричал капитан Ильин. Алексей немедленно остановил коня и спрыгнул на землю. Дервиш сдёрнул с плеча винтовку и навёл на него.

– Ты не смеешь меня убить. Шейх этого не одобрит.

– Я выстрелю тебе в ногу. Могу попасть в кость – лучше не серди

меня!

Лыков упрямо сделал два шага к горцу. Ещё столько же – и он допрыгнет. Аз-Захир щёлкнул затвором:

– Не дури.

Алексей, глядя прямо в дуло винтовки, сделал ещё шаг. Дервиш прицелился ему в ляжку. Вдруг сзади мелькнула большая тень, и горца словно ветром сдуло с седла. Он растянулся на камнях, а над ним невесть откуда появился Мелентий Лавочкин с занесённым для удара кинжалом.

– Не бей! – успел громким шёпотом остановить его Лыков. Казак послушно застыл, но руку с клинком не опускал. Он грозно пучил глаза и только ждал команды прикончить горца.

Алексей наклонился над поверженным дервишем, снял с него пояс с белым оружием^[137], подобрал с земли винтовку, а с седла забрал патронташ. Аз-Зазир не сопротивлялся, молча глядя на коллежского асессора снизу вверх.

– Передай великому шейху мою признательность, которой нет границ. Тебе тоже спасибо – ты спас мою жизнь. А теперь уезжай.

Горец с достоинством поднялся, отряхнул черкеску и прыгнул в седло.

– Я оставлю твоё оружие у старосты аула Дагбах.

Аз-Зазир кивнул и быстро уехал прочь. Лыков обернулся к Мелентию.

– Спасибо и тебе. Ты как здесь оказался?

– Как мы с Панченковым прорвались, то и разделились. Он пошёл в Дио, а я решил возвернуться, к вам пристать. Вот и пригодился!

– Ещё как пригодился, чертёка! Пойдём теперь, вызволим подполковника Таубе и капитана Ильина. Они в плену. А Даур-Гирей оказался предателем...

– Бусурманское семя... – пробурчал Лавочкин. – Ведите, вашвысокобродь. Выручим своих.

Лыков, взяв в руки заряженную винтовку, снова ощутил внутри привычную уверенность. Страх и растерянность прошли; он готов был теперь порвать врагов на части. Вдвоём они подкрались к пещере. На камнях сидели два абрека в драных бешметах и уплетали вяленую баранину. Короткое нападение – и оба пали под ударами кинжалов. Алексей закинул на плечо их ружья.

– Это для наших. Ты, Мелентий, со мной внутрь не ходи. Каравуль выход. Кто чужой оттуда выскочит – бей без пощады.

– Есть, Лексей Николаич!

Лавочкин занял позицию за валуном. Лыков изготовил «бердану» и стремительно ворвался в пещеру.

Первым делом он сбил в костёр пару гревшихся возле огня разбойников. В глубине пещеры засутились. Сыщик подскочил к сидящим на корточках Таубе и Ильину, мгновенно разрезал их путы, вручил по винтовке и открыл огонь над их головами по набегающим из темноты абрекам. Первым же зарядом он уложил на месте Малдая из Бахикли. Таубе оправился первым и через секунду поддержал его огнём. Вдруг сзади послышался шорох. Алексей обернулся: Лемтюжников с белыми от ярости глазами, с кинжалом в руке, набегал на подполковника. Сыщик уже ничего не успевал сделать... Но тут Ильин вскинул винтовку и точным выстрелом прямо в сердце свалил старого дезертира. Тот упал в шаге от Таубе. Барон посмотрел под ноги, оглянулся на Ильина и благодарно кивнул.

Русские прислушались. В глубине пещеры стало тихо; оттуда никто больше на них не нападал. Зато снаружи раздавались звуки сабельного боя.

— Капитан, держите пещеру на мушке, а мы с Лыковым разберёмся, что там, — скомандовал Таубе и побежал к выходу. Алексей заторопился следом — и чуть не споткнулся об распростёртое тело Лавочкина. Тот был разрублен одним страшным ударом от правого плеча до левого бедра, практически надвое. Даже бывалый Лыков никогда ещё не видел ударов такой силы... Мелентий умер мгновенно.

— Ифрит, собака! — выкрикнул сынщик в гневе. — Иди сюда, бейся со мной!

На его зов из-за валуна не торопясь появился великан с окровавленной шашкой в руках и попёр на него.

— Я здесь, урус! Хочешь смерти?

Больше он ничего сказать не успел, и сделать тоже. Разъярённый Лыков набросился на абрека с голыми руками. Чудовищной силы удар сбил Ифрита с ног. Алексей схватил его за бороду и поволок к большому камню. Оглушённый абрек захлёбывался кровью и глупо таращил глаза. Сыщик положил его голову на камень, примерился и, широко размахнувшись, приложился чуть выше переносицы. Раздался хруст, череп великана треснул, как спелая тыква...

— Это тебе за Мелентия, паскуда!

Почти в упор грянули выстрелы — уцелевшие абреки окружали пещеру. Таубе с Лыковым заторопились внутрь. Там в боевой позиции стоял Ильин и внимательно караулил, не крадётся ли кто из темноты.

— Что у вас там? — спросил он, оборачиваясь на секунду.

— Мы опять в осаде, — ответил Таубе. — Откуда только берутся, сволочь? Их там человек семь, не меньше.

— Сейчас я их прогоню, — сказал Лыков.

Подполковник с капитаном с интересом принялись наблюдать за ним. Алексей снял с лысины Лемтюжников обвитую жёлтой материей папаху, а у мёртвого Малдая подобрал его роскошную шапку из дорогого каракуля.

— Эй! Ловите там! — крикнул он наружу и, размахнувшись, далеко зашвырнул обе папахи. Выждал минуту и добавил:

— Даю пять минут. Кто не спрятался — я не виноват!

Сыщик повернулся к офицерам, сказал добродушно:

— Можете пока покурить. Надо дать им время намазать пятки салом.

— А нечего курить, отобрали всё, — сказал Ильин, и вдруг лицо его дрогнуло. — Живы... Я ведь уже...

Он сел на чурбан, обхватил голову руками и застыл так; по лицу его катились слёзы.

— Извините. Так страшно было...

— Ещё бы не страшно, — проворчал Лыков. — Я чуть не обделался...

Капитан овладел собой, поднялся. Мундир на нём был разорван, на голой мускулистой груди белели пузыри ожёгов.

— Спасибо вам, Алексей Николаевич. Не верил, скажу честно, что вы вернётесь.

— Это Мелентию Лавочкину спасибо. Спас он нас с вами. А сам погиб...

Все трое замолчали. Вдруг Лыков услышал, как умирающий Лемтюжников что-то бормочет.

— Тихо!

Он подошёл к старику, прислушался. Тот лежал на спине, из груди его слабеющим ручейком сочилась кровь. Устремлённые в пещерный свод глаза дезертира, недавно ещё такие злобные, сделались умиротворёнными. Это было так удивительно и не уместно в столь страшном человеке, что сынок растерялся.

— Налинька... Налинька...^[138] — чуть слышно шептал Лемтюжников. — Любовь моя, светик мой... скоро уж свидимся...

Ильин тоже подошёл, прислушался, пожал плечами:

— Невероятно. Такое чудовище — и кого-то тоже любило...

— А ну его, — махнул рукой Таубе. — Пойдёмте лучше казаков выручать из лагеря.

— Хватился! — хихикнул Лыков. — Зря, что ли, я шапками бросался? Абреки сейчас уже на перевале. Пока до Грузии не добегут — не остановятся. Давайте лучше лошадей здесь всех соберём. Пригодятся.

И, не опасаясь, вышел из пещеры наружу. Он не ошибся — вокруг было уже пусто.

Глава 25

Возвращение

Вниз по Аварскому Койсу шла партия. Впереди ехали Таубе, Лыков и Ильин; за ними три казака с урядником сопровождали двух своих раненых. Это было всё, что осталось от отряда в двадцать ружей, выступившего почти месяц назад из Темир-Хан-Шуры...

Замыкали колонну несколько горцев, нанятых для услуг. Они везли замотанные в кошмы тела Лемтюжникова и Малдая. В Гунибе их опознают – и зароют в безымянной могиле. Третье тело было Мелентия Лавочкина; Лыков постановил доставить его на родину, в станицу Слепцовскую, и передать родителям. Артилевского похоронили на кладбище аула Дагбаш. Войсковой старшина был одинок; какая тогда разница, где лежать?

Ещё в обозе находился обширный архив старика в жёлтой чалме. Разведочное отделение в Тифлисе будет весьма радо этим документам. Таубе бегло ознакомился с ними и убедился: бумаги помогут устраниć всю турецкую резидентуру на Кавказе.

Изменилась и обстановка в ослабевшем отряде. Казаки не забыли своей вины, и во всём теперь старались услужить капитану. А Лыков, помня его скучные искренние слёзы в пещере, пропитался к Ильину самыми добрыми чувствами. Ожоги, нанесённые раскалённой кочергой Лемтюжникова, заживали плохо. Куски омертвевшего мяса на груди капитана загноились и причиняли ему сильные страдания, но он держался мужественно. Однако требовалось быстрее доставить пострадавшего до госпиталя.

В десяти верстах перед аулом Датуна они встретили спешившую им навстречу сильную военную колонну. В голове её шёл полковник Бонч Осмоловский. Длинные седые усы начальника Гунибского округа грозно трепыхались на ветру, стеклянный глаз сверкал на солнце, словно бриллиант. Следом ехал казак Панченков. Терцы встретили товарища радостными криками.

Прямо на горной тропе произошла трогательная встреча двух отрядов. Таубе сообщил полковнику о выполнении задания Военного министерства, и передал тела резидента и предводителя абреков. Рассказал подробно и о гибели Артилевского. Бонч Осмоловский весьма расстроился – они служили вместе много лет. Барон вручил начальнику округа игреневого

жеребца, знаменитый кинжал, набор дорогих азарпешей и восемьсот рублей, что обнаружились в вещах покойного. Вещи и коня Бонч взял на память о товарище, а деньги вручил уряднику Недайборщу – пусть разделит среди своих казаков на помин души Эспера Кирилловича. Ещё полковник послал людей забрать тело Артилевского и перезахоронить его на русском кладбище в крепости Гуниб. Терцам поручено было также скечь до основания лагерь абреков в котловине; у людей Таубе сил на это уже не достало.

Лыков ехал и вспоминал. Месяц назад он заявил генерал-адъютанту Обручеву, что в компании барона Таубе «готов отправиться хоть к чёрту в пасть». Так оно и вышло. Они с другом побывали у нечистого в самой глотке, и только мужество простого казака спасло их жизни... Таубе и Лыков бывали до того в самых опасных переделках, много раз смотрели в глаза смерти. Но в холодных дагестанских горах их ожидало особенное испытание... Страшная мучительная погибель от рук озверелых абреков едва миновала сыщика и разведчика. Никто и никогда не отыскал бы их останков. Оба сгинули бы навеки совершенно безвестно, и Варенька никогда так и не узнала бы, как умер её любимый супруг. А сыновья выросли бы без отца, тщетно пытаясь вспомнить хоть его лицо...

Там, в жуткой пещере, Лыков испытал настоящий страх, какого не ведал уже много лет. Ужас бессилия, ожидание мучений на какое-то время полностью лишили Алексея его привычного мужества. И он не мог понять теперь, чего больше боялся в тот час: страданий и смерти, или потери достоинства в глазах товарищей...

Через два дня отряд Таубе вошёл в крепость Гуниб. Столица обширного округа являлась островком русской жизни посреди чужого туземного мира. Они помылись в солдатской бане, закупили «очищенной» в лавке у армянина, а ночевали на постелях с чистым бельём.

Утром следующего дня Таубе и Лыков прощались во дворе крепости со ставшими им родными казаками. Недайборщ в последний раз выстроил перед ними свой изрядно поредевший взвод. Терцы уходили в свою станицу Слепцовскую, и забирали с собой тело Мелентия Лавочкина. По такому случаю разведчик и сынок надели все свои награды. На двоих у них вышло семь орденов, столько же медалей, плюсом две иностранные цацки у барона и, у него же, золотое оружие. Начальник отряда и его помощник очень благодарили казаков с урядником. Те вынесли на своих плечах тяжкую ношу, потеряв в схватках половину товарищей.

Таубе проводил взвод до Карадаха. У него были на то свои причины – он хотел повидаться с Атаманцевой. Между ними состоялся решающий

разговор.

— А где Алексей Николаевич? — первым делом спросила эскулапка. — С ним всё в порядке?

— Слава Богу, он в добром здравии; передаёт вам поклон. Алексей Николаевич примерный семьянин, он счастлив в браке, у него двоё очаровательных сыновей. Он не придёт.

— А вы, барон, стало быть, пришли, — с усмешкой констатировала Лидия Павловна, раскуривая папироску.

— Я пришёл.

— Для чего, позвольте полюбопытствовать?

— Завтра я должен отбыть в Темир-Хан-Шуру, и оттуда в Петербург...

— Счастливого пути!

— Спасибо. Интересы службы не позволяют мне задержаться в Дагестане ни на день. Но, как только я отдаю рапорт начальству, то испрошу отпуск и приеду сюда опять. На этот раз за вами.

— Что значит за мной?

— За вами, чтобы увезти вас в Петербург.

— И в качестве кого, любезный Виктор Рейнгольдович? — рассмеялась Атаманцева. — В качестве очередной вашей любовницы?

— Нет, Лидия Павловна. Я прошу оказать мне честь и стать моей женой.

Докторша опешила. Сделав несколько быстрых затяжек, она бросила папиросу в бронзовую пепельницу и отошла к окну, скрывая лицо. Таубе стоял по стойке «смирно», ни жив, ни мёртв... Прошло несколько тягостных для него минут.

— Как же вы себе это представляете? — наконец, спросила Атаманцева напряжённым голосом, не оборачиваясь.

— Ну... придётся переменить квартиру. У меня маленько холостяцкое жильё в Четвёртой линии Васильевского острова. Вдвоём там будет тесно. Должен сразу предупредить: я не богат и существую исключительно службой.

— Да? — Атаманцева наконец повернулась к барону лицом. — Что же вы тогда имеете мне предложить?

— Свою любовь, Лидия Павловна. Руку, сердце и честное имя. Навсегда.

Подполковник был серьёзен, категоричен и взволнован. И в глазах у женщины что-то дрогнуло... Насмешка ушла с её лица, а взамен появились неуверенность и, вместе, надежда.

— Но вы же понимаете, Виктор Рейнгольдович, что я не та гурия,

«которой не касался ни человек, ни джин»^[139]. Я женщина со своей историей.

– Очень хорошо это понимаю, Лидия Павловна.

– И?

– И повторяю своё предложение. Я не тороплю вас с ответом. Подумайте. Но... очень прошу не отказывать.

– Да ведь я ещё политически неблагонадёжна! Мне запрещён въезд в столицы.

– Полагаю, мне удастся исправить эту несправедливость.

– Хм... А вы не забыли, что я «жевешка»? Или надеетесь, что став баронессой Таубе, я приучусь чесать языки в столичных гостиных?

– Вы станете делать то, что сочтёте нужным. Будет единственное требование с моей стороны, но оно не подлежит обсуждению.

– Что это за требование?

– Беречь честь имени. Не в смысле правил так называемого света – мне нет до него дела. А в смысле правдивых, честных отношений. Я вас люблю, а вы меня нет. Надеюсь, что пока нет... Если, будучи уже моей женой, вы полюбите другого человека – скажите мне об этом. Вы немедленно получите свободу. Самое главное в союзе между мужчиной и женщиной, по-моему, это любовь в союзе с правдой.

– А вот под этим и я готова подписатьсь! – воскликнула Лидия Павловна.

– Это значит, что я могу надеяться?

– Мне нужно подумать.

– Но... это не отказ?

– Нет, – мягко сказала Атаманцева, – это не отказ.

– Я вернусь через две, много три недели. И очень, очень надеюсь на ваш благосклонный ответ. Честь имею!

Маховик событий гнал теперь друзей в обратную сторону. Спустя сорок восемь часов они прибыли в Темир-Хан-Шуру. Там подполковник первым делом пошёл на телеграф и вернулся оттуда с приказом: Лыкову и Таубе немедленно прибыть в столицу, захватив с собой капитана Ильина. Видимо, того ожидало серьёзное отличие и, возможно, новое назначение.

Плыть вверх по Волге было бы слишком длинно. Питерцы решили воспользоваться железницей^[140] и выехали во Владикавказ. Дорога через Новочеркасск, Воронеж и Рязань всего за двое суток доставила их в Москву. Ильин впервые оказался в Первопрестольной и ошелел от её масштабов.

– Да! – то и дело повторял он, лихорадочно блестя глазами, – Это вам не Тифлис!

– Посмотрим, Андрей Анатольевич, что вы скажете о Петербурге, – посмеивался Таубе. – Может, и уезжать оттуда не захочется...

Ещё ночь в поезде, и они оказались в столице. Подполковник прямо с вокзала повёз всех в Военное министерство, не дав соскучившемуся Лыкову даже на минутку забежать домой. В закутке у Енгалычева все трое переоделись в парадные мундиры и, в сопровождении генерал-майора, пошли представляться Обручеву. Начальник Главного штаба принял их сразу.

Таубе, почему-то хмурый, доложил генерал-адъютанту:

– Ваше высокопревосходительство! Агент турецкой разведки по вашему приказанию доставлен!

Лыков неуверенно хихикнул. Что за блажь нашла на Витьку – шутить перед начальством? Однако барон был серьёзен, как никогда. Он развернулся к Ильину и сказал ему с крайней неприязнью:

– Вы арестованы. Сдать оружие!

Таубе с Лыковым сидели в отдельном кабинете ресторана «Медведь» и молча глушили коньяк. Отдала душу уже третья бутылка, но обоих всё не отпускало... Наконец, Лыков спросил:

– Когда ты впервые начал догадываться?

– Сразу же. Слишком нарочито он играл роль сироты, ненавидящего всех горцев за то, что они лишили его отца. Перебор... Сын никогда даже не видел своего родителя, а такая сильная любовь! Обычно на характер человека оказывают влияние окружающие его живые люди, а не покойники. Помнишь, мы ходили с тобой ночью на полицейский телеграф?

– Да. Ты развёл тогда такую таинственность...

– Я запросил Военное министерство – кем является мать Ильина? И мне ответили: она полька, дочь графа Волоковицкого, инсургента, высланного на Кавказ и там скончавшегося.

– Она, стало быть, вырастила сына? В такой ненависти к русским, а не к горцам.

– Да. Но ей помогали – позже скажу, кто.

– Но это дало тебе лишь подозрение. А прочие события? Согласись, что ничто не указывало явно на капитана.

– Конечно. Я, как и ты, искал улики и не находил их. И лишь потом догадался: изменник тот, кто вернётся с нами в Темир-Хан-Шуру.

– Это как понимать?

– Лемтюжников задумал операцию так, чтобы бросить подозрение на другого человека, а своего агента полностью обелить. Для жертвы он с самого начала выбрал Даур-Гирея.

– Значит...

– Да. Иса Бечирович Даур-Гирей был честный офицер.

– Они убили его?

– Конечно. И обезобразили до неузнаваемости труп, чтобы никто никогда не смог его опознать. Он лежит сейчас на одном из восьми ледников Аддалы-Шухгельмеэр, в таком месте, что найти невозможно.

– Но я всё-таки не до конца понял твою фразу насчёт того, кто вернётся.

– Это просто. Мы думали, что охотимся за турецким резидентом. И что изменник неминуемо выдаст себя в решающем бою, ввиду начальства. А на самом деле турецкий резидент проводил собственную операцию. По глубокому внедрению своего лучшего агента! И самый бой был лишь частью его плана, вовсе не последней.

– Но ведь Ильин лично застрелил Лемтюжникова у нас с тобой на глазах!

– Да. И это был наиболее сильный ход старого дезертира. Он даже на время сбил меня с толку. И лишь спустя время я понял: Лемтюжников повёл себя, как шахид. Мученик, павший за истинную веру. Ненависть к России была у него столь велика, что он решил пожертвовать своею жизнью для достижения высокой цели – создать сверхагента. Ведь в случае успеха с Ильина сняли бы все подозрения. И он стал бы делать в разведке быструю и успешную карьеру. Да мы сами, на радостях, перевели бы его в Петербург, в Военное министерство. Представляешь, к секретам какого уровня получил бы тогда доступ этот человек?

– Что-то у тебя не натурально выходит, – возразил Лыков. – Отдать свою жизнь за продвижение агента... Такого не бывает! Книжные какие-то страсти. Можно ли пожертвовать собой ради служебного успеха, которого даже и не увидишь? Только ради очень близкого человека.

– Так оно и было. Не только и не столько мать воспитывала нашего лихого капитана. Ильин для Лемтюжникова был не просто агент; он был ему, почти, как сын. Помнишь, из Гуниба я посыпал ещё одну телеграмму, в Тифлис? В ней поручалось тамошнему разведочному отделению проверить возможные связи матери Ильина с Лемтюжниковым. Они же жили в одном городе несколько лет. И что оказалось? Иблис состоял любовником безутешной вдовы. Часто посещал дом, помогал деньгами... И ещё оказывал большое влияние на её единственного сына. Можно сказать, что

он и вырастил мальчишку. Добавив ненависти к русским...

– Как это выяснилось? – живо спросил сыщик. – Через прислугу?

– Конечно. Все такие подробности обнаруживаются именно через расспросы прислуги. Много лет прошло, но нашим повезло – кухарка ещё жива! Она и показала. Помнишь, я говорил перед походом, что Лемтюжников проживал в Тифлисе под видом торговца коврами Ибрагимова? Вот тогда-то он и сблизился с вдовой чиновника Ильина. И, фактически, заменил её сыну отца. С 1870-го и до начала войны, семь лет он ежедневно бывал в их доме. Полагаю, Иблис уже тогда готовил из ребёнка своего особо доверенного агента. Поэтому и жизнь за него отдал, не задумываясь...

– А тот так же не задумываясь застрелил столь близкого ему человека? Не моргнув глазом?

– Тот поступил так, как полагалось по плану. Разработанному Лемтюжниковым и заранее доведённому до капитана. Что у последнего в тот момент творилось в душе, сказать не берусь. Но следует признать, что оба негодяя выказали огромное присутствие духа. И пошли на большие жертвы ради того, что считали своим долгом.

– Ты сказал, что Ибрагимов-Лемтюжников сбежал из-под ареста, когда был раскрыт в 1877 году. К вдове он и сбежал?

– Да. Потому и не поймали в тот раз. Кухарка и об этом поведала. При начале войны с турками купец явился к Ильиной весь растрёпанный и в окровавленной одежде. Та укрыла любовника и помогла уйти потом в горы. А прислуге велела молчать. Объяснила, что торговый спор, мол, вышел, и кредитор нанял абреков для получения долга. Ну, а спустя время поменяли и квартиру, и прислугу... Жаль, у меня не хватило ума послать такой запрос в Тифлис раньше – могли бы и не лазить тогда на волшебную гору. Столько людей были бы живы... А так открытия наших я получил, только когда вернулся в Гуниб; они лишь подтвердили то, что я уже знал.

– Что изменник тот, кто живым сойдёт с горы?

– Да. Но только понял я это окончательно уже у подножия Эдраса...

– Всё равно не вяжется, – упрямо спорил Лыков. – Зыбкие какие-то планы были у резидента! Как бы поступил Лемтюжников, если бы меня не вызволил Аз-Захир? А потом не подоспал бы Мелентий Лавочкин. Столько совпадений... Этого же никто не мог предусмотреть!

– Жизнь есть жизнь. Иблису пришлось многое менять на ходу. Но он нашёл бы другой способ организовать наше освобождение. Причём вполне правдоподобное. И Малдай, и его абреки, и даже сам старик в жёлтой чалме – все были смертники, все должны были умереть ради продвижения

одного человека. Ну, уснул бы часовой... Или «позыбыли» бы связать руки капитану... Полагаю, в первоначальном плане роль «освободителя» была отведена именно Ильину. И он бы точно так же застрелил своего почти отца у нас на глазах... Сказать по правде, я никогда ещё не имел дела с таким сильным противником, как Лемтюжников. Он до самого конца дёргал за ниточки. И всегда имел несколько вариантов. К тому же, ему хорошо помогали отсюда, из Петербурга. Предатель ведь был и в самом Военном министерстве! Ерёменко, иуда, несколько лет переписывал секретные отпуски^[141] и продавал их англичанам. И через Дербент снабжал данными о наших планах Иблиса; тот многое знал загодя. В нашем отряде должны были погибнуть почти все; видимо, и ты. Павел Афанасьевич спас тебе жизнь, придумав вернуть братству Кадиря сердце Кунта-Хаджи. Я был приговорён стариком к спасению, как свидетель – с той целью, чтобы наши поверили Ильину при возвращении.

– А та контузия в шею? Ты ведь чуть не погиб от неё!

– Это незапланированная случайность. Целили в тебя, а попали в меня. С сошек почти невозможно промахнуться со столь близкого расстояния. Если бы ты не потянулся в эту секунду за винтовкой... Нет ни одного плана, который прошёл бы так, как было написано на бумаге.

– А схватка с байгушами? Мы оба были там под пулями!

– Да, но тебе пуля угодила в сердце и, если бы не газыри, ты был бы убит. А меня свинец аккуратно обошёл...

– Это всего лишь везение, – не согласился Лыков. – Если бы действительно запретили стрелять в тебя, то пленный абрек не преминул сказать об этом. Нет, целили в нас обоих, и убить могли обоих. Я чувствовал это по бою!

– Ты прав. Такую возможность Иблис тоже допускал. Когда пули стали бы меня обходить, я заподозрил бы нечестную игру, чужую пьесу. Это могло стать подсказкой, что ход событий управляет извне. Тогда я не поверил бы и в невиновность Ильина. Этого наш сартип допустить не мог, поэтому он учёл и риск моей гибели. Всё должно было быть всерьёз, по-настоящему. Если бы я оказался подстреленным, то командование отрядом, как старший в чине, принял бы Артилевский. И тогда уже перед ним разыграли бы знакомый нам сюжет. Эспер Кириллович вернулся бы с Ильиным в Шуру и доложил: предатель – Даур-Гирей.

– Но ведь он сам был под подозрением! Кто бы ему поверил?

– Во-первых, были бы свидетели – казаки. Во-вторых, он привёз бы трупы Малдая и Лемтюжникова. Как тут усомниться?

– Что-то здесь не так. Я опять о том бое с байгушами. Англичане

действительно дали приказ Лемтюжникову убить тебя за Неаполь? Но ты сам говоришь, что нужен был Иблису живым, чтобы засвидетельствовать невиновность капитана Ильина. Не понимаю... Противоречие получается.

– Нет никакого противоречия. Мы сейчас, после ареста Ерёменко и Кановцева знаем, что Иблис был двойным агентом – и турецким, и британским. Британцы приказали ему убить меня. Резидент подчинился – послал людей. Думаю, он предполагал, что босяки с нами не справятся... Лемтюжникова такое вполне устраивало. Для себя он давно решил: жертвует собой, да и всей бандой Малдая, чтобы провести своего человека на самый верх. Это было главной идеей его операции. Если меня убьют – и план в целом удался, и хозяева довольны. Если я выберусь – даже лучше! Реабилитация Ильина будет более убедительной, чем при Артилевском. А подстрелить Таубе на потребу англичанам можно и потом, как-нибудь, при случае...

– А захват лагеря и архива?

– Говорю тебе: у Лемтюжникова всегда было наготове несколько вариатнов. Нас, действительно, ждала засада на той стороне хребта. Но старик допускал, что кто-нибудь из местных жителей расскажет про лагерь в котловине, и мы туда нагрянем. Поэтому нам и подсунули архив. Им можно растапливать печку: бумаги сфальфицированы. Засада же в пещере – ключевой пункт плана сартипа – удалась ему вполне. Мы попались, как мальчишки...

– Всё, что ты говоришь – только предположения! Ни одного факта, доказывающего вину Ильина, ты пока не привёл.

– Слова сыщика, а не разведчика! Это у вас там улики, свидетели; разведка чаще оперирует логикой. А логика такова: изменник тот, кто вернулся с волшебной горы живым, подставив вместо себя другого. Ты что, видел, как Даур-Гирей нас предал?

– Нет. Но «кри-кри», которым нас заманили в пещеру, был его. И он стоял там не связанный и с оружием.

– «Кри-кри» у него отбрали. А оружие... Ты держал его в руках? Разряженный револьвер в кобуре, и обломок шашки в ножнах. Не случайно ротмистра тут же увели. Если он был изменник, то почему не участвовал в наших допросах? Таиться уже ни к чему... А просто к этому времени Даур-Гирей был уже мёртв.

– Значит, старик-дезертир стал шахидом? И всё, что мы видели, был, как ты говоришь, спектакль?

– Да. Лемтюжников состарился, почувствовал, что век его кончается. А ненависть к России была у него таковой, что он решил пожертвовать

остатком, чтобы помочь возвыситься своему лучшему агенту.

– Да, – вздохнул Алексей, – и ему едва это не удалось. По крайней мере, меня он провёл. Только я возомнил, что спас в пещере твою никчёмную жизнь, и вот… Ещё бутылку?

– Достаточно. Я же понимаю, что тебе хочется быстрее попасть домой. Иди, обними жену. Привёз ей что-нибудь с Кавказа?

Лыков порылся в кармане мундирного фрака, достал оттуда маленький серый комочек.

– Вот. Пуля, что ты велел сберечь.

– Ну, это же не дарят жене!

– Есть ещё пара вещиц из Кубачи. Красивые! И детёнышам игрушечные кинжалы.

– Уже лучше! – одобрил Таубе и встал. – Иди! Поклон от меня Варваре Александровне.

– Приходи завтра на обед.

– Вот, – барон похлопал себя по боковому карману. – Рапорт об отпуске удовлетворён. Сегодня же ночью выезжаю обратно на Кавказ. А ты не забудь, пожалуйста, о своём обещании – вернуть Лидию Павловну из ссылки.

– Сдалаю всё, что смогу. Где вы намерены жить? Может, приискать квартиру, пока ты катаешься?

– Ты у нас богач; наймёшь какие-нибудь хоромы. А у меня заповедных имений нет! Ищи лучше приличный подарок на свадьбу. А то, знаю я вас, скороспелых дворян с капиталами – вечно нас, бедных баронов, обижаете… Лапотники, и никакого вкуса!

И они дружно рассмеялись…

Алексей простился с другом, сел на извозчика, но поехал не к семье. У него было в столице ещё одно дело. Через полчаса он стучал в дверь скромной квартиры, снимаемой вдовой квартального надзирателя Кузнецова. Женщина открыла ему дверь, как всегда, тихо поздоровалась.

– Вот, Капитолина Ивановна. Простите, задержал на три дня – был в отлучке.

Лыков вручил вдове сто рублей. Та вполголоса поблагодарила, ждала, когда сыщик уйдёт. Но тот маялся на пороге.

– Капитолина Ивановна. Я убил того человека, который зарезал вашего мужа. На Кавказе, в Темир-Хан-Шуре, три недели назад.

Вдова несколько секунд молча смотрела на Лыкова, потом повернулась, прошла в комнату и стала беззвучно молиться на угольную икону.

Лыков так и не понял, за кого она молилась.

---

notes

Примечания

1

Заповедное имение – русский майорат. Переходит старшему в роду мужчине; его нельзя делить, продать, заложить в банк или проиграть в карты. Выморочное имение – не имеющее наследников на момент смерти владельца; поступало, постоянно или временно, в собственность казны.

2

Военно-Учёный комитет Военного министерства – русская военная разведка.

3

Андия – высокогорная область в Северном Дагестане.

4

Имамат – теократическое государство, созданное на Северном Кавказе имамом Шамилем в 1843-59 годах и воевавшее с Россией.

5

Мюриды (букв. – воители за веру) – название солдат Шамиля.

6

Конгриевые ракеты – реактивное оружие 19-го века. Стреляли зажигательными снарядами.

7

Аул Гуниб – последняя резиденция имама Шамиля. Был взят штурмом русским войсками 25 августа 1859 года. С его падением завершилось покорение Северного Кавказа.

8

Темир-Хан-Шура – столица Дагестанской области (нынешнее название – Буйнакск).

9

Т.е. крестьянина.

10

Гайменник – убийца (жарг.)

11

Надворный советник Н.фон Зон был убит с целью ограбления 7 ноября 1867 г.; Ф.Штрам убит собственными женой и сыном 11 сентября 1871 г. Архив останков сгорел вместе со зданием Окружного суда в феврале 1917 г.

12

Вирд – отделение. Кадири – одно из ответвлений суфизма. Основано великим персидским теологом Абдул Кадиром в XII веке.

13

Вольноопределяющийся первой категории – доброволец, окончивший полный курс гимназии.

14

Имеются в виду двуглавые орлы на мундирных петлицах и погонах, отличительные знаки камер-юнкера.

15

Современное название – Махачкала.

16

Саманные – выложенные из земляного, смешанного с соломой и высушенного на солнце кирпича. Турлучные – дома, в которых стены сделаны из плетня, обмазанного с обеих сторон глиной, смешанной с коровьим навозом.

17

Базалай – кинжал, названный так по имени знаменитого оружейного мастера.

18

Форштадт – часть города, в которой расположен гарнизон.

19

Саква – вьючная сумка.

20

Начальника Дагестанской области генерала Чавчавадзе.

21

Корта-когиш – баранья голова с галушками и чесночной приправой.
Чепалгashi – лепёшки с различными начинками (чечен.).

22

Слово «шейх» имеет много значений. В данном случае – глава суфийского братства (тарикиата).

23

Амир аль-муминин – Повелитель правоверных – один из титулов Шамиля.

24

Зикр – ритуальное упоминание имени Аллаха в форме речитатива. Во время Кавказской войны зикр был предвестником нападения горцев на русские войска, что и заставило гарнизон Шали открыть, как они думали, предупредительный огонь.

25

Хаджи-мук – сын хаджи – почётный титул. Улем – учёный.

26

Таубе и Артилевский имеют одно звание. В армии императорской России в таких случаях старшим считался тот офицер, который раньше был произведён в равный чин. Таковым по возрасту явно был Артилевский, но старшим по должности, в обход правил, оказался Таубе, который пытается смягчить обиду войскового старшины.

27

В.О.Гурко, отец будущего фельдмаршала; тогда командовал войсками на Кавказской линии и Черномории.

28

Батальонер – командир батальона.

29

Старое название Большого Кавказского хребта.

30

Канлы – объявленные вне закона по обычаям кровной мести.

31

Общественники – крестьяне, выгнанные из общины по приговору сельских сходов за дурное поведение.

32

Кассирован – подтверждён.

33

Качаги – то же самое, что и абреки.

34

Мухортая масть – гнедая с жёлтыми подпалинами; чалая – серая с примесью другой масти.

35

«Красные» – воры; гайменники – убийцы (жарг.).

36

«Брус» – не уголовный, но прошедший тюрьму (жарг.).

37

Сорга – деньги, кишеня – карман (жарг.).

38

Цинтовка – тюрьма; шпановый «брус» – близкий к уголовным; халамидник – мелкий базарный вор; ламышник – полтинник (жарг.).

39

«Мельница» – подпольный игорный дом для уголовных.

40

Шулыкан – чёрт, нечистая сила (народн.).

41

Скуржавый кол – серебряный рубль (жарг.).

42

Пчельник – уголовный трактир (жарг.).

43

Семибашенный – Литовский замок (Петербургская городская тюрьма). Шпалерная – Дом предварительного заключения. Демидов – Петербургская пересыльная тюрьма. На Каменщиках – Московская губернская (Таганская) тюрьма на улице Малые Камещики.

44

Пеш-кеш – подарок, а также взятка, мзда (кавк.).

45

Поршни – сандалии из цельного куска буйволиной кожи для лазания по горам; надевались на сапоги.

46

Торока – ремни для крепления багажа позади седла.

47

Мухаррам – июнь (арабск.).

48

Рацион – оплата содержания конского состава.

49

Игреневый – рыжий со светлыми гривой и хвостом.

50

Набор – седло и упряжь.

51

Карт – староста селения.

52

Кади – судья по мусульманскому праву. Мазун – пятисотенный командир.

53

Катер – осляк, помесь осла и кобылицы.

54

Намазлық – коврик или шкура для молитвы. Кабла – направление на Мекку. Третий намаз совершается перед заходом солнца, когда тени от предметов становятся вдвое длиннее самих предметов.

Азарпеши – турыи рога для вина. Тулук – тоже, что и бурдюк.

56

Курзе – вареники.

57

Чухту – головной убор, скрывающий волосы женщин от лба до затылка.

58

Приказный – ефрейтор в казачьих войсках.

59

Аппель – сигнал сбора.

60

Эшелон – здесь то же, что и отряд.

61

Дибир – староста округи.

62

Годекан – площадка возле мечети, место проведения вечернего досуга мужчин.

63

Капучинцы – одно из названий бежтинцев, малой народности Западного Дагестана.

64

Сакма – след на земле.

Салят – ежедневная пятикратная молитва мусульманина.

66

Второй намаз проводится, когда солнце проходит зенит и начинает склоняться к западу.

67

Важно – тяжело, трудно. Назола – досада, огорчение.

68

Необыкновенные – настоящие, неложные.

69

Облоухий – лопоухий.

Джумная мечеть – мечеть для пятничной молитвы, главная в ауле.

71

Масджит – мечеть.

Кафир – неверный. Джанна – райские кущи, джаханнам – геенна, ад.

73

Векиль – представитель имама.

Мехкеме – округ на Западном Кавказе, то же, что наибство на Восточном.

75

Кочерма – название парусной шхуны на Чёрном море.

Мухаджиры – эмигранты с Кавказа в Турцию.

Хемшины – армяне, принявшие магометанство; ненавидимы остальными армянами.

Знак отличия Военного ордена (т. н. солдатский Георгий), который есть у Лыкова, формально орденом не является (орден может получить только офицер). Но среди офицерства такие солдатские кресты ползовались ещё большим уважением, чем собственно орена Св. Георгия, поскольку вручались решением Георгиевской Думы – собранием всех солдат-георгиевских кавалеров подразделения. Таким образом, подвиг оценивало не начальство, а сами солдаты, что и делало награду особенно почётной и труднодостижимой.

79

Табиб – лекарь, врачеватель.

80

Чалык – рис.

81

Пушкичи – поддувальщик мехов в кузне.

«Жевешка» – женщина-врач – уничижительное наименование в обывательской среде женщин, занимающихся дипломированной врачебной практикой.

83

Характерное выражение 19-го века, касающееся «стрельбы глазами».

Эсприфорка – эмансипэ, волнодумка.

85

Шапронировать – опекать.

Чанка – сын бека, хана или другого знатного дагестанца от рабыни.

87

Шарф – шитый золотом ремень, элемент парадной офицерской формы.

88

2354 метра.

89

Вторая Восточная война – русско-турецкая война 1877-78 г. г.

90

Клерная телеграмма – не зашифрованная.

91

Тумен – червонец (аварск.)

Канлы – здесь – свод правил о кровной мести.

Справочные цены – цены закупки фуражка и провианта армейскими частями для своих нужд. Дифференцировались по местам квартирования и времени года. Если они были завышены относительно реальных, то разница шла в карман ротных (эскадронных, батарейных) командиров.

94

«Лапки» – взятка сыскной полиции (жарг.)

95

Осьмуха – восьмая часть ведра – 1,55 литра.

96

Херый – пьяный.

97

Адрес Военного министерства.

98

Зашибать дрозда – пить.

99

Под турухом – под хмельком, в подпитии.

100

Чупурка – деревянная бутылка для чихиря с длинным узким горлышком.

101

Фотоген – керосин.

102

Инобытие – алиби.

«Балмац» – «народный язык» – средство устного общения во всём Дагестане. Создан на основе хунзахского диалекта аварского языка.

104

Комбинат – смесь.

105

Китаб – одно из названий Корана.

106

Отходник – то же, что и золотарь; чистильщик отхожих мест.

107

Кукомоя – неряха, грязнуля (народн.)

108

Тогда ртутьсодержащими препаратами лечили сифилис.

109

То есть, с душком, тухлую.

110

«Сам-кроше» – шуточное казачье название самосада.

111

«Мир вам. – Мир вам и милость Аллаха и благословение его».

Алим – мусульманский учёный, знаток шариата.

113

Байгуши – бездомные горцы, босяки.

114

Гашник – шнур от крестьянских портов.

Постолы – то же, что и поршни: сандальи из цельного куска бычьей шкуры, надеваемые на сапоги.

116

Или 1597 метров.

Охотник – то же самое, что и пластун, т. е. пеший армейский разведчик.

Пеммикан – с середины XIX века общепринятый концентрат для экспедиций. Изобretён североамериканскими индейцами для военных походов. Изготавливался из оленьего и бизоньего мяса, сущёного на солнце, провяленного, а затем измельчённого в порошок и смешанного с растопленным жиром и соком лесных ягод.

Дервиш – то же, что и суфий; член братства.

120

Высота г. Обода – 3006 метров.

121

Высота г. Аддала-Шухгелымеэр – 4151 метр.

122

Тухум – кровно-родственный союз.

123

Шурва – лезгинский суп из баранины, япраги – дагестанское название долмы с бараниной, чепалгashi – дагестанские лепёшки из пресного теста, с творогом.

124

Аль-Гани – Богатый (арабск.)

125

Абас – 20 копеек.

126

Ярмулем горцы называли А.П.Ермолова, в 1816—1827 г. г. главнокомандующего войсками на Кавказе.

127

Ифрит – один из низших джинов; отличается огромным ростом.

128

Ганима – военная добыча в войне с неверными.

129

Сумёт – сугроб.

Горцы из-за холода неохотно носили чалму и обычно обивали цветной материей папаху.

131

Наказание для офицеров: идти в походе пешком позади строя, а не ехать верхом впереди.

132

Чуха – род черкески.

133

Гази – воитель за веру – почётный титул.

Шахада – «формула ислама»: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха». Троекратное произнесение этой фразы перед официальным лицом является ритуалом принятия ислама.

135

Начало сур Корана. Стало преамбулой к письмам, устной речи и т. п.

Ахль аль-китаб – категория людей, находящаяся между истинно верующими и неверными. Они верят в того же Бога, но исказили учение. Могут жить среди мусульман и пользоваться их защитой и покровительством.

137

То есть, с холодным оружием.

138

Налинька – уменьшительное имя от Антонины.

Атаманцева несколько неточно цитирует Коран, где при описании джанны – рая для благочестивых мусульман – указано наличие особых женщин для них – гурий.

140

Железница – железная дорога.

141

Отпуски – копии исходящих бумаг.